This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

HN525
R336
1868

HN525
.R53
1868

✓CONS. '85

HN525
.R33
1868

✓CONS. '85

Radishchev, Aleksandr Nikolaevich

Radishchev i ego kniga

РАДИЩЕВЪ

и

ЕГО КНИГА:

ПУТЕШЕСТВІЕ

ИЗЪ

ПЕТЕРБУРГА ВЪ МОСКВУ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1790 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ печатнѣ В. Головина, у Владимірской церкви, домъ № 15.
1868.

161

РАДИЩЕВЪ

и

ЕГО КНИГА:

ПУТЕШЕСТВІЕ

ИЗЪ

ПЕТЕРБУРГА ВЪ МОСКВУ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1790 г.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1868.

Dec-21-50
TF Cat 42, 58.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

У насъ, гдѣ неусыпныя заботы правительства о народномъ благѣ, всегда заставляли ожидать отъ державной воли тѣхъ благихъ начинаній и реформъ, которыя были бы надобны въ извѣстное время, — часто являются люди, которые не имѣя возможности знать высокихъ причинъ и соображеній монарха, хотятъ, какъ будто, упредить державную волю. Впадая въ увлеченія и заблужденія, ихъ пропаганда о предполагаемой реформѣ получаетъ противузаконный характеръ, и они оказываютъ положительное противодѣйствіе проэктированному преобразованію, потому что освѣщаютъ его по своему вкусу

и часто преждевременно требуютъ большаго, не принимая въ разсчетъ того, что еслибъ ихъ проектъ былъ дѣйствительно своевременнымъ и полезнымъ, то правительство приняло бы его при первой возможности, такъ какъ всѣ интересы и желанія монарха сосредоточены на народномъ благѣ.

Однимъ изъ такихъ людей является Радищевъ. Получивъ заграничное воспитаніе, подъ вліяніемъ броженія умовъ вблизи французской революціи, поклонникъ Гельвеція, Радищевъ не могъ не отличатся по складу мыслей между своими соотечественниками, и не могъ равнодушно относиться къ общественнымъ недостаткамъ и порокамъ; но при обличеніи онъ слишкомъ увлекся, многое преувеличилъ съ необыкновенною рѣзкостью сужденій, часто самъ доходя до самыхъ ложныхъ выводовъ. Все это не могло не возбудить преслѣдованія. Главнымъ мотивомъ его обвиненія послужило отрицаніе крѣпостнаго права. Императрица Екатерина II конечно не могла не видѣть всѣхъ золъ, происходящихъ отъ крѣпостной за-

висимости; но важныя причины не дозволяли приняться безъ всякой подготовки за реформу крестьянскаго быта. Подготовляясь къ этому, мы медленнымъ путемъ дошли до великаго событія 19 февраля.

Несмотря на промахи, увлеченія и заблужденія Радищева, книга его, имѣя несомнѣнныя литературныя достоинства, не могла не принести въ свое время пользы и пройдти безъ всякаго впечатлѣнія. Одинъ изъ біографовъ Радищева говоритъ: въ «*Путешествіи*» одна только ода можетъ почесться неумѣстною въ извѣстномъ отношеніи, а все остальное было не болѣе, какъ собранные факты изъ дѣйствительности, свѣдѣніе о которыхъ, приведенное въ сознаніе, могло бы быть полезно, какъ матеріалъ для административныхъ и политическихъ дѣйствій. [1])

Пушкинъ, произнесшій самый рѣзкій и строгій приговоръ на книгу Радищева, замѣчаетъ: «въ ней есть нѣсколько благора-

[1]) „Русск. Вѣстн.“ 1858 г. 18 т. 429 стр.

зумныхъ мыслей, нѣсколько благонамѣренныхъ предположеній, которыя не имѣли ни какой нужды быть облечены въ бранчивыя и напыщенныя выраженія» [1]).

Во всякомъ случаѣ, Радищевъ заслуживаетъ полнаго вниманія со стороны историка русской литературы, и я, надѣюсь, не безполезно предпринялъ мой трудъ.

Выдержкамъ изъ «Путешествія въ Москву» я счелъ нужнымъ предпослать нѣсколько біографическихъ матеріаловъ, которые могутъ освѣтить до извѣстной степени личность Радищева и дать о немъ, какъ о человѣкѣ, хотя поверхностное понятіе.

---

[1]) Сочин. Пушкина, изд. Анненкова, т. VII, стр. 57.

Александръ Николаевичъ Радищевъ.

Радищевъ родился въ 1749 году, 20 августа; умеръ отъ отравы крѣпкою водкой 11 сентября 1802 года.

Я имѣю въ рукахъ подробную родословную Радищева; но такъ, какъ это совершенно нейдетъ къ дѣлу, то я опускаю описаніе дѣдовъ и прадѣдовъ поэта, а скажу только нѣсколько словъ объ его отцѣ. Онъ былъ отставной бригадиръ, старый суровый помѣщикъ (имѣлъ 2000 душъ крестьянъ), котораго, впрочемъ, любили подчиненные. Это былъ одинъ изъ тѣхъ типовъ, про которыхъ поется въ пѣснѣ:

За добро онъ хвалитъ,
А за худо бьетъ.

Такое лестное реноме и до сихъ поръ возбуждаетъ уваженіе и симпатію многихъ людей. Отецъ Александра Николаевича на дѣлѣ испыталъ доказательство крестьянской привязанности. Во время нашествія Пугачева, онъ принужденъ былъ удалиться изъ

зумныхъ мыслей, нѣсколько благонамѣренныхъ предположеній, которыя не имѣли ни какой нужды быть облечены въ бранчивыя и напыщенныя выраженія» [1]).

Во всякомъ случаѣ, Радищевъ заслуживаетъ полнаго вниманія со стороны историка русской литературы, и я, надѣюсь, не безполезно предпринялъ мой трудъ.

Выдержкамъ изъ «Путешествія въ Москву» я счелъ нужнымъ предпослать нѣсколько біографическихъ матеріаловъ, которые могутъ освѣтить до извѣстной степени личность Радищева и дать о немъ, какъ о человѣкѣ, хотя поверхностное понятіе.

---

[1]) Сочин. Пушкина, изд. Анненкова, т. VII, стр.

своего помѣстья, и роздалъ своихъ четверыхъ дѣтей мужикамъ; они не выдали переодѣтыхъ барчатъ и не открыли мѣстопребыванія помѣщика, которому вмѣстѣ съ дѣтьми угрожала неминуемая смерть. Когда бунтовщики, разстрѣлявъ портретъ Радищева удалились изъ села, Николай Афонасьевичъ возвратился къ своему семейству здравъ и невредимъ, между тѣмъ какъ мятежники перебили почти всѣхъ его сосѣдей.

Александръ Николаевичъ былъ старшимъ сыномъ, и его съ раннихъ лѣтъ опредѣлили въ Пажескій корпусъ. Въ званіи пажа, прислуживая за столомъ императрицы [1]), онъ видѣлъ пышный дворъ Екатерины. Въ это время воротился изъ-за границы одинъ молодой человѣкъ (Владиміръ Григор. Орловъ), который блескомъ европейскаго образованія произвелъ на Императрицу очень благопріятное впечатлѣніе, и Екатерина рѣшилась отправить нѣсколько молодыхъ людей за границу.

Въ число двѣнадцати человѣкъ, выбранныхъ для отправки въ Лейпцигскій университетъ, попало шесть пажей и между прочими А. Н. Радищевъ, которому въ то

[1]) Обычай этотъ былъ отмѣненъ Александромъ I-мъ.

время только-что исполнилось семнадцать лѣтъ. Было отпущено на каждаго питомца по 800 руб. въ годъ и приставленъ, въ видѣ ментора, гофмейстеръ Бокумъ. Кромѣ того, молодыхъ людей сопровождалъ добрый, веселый монахъ отецъ Павелъ, исправлявшій должность духовника. Бокумъ былъ грубый, дураковатый нѣмецъ, надъ которымъ всѣ потѣшались и дѣлали разныя мистификаціи. Такъ, гофмейстеръ имѣлъ странную черту хвастатся своею, будто бы необыкновенною, силой. Ученики отыскали гдѣ-то рослаго силача лакея и подговорили его поборотся съ своимъ наставникомъ. Лакей поддавался Бокуму, и это его ужасно тѣшило. Такіе сцены, къ величайшему удовольствію наставника и учениковъ, повторялись по нѣскольку разъ въ недѣлю.

Эти странности были бы еще очень сносны, еслибъ Бокумъ не отличался необыкновенною скаредностью и не «рачилъ болѣе о своей прибыли, нежели о ввѣреныхъ ему» (какъ говоритъ Радищевъ въ житіи Ушакова). Выведенные изъ терпѣнія, ученики часто жаловались русскому посланнику, но жалобы ихъ или не доходили по адресу, или не обращали на себя никакого вниманія.

Я выписываю изъ «житія Ушакова» слѣ-

дующій разсказъ, интересный для характеристики Бокума.

«Одинъ изъ нашего общества, Н., не получалъ изъ дому своего ни копѣйки, и для того претерпѣвалъ болѣе другихъ нужду. Зимой, не въ силахъ болѣе терпѣть холода ради болѣзненнаго расположенія тѣла, рѣшился сдѣлать гофмейстеру представленіе. Бокума онъ нашелъ играющаго на билліардѣ съ нѣкоимъ изъ его единоземцевъ и главнымъ подстрекателемъ его надменности. Н. объявилъ ему о своемъ недостаткѣ, прося дать приказаніе истопить его горницу. За день до сего Бокумъ посадилъ подъ стражу К. Т., который былъ комнатнымъ товарищемъ Н. На отказъ сдѣланный Бакумомъ, Н. сдѣлалъ возраженіе, а Бокумъ не хотѣлъ онаго слушать, особенно при напоминателѣ о его власти; оставивъ свою игру, началъ пришедшаго толкать неучтиво; а какъ сей тому противился и, обернувшись къ нему, говорилъ, что требованіе его о семъ справедливо, то Бокумъ, и паче того раздраженный, ударилъ Н. по щекѣ. Сей, мнимый отчасти, знакъ безчестія столь сильно обезоружилъ Н., что онъ, не сказавъ болѣе начальнику нашему ни слова, поклонился и вышелъ.

«Отрада несчастному есть убѣжище на лонѣ дружбы, бесѣдованіе о скорби своей. Н. возвѣстилъ насъ о происшедшемъ съ нимъ. Презрѣніе къ начальнику нашему было первое душъ нашихъ движеніе; но скоро къ тому присовокупилось и негодованіе . . . . всѣ рѣшили, что Бокумъ, сдѣлавъ поступокъ противный не только добрымъ нравамъ, но и благопристойности, долженствовалъ сдѣлать Н. удовлетвореніе за обиду. — Въ общежитіи, говорилъ Ѳедоръ Васильевичъ (Ушаковъ, который пользовался сильнымъ вліяніемъ надъ своими товарищами), если такой случай произойдетъ, то оной не иначе заглаженъ можетъ быть, какъ кровію....

«Заключительный и общій нашъ приговоръ былъ таковъ, что Н. долженъ идти къ Бокуму и въ присутствіи нашемъ требовать отъ него въ обидѣ своей удовлетворенія. Если же онъ не восхочетъ того исполнить, то надлежитъ ему, пощечину Бокуму возвратить. Долго Н. размышлялъ, колебался, и не могъ рѣшится на сей поступокъ; но мы приговоръ нашъ подкрѣпили тѣмъ, что если онъ сего не исполнитъ, то лишенъ будетъ нашея пріязни и обхожденія съ нами. Собравшися и условившись, какимъ обра-

зомъ долженствовалъ Н. требовать отъ Бокума удовольствія въ обидѣ, ему сдѣланной, мы пошли къ нему, исключая К. Т., который сидѣлъ подъ стражею.

«Въ комнатѣ, гдѣ обыкновенно была наша трапеза, дожидались мы Бокума, пославъ извѣстить, что мы желаемъ его видѣть. Едва онъ вошелъ въ комнату..., Н., вслѣдствіе сдѣланнаго нами положенія, подступивъ къ Бокуму, просилъ отъ него удовлетворенія въ обидѣ.

— Вы меня обидѣли, и теперь пришелъ я требовать отъ васъ удовольствія.

— За какую обиду и какое удовольствіе?

— Вы мнѣ дали пощечину.

— Неправда, извольте идти вонъ!

— А если не такъ, то вотъ и другая!

«Сіе говоря, Н. ударилъ Бокума и повторилъ ударъ. Опасаясь дальнѣйшаго слѣдствія, Бокумъ вышелъ изъ горницы... (Передъ этимъ) Н. былъ въ гостяхъ, и, пришедъ не имѣлъ времени раздѣться, и на сраженіе пришелъ со шляпою и шпагою; но Бокумъ въ обвиненіи своемъ не пропустилъ сего обстоятельства, и сказалъ, что мы, а паче Н., покушались на его жизнь, и сей вынулъ уже шпагу изъ ноженъ до половины, но онъ (Бокумъ) насъ, какъ ребятъ, ра-

зогналъ и раскидалъ. И такъ, въ самой клеветѣ не забылъ онъ хвастовства, и никогда не признавался, что Н. возвратилъ ему пощечину съ лихвою» [1]).

Пушкинъ, никогда и ничему не учившійся самъ, небрежно замѣчаетъ, что и Радищевъ провелъ три года въ Лейпцигѣ совершенно безполезно, но по сочиненіямъ его и другимъ фактамъ можно судить, что Александръ Николаевичъ былъ одинъ изъ образованнѣйшихъ русскихъ людей своего времени.

Въ воспоминаніяхъ его сына [2]) говорится, что Радищевъ воротился изъ-за границы «юрис-консультомъ, литераторомъ, медикомъ и химикомъ».

Лучшими товарищами Радищева во время пребыванія его заграницей были Ушаковъ, «Житіе» котораго, написанное А. Н., помѣщено въ пятомъ томѣ его сочиненій [3]), и Кутузовъ, которому онъ посвятилъ впослѣдствіи свое «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву». Въ особенности дружбой Радище-

---

[1]) „Житіе Ушакова". стр. 59.

[2]) „Русскій вѣстникъ" 1858 г. № 18, ст. „А. Н. Радищевъ" стр. 428.

[3]) Москва, въ типографіи Бекетова, 1807—1811.

ва пользовался Ушаковъ, который изъ любви къ наукамъ бросилъ выгодную службу при статсъ-секретарѣ Тепловѣ. Если вѣрить Лонгинову [1]), этотъ молодой человѣкъ «съ раннихъ лѣтъ не пріучалъ себя удерживать порывы страстей и чувственности», что и было причиной его преждевременной смерти на двадцать второмъ году. Страдая антоновымъ огнемъ, Ушаковъ просилъ Кутузова дать ему яду, но этотъ послѣдній посовѣтовался съ Радищевымъ и отказалъ больному. За этотъ поступокъ Радищевъ упрекаетъ себя и Кутузова [2]), и какъ бы предсказываетъ свое самоубійство.

А. М. Кутузовъ впослѣдствіи переводчикъ Мессіады Клопштока и Юнговыхъ размышленій, былъ «добродушный и любезный человѣкъ» по свидѣтельству Карамзина [3]). Всѣ молодые люди занимались очень усердно и успѣли обратить на себя такое вниманіе профессоровъ, что Платнеръ (читавшій философію) вспоминалъ ихъ черезъ 20 лѣтъ [4]).

Въ 1770 году Радищевъ возвратился въ Россію и поступилъ протоколистомъ въ се-

---

[1]) „Современникъ“ 1856 г., № 8, смѣсь, стр. 148.
[2]) Соч. Радищева, т. V стр. 83.
[3]) Собр. Сочиненій Карамзина, т. 11 стр. 55.
[4]) Тамъ же, стр. 127-я.

натъ. Если вѣрить Бантышъ-Каменскому [1]), А. Н., воротившись изъ-за границы, плохо говорилъ по-русски, бралъ уроки у А. В. Храповицкаго, и, будто бы, перевелъ подъ его руководствомъ брошюру Монтескье «О величіи и упадкѣ Римлянъ». До 1780 года, въ теченіе десяти лѣтъ, А. Н. служилъ по разнымъ вѣдомствамъ, пока, наконецъ, ему удалось занять мѣсто при С.-Петербургской таможнѣ, гдѣ онъ получилъ порученіе составить проэктъ новаго тарифа.

Радищевъ былъ приверженецъ свободной торговли и писалъ, что еслибъ отъ него зависило онъ сейчасъ же уничтожилъ бы всѣ таможни. Не сомнѣваюсь, что такія убѣжденія таможеннаго чиновника кому-нибудь покажутся странными. Но у насъ въ Россіи, гдѣ и до сихъ поръ на каждомъ шагу можно встрѣтить офицеровъ, отрицающихъ ружейные пріемы, и собственниковъ, проповѣдующихъ комунистическія идеи,—во времена Екатерины это совсѣмъ не было страннымъ.

Въ 1775 году Радищевъ женился. — «Въ ту самую минуту, какъ женихъ съ невѣстою поѣхали къ вѣнчанію, лошади понесли, что сочтено было за дурное предзнаме-

[1]) Словарь достопамятныхъ людей, ч. IV, стр. 260.

нованіе. Дѣйствительно счастливые супруги прожили вмѣстѣ только восемь лѣтъ», пишетъ сынъ Радищева [1]). Александръ Николаевичъ, искренно любившій свою жену, былъ въ отчаяніи; онъ почтилъ ея память стихотворною эпитафіей, гдѣ между прочимъ говорится:

О если, то не ложно,
Что мы по смерти будемъ жить;
Коль будемъ жить, то чувствовать намъ должно,
А если чувствовать — нельзя и не любить.
Надеждой сей себя питая,
И дни въ тоскѣ препровождая,
Я смерти жду какъ брачна дня;
Умру и горести забуду,
Въ объятіяхъ твоихъ я паки счастливъ буду
Но если то мечта, что сердцу льститъ маня,
И ненавистный рокъ отъялъ тебя на вѣки, —
Тогда отрады нѣтъ [2]) . . . . .
. . . . . .

Эти строки были причиною того, что памятникъ запретили, такъ какъ эпитафія не выражаетъ «достаточной увѣренности въ безсмертіе души». Радищевъ поставилъ его въ своемъ саду.

Вскорѣ послѣ смерти жены, А. Н. былъ

---

[1]) „Русскій Вѣстн.“ 1858 г. № 18 стр. „А. Н. Радищевъ“ стр. 403.

[2]) Сочинен. Радищева, т. 1-й, стр. 199.

назначенъ директоромъ петербургской таможни. Онъ, по словамъ сына, отличался рѣдкимъ безкорыстіемъ и не бралъ взятокъ: поэтому почти ничего не оставилъ своимъ дѣтямъ, и Павелъ Радищевъ (авторъ біографіи своего отца) принужденъ былъ добывать себѣ кусокъ хлѣба уроками въ Таганрогѣ.

Радищеву уже было сорокъ лѣтъ, онъ былъ колежскій ассесоръ и директоръ таможни, лицо лично извѣстное государынѣ, когда началъ писать свое «Путешествіе».

Какъ я уже замѣтилъ въ предисловіи, Гельвецій [1]) имѣлъ сильное вліяніе на убѣжденія Николая Александровича; наконецъ, тогдашнее настроеніе европейскаго общества, приближеніе французской революціи, — все это дало ему тотъ образъ мыслей, за

[1]) Сочиненіе „De l'espit" издано въ 1758 году и въ томъ же году было сожжено рукой палача; оно имѣло сильное вліяніе на кружокъ Радищева; Ѳ. В. Ушаковъ писалъ объ немъ. — Характеристика Гельвеція сводится въ слѣдующихъ выраженіяхъ: Изъ ощущеній физической боли и физическаго удовольствія онъ выводитъ всѣ человѣческія страсти, чувства и поступки. Эгоизмъ признаетъ единственнымъ двигателемъ всякой человѣческой дѣятельности, какъ самой преступной, такъ и самой возвышенно-честной и героическій; человѣкъ дѣлаетъ добро и зло вслѣдствіе одинаковыхъ побужденій т. е. вслѣдствіе того удовольствія, которое доставляетъ или обѣщаетъ извѣстный поступокъ.

который онъ такъ жестоко поплатился. Нѣкоторыя рѣзкія воззрѣнія на порядокъ вещей Радищевъ высказалъ не въ первый разъ въ своемъ «Путешествіи». Въ «Житіи Ушакова», обращаясь къ Кутузову, авторъ уже выказываетъ нѣкоторое недовольство на своихъ современниковъ, и, вѣроятно, еслибъ тамъ пришлось коснуться крестьянскаго вопроса, онъ произнесъ бы свое рѣшеніе также рѣзко какъ и въ «Путешествіи».

Въ 1790 году А. Н. напечаталъ въ своей типографіи одобренное цензурой («несмысленнымъ урядникомъ управы благочинія», какъ называетъ А. Н. своего цензора [1]) «Путешествіе въ Москву». Онъ разослалъ свою книгу знакомымъ, чѣмъ, по мнѣнію Пушкина поставилъ въ очень неловкое положеніе Державина. Надо однакожъ замѣтить, что если положеніе и было сколько-нибудь неловко, то Державинъ вывернулся изъ него чрезвычайно ловко: онъ представилъ Императрицѣ сочиненіе Радищева съ подробнымъ доносомъ на автора.

26-го Іюня 1790 года Храповицкій отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ, что Императрица говорила о книгѣ Радищева: «тутъ раз-

[1]) До 1804 г. Цензура принадлежала, то управѣ благочинія, то генералъ губернатору, то университету и академіи наукъ.

сѣяніе заразы французской, авторъ мартинистъ, бунтовщикъ, хуже Пугачева: онъ хвалитъ Франклина».

Въ замѣчаніяхъ Екатерины II на сочиненіе Радищева она между прочимъ говоритъ: что авторъ «сложенія унылаго и все видитъ въ темночерномъ видѣ, слѣдовательно черножелтаго вида».

Въ началѣ Іюля, Императрица подписала приказъ объ арестованіи Радищева и судѣ надъ нимъ.

Она писала между прочимъ къ генералъ-аншеру Брюсу [1]) что, «*Путешествіе изъ Петербурга въ Москву*», есть книга, «наполненная самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобы произвесть въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства, наконецъ,—оскорбительными выраженіями противу сана и власти царской».

Радищевъ былъ арестованъ и приведенъ къ Брюсу; но едва онъ вошелъ, въ сопровожденіи конвойнаго въ переднюю генералъ-аншефа, какъ туда явился посланный отъ Шишковскаго. Услышавъ это имя, Алек-

---

[1]) Сочин. Екатерины II, изд. Смирдина т. III, стр. 392.

сандръ Николаевичъ упалъ въ обморокъ [1]). Въ тотъ же день Радищевъ былъ закованъ въ кандалы и посаженъ въ крѣпость.

Шишковскому передали замѣчанія Императрицы [2]) на книгу Радищева, и приказано было произвесть строжайшее слѣдствіе.

---

[1]) Черезъ годъ послѣ этого Шишковскій съумѣлъ, такъ обласкать Княжнина по поводу его трагедіи „Вадимъ", что тотъ воротился домой, слегъ въ постель и умеръ. См. Русск. Вѣстн. 1858 г. 18 т. стр. 430.

[2]) Вотъ они: № 1. Книга напечатана въ 1790 г. безъ подписи типографіи и безъ видимаго дозволенія въ началѣ, но въ концѣ сказано: *съ дозволенія Управы Благочинія.* Сіе, вѣроятно, ложь, либо оплошность.

Намѣреніе сей книги на каждомъ листѣ видно: сочинитель оной исполненъ и зараженъ Французскимъ заблужденіемъ, ищетъ всячески и выисщиваетъ все возможное къ умаленію почтенія къ власти и властямъ, къ приведенію народу въ негодованіе противу начальниковъ и начальству.

Онъ же едва ли не мартинистъ, или что подобное, знаніе имѣетъ довольно и многихъ книгъ читалъ. Сложенія унылаго и все видитъ въ темно-черномъ видѣ, слѣдовательно *черножелтаго вида.*

Воображеніе имѣетъ довольно, и на письмѣ довольно дерзокъ.

№ 2. Все то, что въ свѣтѣ нынѣ установлено и устроено по опытамъ, что предъидущее требовало, чтобы такъ было, а не послѣпому хотѣнію; будетъ ежели инако, то будетъ хуже, понеже лутчеѣ есть врагъ нынѣшному доброму, и лутче держатся извѣстному, нежели не извѣстному проложить дорогу.

№ 3.... (Пропускаемъ какъ неинтересный, наполненной замѣчаніями, судить о которыхъ можно по вопроснымъ пунктамъ).

№ 4. Скажите сочинителю, что я читала ево книгу отъ доски до доски, и прочтя усумнилась, не здѣланно ли ему мною

Шишковскій былъ человѣкъ очень набожный, вынималъ за каждый обѣдней три просфоры, и по нѣскольку часовъ ежедневно проводилъ въ молитвѣ. Изъ дому Радищева начали каждый день таскать всякую живность къ его строгому слѣдователю, который съ благодарностью принималъ взятки, и отвѣчалъ родственникамъ подсудимаго: «все, слава Богу, благополучно; не извольте безпокоиться».

Между тѣмъ съ подсудимаго снимали слѣдующія показанія:

— Книга, названная Путешествіемъ изъ Петербурга въ Москву, которая при семъ ему объявлена, кѣмъ сочинена?

— Сія книга сочинена имъ, Радищевымъ, и черный манускриптъ весь писанъ былъ его рукою. По написаніи жъ оной переписывалъ ее на бѣло таможенный надзиратель Царевскій.

— Какъ она была переписана на бѣло, то вы для цензуры объявили ль, гдѣ должно по учрежденію, а при объявленіи дали ли знать о имени сочинителя той книги?

какая обида; ибо судить ево не хочу, дондеже не выслушенъ, хотя онъ судитъ о царей, не выслушивая ихъ оправданіе".

Смотри брошюру „Радищевъ".

— По перепискѣ на бѣло книги, посылалъ онъ для цензуры оную съ досмотрщикомъ Мейснеромъ, который, спустя довольно времени, за цензурою Оберъ-Полиціймейстера Никиты Ивановича Рылѣева, и принесъ къ нему въ домъ.

— Оную книгу въ какой вы типографіи печатали, и при печатаніи оной, послѣ уже цензуры, не прибавили ли еще чего, и буде прибавили, или же исключили что, то объясните, что прибавили и что убавили?

— Та книга напечатана въ собственной его типографіи, которую онъ купилъ у Шнора. При печатаніи оной наборщикомъ былъ, находящійся въ то время въ Таможняхъ, надсмотрщикъ, Богомоловъ. Тискана же она съ помощію собственныхъ его людей. Послѣ цензуры перемѣнялъ онъ нѣкоторыя только рѣченія, а въ другихъ мѣстахъ и листы, въ которыхъ однакожъ важности не заключалось.

— Сколько ея было напечатано, сколько въ продажу отдано, или кому раздарено, и сколько затѣмъ осталось?

— Напечатано было ея не болѣе, какъ шестьсотъ сорокъ, или пятьдесятъ, экземпляровъ, отдано въ продажу купцу Зотову

сперва 20, а потомъ 5, болѣе жъ никому не продавалъ, подарилъ Козодавлеву 2, прапорщику Дарагану 1, ротмистру Алсуфьеву 1 и иностранцу Вицману 1, а затѣмъ остальные сожжены, такъ какъ и все, къ ней надлежащее.

— Съ какимъ намѣреніемъ писалъ онъ сію книгу?

— Главное его намѣреніе въ сочиненіи сей книги состояло въ томъ, чтобъ прослыть писателемъ и заслужить въ публикѣ гораздо лучшую репутацію, нежели какъ объ немъ думали до того. Впрочемъ теперь, при объявленіи оной, и самъ онъ видитъ, что наполнена она гнусными, дерзкими и развратными выраженіями, о чемъ отъ всего своего сердца и сожалѣетъ. Францію жъ въ примѣръ онъ не бралъ, хотя и самъ признается, что сіе похоже и на то обстоятельство, ибо сіе писалъ онъ прежде нежели во Франціи было возмущеніе.

— Не былъ ли приглашенъ въ общество мартинистовъ?

— Мартинистомъ онъ не только никогда не былъ, но и мнѣнія ихъ охуждаетъ, что въ самой книжкѣ сей значится на стр. 93 и 315.

— Противу стр. 88 [1]) не имѣлъ ли, или не имѣетъ ли какой связи съ господиномъ Челищевымъ, какъ въ семъ сочиненіи, также и въ другихъ дѣлахъ?

— Что Челищевъ ему знакомъ, сего онъ не отрицаетъ, потому что съ нимъ былъ товарищемъ въ Лейпцигѣ, въ гимназіи; что жъ касается до связи и совѣтовъ, какъ по сему сочиненію, такъ и о другихъ дѣлахъ, то онъ никакого съ нимъ сообщенія (не имѣлъ) и къ нему въ домъ уже болѣе двухъ годовъ не пріѣзжалъ.

— Противъ 111 стр. [2]) Чѣмъ онъ порочитъ вексельное право, и какимъ образомъ хочетъ онъ, чтобъ довѣріе сохраняемо (былы) въ точности?

— Что касается до вексельнаго права, то онъ нетокмо оное ничѣмъ не охуждаетъ, но еще одобряетъ, а что писалъ на сей и предъидущей страницѣ, то было одно только о вексельныхъ дѣлахъ разсужденіе.

---

[1]) На этой страницѣ Императрица замѣтила своей рукой: „упоминается о знаніи: что „*я имѣлъ случай по счастію моему узнать*“; кажется сіе знаніе въ Лейпцихѣ получено, и доводитъ до подозрѣнія на господъ Радищева и Щелищева, паче же буде у нихъ заведена типографія въ домъ, какъ сказываютъ“.

[2]) „Вылазка на вексельное право, и самъ сочинитель не вѣдаетъ чего хочетъ“. Прим. Импер.

— Не деистъ ли онъ, ибо размышленія на стр. 113, 114, 115 и 116 [1]) изображенныя, не сходственны съ православнымъ восточнымъ ученіемъ?

— На сіе отвѣчалъ, что онъ всегда былъ христіаниномъ и держался тѣхъ догматовъ, въ коихъ родился.

— На стр. 119—123. [2]) Почему вы охуждаете нынѣшній образъ правленія и описываете пороки онаго?

— На сіе отвѣтствовалъ: я никогда не намѣренъ былъ охуждать нынѣшній образъ правленія, а почиталъ учрежденія о губерніяхъ мудрымъ законоположеніемъ и таковымъ, какова и въ другихъ мѣстахъ не находится, а на оныхъ страницахъ о могущихъ быть иногда злоупотребленіяхъ, о которыхъ судить, признаюсь, не мое было дѣло, чего (т. е. злоупотребленій) однако жъ доказать не можетъ, ее писалъ какъ по умствованію своему съ слышаннымъ имъ въ народной молвѣ, якобы происходившихъ по приказнымъ дѣламъ злоупотребленіяхъ.

---

[1]) Здѣсь точно также замѣчаніе Императрицы перефразировано въ форму вопроса.

[2]) Императрица замѣтила, что сочинитель старается „показать недостатокъ теперешняго образа управленія и пороки онаго; здѣсь дѣло идетъ до части уголовной“.

— На стр. 124 [1]) вы старались доказать недостойное произведеніе въ чины, то какую причину на сіе имѣли, и на кого цѣлили именно?

— На сіе онъ отвѣчалъ: я виноватъ потому что не могу судить, кто бы по недостоинству былъ произведенъ, ибо сіе до меня и не принадлежало, а писалъ такъ дерзко, могу истинную (правду) сказать, по сумашествію на то время и сумасбродству своему.

— Начиная отъ стр. 130 по 139 [2]) какая нужда была вводить вамъ произшествіе въ разсужденіи учиненнаго господскими дѣтьми надъ ихъ дѣвкою насилія, зная, что одинъ примѣръ на всѣхъ относиться не можетъ?

— На сіе отвѣтствовалъ: Описывая сей дурной поступокъ, думалъ я, что онъ можетъ воздержать иногда такого человѣка, который бы захотѣлъ поступить такъ дурно. Однако жъ ктобъ это дѣлалъ, того онъ до-

---

[1]) Екатерина замѣчаетъ, что сочинитель старается „доказать недостойное произведеніе въ чины; въ концѣ той страницѣ сочинитель самъ себя противорѣчитъ, ибо показываетъ склонности человѣка нискова состоянія, тогда когда по его системы (Нынѣшно Французской) все состоянія опредѣлены были равны подъ имяни человѣка и ево мнимыя права“.

[2]) Замѣчаніе императрицы, въ которомъ она называетъ это происшествіе сказкою.

казать не можетъ, а писалъ сіе по сродной человѣку слабости, чая отъ такихъ дурныхъ поступковъ воздержать.

— Какого вы намѣстника разумѣли, котораго описывали и дѣлали ему разныя укоризны на стр. 140—142?

— Никакого я намѣстника лично не имѣлъ въ виду, а писалъ въ общемъ смыслѣ, еслибы гдѣ случилось быть такому, который бы не наблюдалъ Высочайшихъ повеленій, а между тѣмъ наслышась въ народной молвѣ, что будто бы господа намѣстники употребляютъ данную имъ отъ Ея Императорскаго величества власть, иногда, по своимъ пристрастіямъ, не держася Высочайшихъ Ея Императорскаго Величества учрежденій.

— Почему онъ охуждаетъ состояніе помѣщичьихъ крестьянъ, зная, что лучшей судьбы Россійскихъ крестьянъ у хорошаго помѣщика нигдѣ нѣтъ?

—Охужденіе мое тутъ было только на одно описанное тутъ произшествіе; впрочемъ я и самъ увѣренъ, что у хорошаго помѣщика крестьяне благоденствуютъ больше, нежели гдѣ-либо, а писалъ сіе изъ своей головы, чая, что между помѣщиками есть такіе, можно сказать, уроды, которые, отступая отъ правилъ честности и благонравія, дѣлаютъ иног-

да такія предосудительныя дѣянія, и симъ своимъ писаніемъ думалъ дурнаго сорта людей отъ такихъ гнусныхъ поступковъ отвратить.

— Въ чемъ вы опорачиваете вступленіе дворянъ въ службу?

— Намѣреніе мое клонилось не къ опороченію службы; я только думалъ, что лучше начинать службу въ совершенномъ возрастѣ. Впрочемъ признаюсь, что выраженія мои на сихъ страницахъ неумѣренны и не къ стати.

— На стран. 157, 158 изображено ваше огорченіе и неудовольствіе на вельможъ, то какое вы противу ихъ имѣете?

— Во всю мою жизнь иначе сказать не могу, какъ что былъ многими изъ нихъ благопріятствованъ и благодѣтельствованъ, и начальниками моими свидѣтельствуюсь, что я къ нимъ всегда имѣлъ должное почтеніе, а о семъ написалъ, слыша отъ другихъ на вельможъ жалобы и неудовольствія.

— Начиная съ 160 по 166 стр. помѣщены разсужденія, служащія къ разрушенію союза между родителями и дѣтьми, то къ чему вы сіе въ книжку помѣстили?

— Никогда не имѣлъ я намѣренія разрушить такого священнаго союза, вѣдая сколь онъ нуженъ въ обществѣ; отцомъ моимъ и

матерію свидѣтельствуюсь, сколько я былъ во всю мою жизнь къ нимъ почтителенъ, и отъ своихъ дѣтей ожидалъ того же при моей старости. Думалъ, если союзъ у родителей съ дѣтьми основанъ на чувствованіи сердечномъ, то онъ будетъ всегда твердъ. Если жъ я заблуждаюсь въ моихъ разсужденіяхъ, то сіе была ошибка разума; а чтобы дѣти не были благодарны отцамъ, то въ семъ теперь вижу не только ошибку, но и совершенное безуміе, потому паче, кому жъ больше дѣти обязаны быть благодарны, какъ не отцу, Государю и Отечеству? ибо сіи по закону Божію почитаются благодѣтелями въ жизни человѣку.

— Почему вы порочите посѣщеніе знатныхъ особъ?

— Отвѣчалъ: Я виновенъ, ибо заблуждалъ въ моемъ разсужденіи, а отнюдь не съ тѣмъ намѣреніемъ писалъ, чтобъ ихъ презирать, по тому паче нужно посѣщеніе къ своимъ начальникамъ, что (бы) они, видя его часто могли дѣлать заключеніе достоинъ ли онъ ихъ благоволенія, такъ какъ и къ исправленію должности (можетъ ли) употребленъ быть.

— На стр. 203 для чего вы помѣстили брань на проповѣдающихъ миръ и тишину?

— Здѣсь моя цѣль была порицать защитниковъ публичныхъ женщинъ, а особливо тѣхъ авторовъ, которые преподаютъ установленіе оныхъ, какъ то есть осемъ книга, называемая Порно-Граеръ.

— На 218 страницѣ явно вы судили помѣщика, чтобъ крестьяне, за непозволенные съ крестьянскими дѣвками поступки, предавали (помѣщика) смерти приводя въ резонъ, что будто бъ бывшій Пугачева бунтъ произошелъ по причинѣ помѣщикомъ съ своими крестьянами дурнаго обхожденія; но какъ сія ваша сентенція положена дерзко, а притомъ мѣсто сужденія правительствомъ даетъ волю людямъ не имѣющимъ совершенно просвѣщенія, такого, можно сказать, страшнаго и безчеловѣчнаго карать казнію, въ противность нетолько государственныхъ, но и Божескихъ законовъ, ибо никто въ собственной своей обидѣ судьею быть не можетъ, а симъ самымъ уже потеряна вся должность судопроизводства.

— Признаюсь въ дерзости моихъ изрѣченій, но написалъ сіе истинно безъ всякаго намѣренія къ возмущенію, или чтобъ научить крестьянъ убивать своихъ господъ, того отнюдь я и не помыслилъ, а сіи безразсудною дерзостію наполненныя строки

написалъ онъ въ томъ мнѣніи, чтобъ дурными поступками съ крестьянами помѣщики отъ сего написанія посрамились.

— Почему вы въ насмѣшническомъ видѣ писали о блаженствѣ?

— Всѣ описанные въ книгѣ листы, начиная отъ 236 по 277 написаны имъ подлинно, какъ теперь онъ самъ понимаетъ, должно казаться, что я писалъ съ насмѣшкою и съ тѣмъ намѣреніемъ, что желаніе мое стремилось всѣхъ крестьянъ отъ помѣщиковъ отобрать и сдѣлать ихъ вольными, а и о солдатской службѣ какъ бы предполагалъ ей быть тяжестною. Но какъ истинную (правду) онъ показываетъ, чтобъ крестьяне были вольные, то его желаніе было; однакожъ располагалъ онъ такъ въ мысляхъ своихъ, что, де, сіе сдѣлано будетъ по волѣ Всемилостивѣйшей Государыни, да и за солдатами конечно, попеченіемъ Ея Императорскаго Величества лучшій присмотръ, такъ какъ и строгой съ ними поступокъ, по природному Ея Величества человѣколюбію, отвращенъ будетъ. Чему ужъ есть и начало о крестьянахъ при заводахъ и фабрикахъ, постановлены правила, какъ съ ними поступать, кто ихъ купитъ, а солдатъ безъ суда сѣчь запрещено. При чемъ онъ увѣряетъ, что

отнюдь не было его намѣренія въ томъ, чтобъ сіи гнусныя строки могли сдѣлать возмущеніе.

— Начиная съ 278 стр. по 288, какую вы имѣли цѣль говорить о уничтоженіи придворныхъ чиновъ?

— Слова, написанныя въ пагубной для меня книгѣ, и на ково теперь и я не понимаю, какъ то, что я сужденіе дѣлалъ о уничтоженіи придворныхъ чиновъ. Но мысль моя тогда отнюдь того не имѣла въ виду, чтобъ уничтожить тѣ чины, а только безъ всякаго соображенія въ душѣ моей полагалъ такъ, что тѣ чины суть излишни, и въ томъ признаю себя виновнымъ.

— Почему вы хотите уничтожить цензуру?

— Признаю мое заблужденіе. Я такъ думалъ, что безъ нея можно обойтиться, но теперь вижу изъ собственнаго своего опыта, что она полезна, потому болѣе, что если она будетъ существовать, такъ какъ законодательница учредить изволила, то подлинно она спасетъ многихъ, подобныхъ мнѣ заблужденно мыслящихъ, отъ таковой погибели, въ которую я себя ввергнулъ истинно отъ слабаго своего разсудка.

— Начиная 305 по 340 между разсужде-

ніями о цензурѣ помѣщены и сіи слова: «*скажите жъ, въ чьей головѣ можетъ быть больше несообразностей?*» То какъ вы объ оныхъ словахъ думаете?

— Признаюсь, что они весьма дерзновенны, но никакъ не разумѣлъ тутъ священныя Ея Императорскаго Величества особы, а писалъ подлинно о царяхъ, извѣстныхъ по исторіи, которые ознаменованы въ свѣтѣ, въ прошедшихъ вѣкахъ, могу сказать, дурными поступками. Напротивъ же сего, что я могу сказать о такой Самодержицѣ, которой удивляется свѣтъ, Ея премудрому, человѣколюбивому правленію, какъ одно только то, что я ее прогнѣвалъ, какъ бы изступившій на то время изъ ума, писалъ мои дерзкія слова безъ основанія такого, какъ и всегда благоговѣлъ къ священной Ея Императорскаго Величества особѣ въ душѣ моей.

— Начиная съ стр. 341 по 349, въ концѣ разсужденія о проданной съ молотка семьи за долги, помѣщены сіи слова: «*а свободы не отъ ихъ совѣтовъ ожидать должно* (отчинниковъ), *но отъ самой тяжести порабощенія*»; то что вы подъ онымъ разумѣете?

— Писавъ сіе, я то разумѣлъ: еслибъ случилось, что дворяне будутъ своихъ кресть-

янъ отягощать чрезмѣрно, и тогда высшая Императорская власть ихъ отъ онаго отягощенія избавитъ; но все сіе писалъ я безъ соображенія, какъ вексельнаго права, такъ и учрежденнаго на то отъ правительства порядка, а единственно хотя себя показать въ разумѣ томъ, что я какъ бы сожалѣю объ участи крестьянскаго жребія; но и въ томъ теперь признаюсь, ибо буде бъ и подлинное о ихъ участи имѣлъ въ душѣ своей сожалѣніе, то бъ долженъ былъ о семъ донести Правительству, не дѣлая такихъ гнусныхъ выраженій, могу сказать, изъ единаго хвастовства, а не изъ злости.

— Съ 350 до 369 помѣстили вы, по случаю будто бы стихотворства, оду, совершенно явно и ясно бунтовскую, гдѣ царямъ грозите плахою. Кромвелевъ примѣръ приведенъ съ похвалами. Сіи страницы суть криминальнаго намѣренія, совершенно бунтовскія. Въ какомъ смыслѣ и кѣмъ та ода сочинена?

— Ода сія почерпнута изъ разныхъ книгъ и изъявленныя въ ней картины взяты съ худыхъ царей, каковыхъ исторія описуетъ. Нерона, Калигулу, и имъ подобныхъ. Все описанное относилъ я къ государствамъ, гдѣ существуютъ, по малому пространству ихъ,

сложные образы правленія, какъ то въ Англіи, Швеціи. Но кто оспорить можетъ истину, основанную на повѣствованіяхъ всѣхъ временъ, что чѣмъ государство обширнѣе, тѣмъ болѣе нужно, чтобъ верховная власть была въ единой рукѣ, и что пространному государству единое самодержавное правленіе приличествуетъ, какъ то учитъ Монтескію? Читая исторію всѣхъ временъ и всѣхъ столѣтій и видя, что всѣ бывшія царства подвержены были перемѣнамъ и переходили изъ хорошаго въ худое состояніе и изъ худаго въ хорошее, и продолжавшись многія столѣтія, рушились, я думалъ, что и всякое государство будетъ тому же подвержено. Но какой которому положенъ предѣлъ, Богу единому извѣстно. Въ гнѣвѣ своемъ онъ народамъ даетъ худыхъ царей въ наказаніе, въ щедротѣ мудрыхъ и благихъ царей, которые, имѣя попеченіе о пользѣ государства, основаніе его утверждаютъ мудрыми законоположеніями, которыя не только основаніемъ служатъ къ настоящему и будущему блаженству народовъ, для которыхъ они постановлены, но и остаются для примѣру позднѣйшихъ временъ на послѣдованіе. Таковыми по истинѣ познаются въ Россіи многія Высочайшія Ея Императорскаго

Величества законоположенія, подъ покровомъ коихъ мы и потомки наши живутъ во благоденствіи и которыя останутся на поученіе позднѣйшимъ народамъ и столѣтіямъ. Признаю, однако жъ, отъ искренѣйшаго сердца и въ душевномъ сокрушеніи, что ода сія есть найдерзновеннѣйшая. Бредя въ безуміи моемъ прослыть острымъ писателемъ и скитаясь изъ заблужденія въ заблужденіе, я упомянулъ съ похвалою о Кромвелѣ, о семъ скаредномъ, коварномъ и злоумышленномъ присвоителѣ верховной власти. Теперь чувствую всю гнустность моихъ изрѣченій, и сколь они дерзновенны, въ душѣ моей гнушаюся ихъ. Но и въ дерзновеніи моемъ не подразумѣвалъ николи благихъ государей, каковы были Титъ, Траянъ, Маркъ Аврелій, Генрихъ четвертый, и какова есть въ Россіи нынѣ царствующая Екатерина, державу которой многіе миліоны народовъ благословляютъ. Намѣренія при составленіи оды не имѣлъ инаго, какъ прослыть смѣлымъ сочинителемъ; теперь вижу ясно, сколь много въ ней безумнаго, пагубнаго и гнуснаго.

— Не чувствуете ли вы со стороны Ея Императорскаго Величества какой себѣ обиды?

— Никогда и никакой не только обиды

не чувствовалъ, но всегда носилъ ея на себѣ милости, да и впредь ожидалъ всего моего и всей моей семьѣ блаженства, и тѣмъ то мнѣ чувствительнѣе, что я привелъ Высочайшую Ея особу противъ себя на гнѣвъ, однакожъ, уповая На матернія Ея Величества щедроты и человѣколюбіе, о томъ съ рыданіемъ вопію, да отпуститъ погрѣшенія мои и спасетъ погибающаго со всею своею семьею.

— Не имѣли ли вы кого сообщникомъ къ произвѣденію намѣреній, въ сей книгѣ изображенныхъ?

— Какъ самъ не имѣлъ никакого намѣренія сдѣлать возмущеніе, то и сообщниковъ не имѣлъ, что онъ по самой чистой совѣсти и съ найсильнейшею утверждаетъ, тѣмъ паче, что онъ мало и въ компаніяхъ обращался, а исправя должность, бывалъ больше дома и въ свободные часы отдохновенія занимался домашними дѣлами, а между тѣмъ и сочиненіемъ, сей мерзкой книги.

— На 434 стр. обѣщаете продолженіе той книги на возвратномъ пути, но начато ли это сочиненіе и гдѣ оно находится?

— Оное сочиненіе начато не было. — Наконецъ заключилъ сими словами: «Что очищалъ я выше описанные пункты, то при-

знаюсь чистосердечно, что я исполнялъ только волю Всемилостивѣйшей Государыни. Впрочемъ, я вижу теперь очень ясно, что оная моя книга наполнена столь гнустными, дерзкими и развратными выраженіями, что и почитаю себя достойнѣйшимъ всякаго отъ правосудія Ея истязанія, и не принося никакихъ болѣе оправданій, ожидаю и прошу единственно матерняго Ея, если не для меня, то, по крайней мѣрѣ, ради престарѣлыхъ моихъ родителей и ради малолѣтнихъ дѣтей, коихъ четверо, помилованья». [1])

Въ мрачномъ казематѣ Петропавловской крѣпости, удаленный отъ общества и всего милаго сердцу, мучимый тяжелой неизвѣстностью, Радищевъ находилъ утѣшеніе въ религіозномъ чувствѣ.

Послѣ смерти жены, дѣти А. Н. остались на попеченіи его свояченицы (жениной сестры), которая безъотчетно привязалась къ Радищеву, и даже послѣдовала за нимъ въ ссылку. Сколько трудовъ и хлопотъ стоило бѣдной женщинѣ проникнуть къ любимому арестанту!

Дозволеніе Шишковскаго было получено,

---

[1]) Допросные пункты Радищеву и его отвѣты заимствованы мною изъ брошюры „Радищевъ“ (безъ означ. мѣста печати и имени автора) 1865 г.

и родственники увидѣлись. Радищевъ попросилъ «написать себѣ образъ одного святаго, вверженнаго въ темницу за слишкомъ смѣло говоренную истинну, съ надписью: «*блажени изгнани правды ради*». Но портретный живописецъ, Михайло, крѣпостной его человѣкъ, котораго кисть, по выраженію Дмитріева (1-го), «всегда надъ смертными играла: Архипа Сидоромъ, Кузьму Лукой писала», не умѣлъ исполнить мысли, и написалъ четыре фигуры святыхъ, просто стоящихъ рядомъ» [1]).

Что Радищевъ не былъ атеистомъ и горячо вѣрилъ въ Бога, это видно и изъ его завѣщанія, которое онъ написалъ въ крѣпости, вѣроятно выслушавъ свой смертный приговоръ. Вотъ оно: [2]).

«Не могу паки не обратится къ ужасному моему обвиненію. Что я хотѣлъ сдѣлать? Вомущеніе. Какъ? Что издалъ въ свѣтъ мою книгу. О сердце, сердце непорочное! ты совѣстію не поколеблешся и разуму въ злоумышленіи не упрекаешь. Могъ ли когда либо я подумать, могъ ли бы я себѣ вообразить хотя на одну минуту, что вмѣнюся

---

[1]) Русскій Вѣстн. 1858 стр., т. 18 ст. А. Н. Радищевъ, стр. 409.

[2]) Мы опять выписываемъ это изъ брошюры „Радищевъ".

во преступника! Гражданинъ миролюбивый, подданный, живущій въ столицѣ законовъ, ревнитель Высочайшихъ Ея Императорскаго Величества повеленій, сынъ, почтительный къ родителямъ, человѣкъ, протекшій уже бурное время страстнаго колебанія, отецъ (печальное наименованіе!) отецъ чадолюбивый, колико вещей, за меня глаголющихъ! Я жилъ въ тишинѣ, мирѣ и благоденствіи среди моего семейства. Семейство плачевное, гдѣ ты? что обо мнѣ мыслишь? Я погрузилъ васъ въ бездну печали; обѣтъ истинной, о Боже! Боже Праведный! Отецъ безначальный! О Ты, которымъ всякая вещь зиждется, существуетъ и живетъ, отъ Твоего взора, все-объемлющаго, ничто не сокрывается. Ты видишь мою душу. Тебѣ извѣстно, что она не ухищрена.

«А ты, о милосердая Великая Государыня, не отрыни гласу молящаго и изъ глубины печали и скорби къ тебѣ руки свои воздѣвающему на спасеніе. Пощади, пощади мгновенное заблужденіе!

«О семейство несчастное, ты, прилегшее къ сердцу моему толико близко, ты чувствуешъ несумлѣнно терзаніе мое, ты чувствуешъ скорбь разлуки во всемъ ея пространствѣ! О несчастный!»

Іюня 7-го.

«Для удостовѣренія, что показаніе купца Зотова, что онъ имѣлъ 50 экземпляровъ, отъ какого-то Сидѣльникова, неправильно, можно спросить его сидѣльца, а какъ его зовутъ, не знаю. Малый молодой, ростомъ выше Зотова, съ лица чистъ, сидѣлъ въ другой лавкѣ, близъ воротъ Гостинаго двора, подлѣ суконной лавки № 13 или 14, не помню. Онъ приходилъ ко мнѣ и сказывалъ, что хозяинъ его показалъ, что получилъ отъ Сидѣльникова 50 экземпляровъ, и просилъ, что буде я спрошенъ буду, чтобы я показалъ, что у меня пропало 50 экземпляровъ изъ типографіи. Что онъ у меня былъ, о томъ скажутъ и утвердить могутъ мои люди, которые его видѣли, какъ онъ ко мнѣ приходилъ; а что отъ меня болѣе показанныхъ 25 экземпляровъ въ продажу не дано, то вѣрно.

«Проходя сочиненіе мое безпристрастно и находя въ ономъ дерзновенныя выраженія, я вопрошаю самъ себя для чего его писалъ? Гласъ внутренній увѣряетъ меня, что я того не мыслилъ, и что, гоняся за пустою славою, прослыть писателемъ, писалъ. Вопрошаю себя еще, на кого цѣлилъ? Гласъ вну-

тренній отвѣчаетъ мнѣ паки: ни на кого. Никого не хотѣлъ озлобить, ни уязвить. О, милосердіе! милосердіе! воззри милостиво на мое незлобіе и отпусти заблужденіе разсудка!. «Естьли я писалъ противъ ценсуры, то думалъ, что творю доброе, думалъ, что она не нужна, и если не будетъ существовать, то, обязанный всякъ самъ отвѣтствовать, на ценсуру полагаться не будетъ.

«Естьли кто скажетъ, что я, писавъ сію книгу, хотѣлъ сдѣлать возмущеніе, тому скажу, что ошибается. Первое и по тому, что народъ нашъ книгъ не читаетъ, что писана она слогомъ, для простаго народа невнятнымъ, что и напечатано ея очень мало, не цѣлое изданіе или заводъ, а только половина. И можетъ ли мыслить о семъ, кто сообщниковъ не имѣетъ? Возмогъ ли я помыслить, что почесть меня такимъ возможно? Занятый съ самаго утра до заката солнечнаго заботливою должностію, тщательно собирая опредѣленный Ея Императорскимъ Величествомъ таможенный сборъ, единое имѣлъ веселіе, въ малые часы отдохновенія моего, заниматься моимъ семействомъ. О семья несчастная! о, плачевныя чады! о родители мои любезные! что должны вы о мнѣ теперь мыслить, видя во мнѣ пре-

ступника? О всещедрая Государыня! о ты, которую милліоны различныхъ народовъ благословляютъ, не лиши, о милосердая, единаго въ жизни бѣдственной утѣшенія зрѣти плачевное мое семейство, воньми моленію несчастнаго, дай узрѣть престарѣлыхъ моихъ родителей!

«Но изъ самой пагубной книги да извлеку что-либо въ мою пользу. Мыслитъ ли тотъ злое, кто говоритъ въ словѣ Крестицкаго дворянина и дѣтей своихъ научаетъ, чтобъ паче всего хранили законы и ихъ не устранялись, что въ Россіи источникъ всѣхъ законовъ есть Государь, чтобы паче всего хранили добродѣтель. О ты! давшая всякому судію его изъ его среды, мудрымъ своимъ учрежденіемъ о Губерніяхъ, о ты! изъемлющая заключеннаго изъ узъ и предавающая его сужденію Совѣстнаго Суда, о ты! велѣвшая начертать должности человѣка и гражданина, для наученія твоего народа! Кому же добродѣтель любезна, развѣ не тебѣ?

«Казнюся единою мыслію, милосердая Государыня, что могъ тебя прогнѣвать, тебя, въ которой ожидалъ всего моего блаженства и благоденствія моей несчастной семьи. О если бы возможно было, скитаясь по дворамъ согражданъ, денно, ночно молилъ бы

ихъ слезно, да истребятъ пагубную мою книгу до послѣдняго листа. Помилуй, милосердая Государыня, помилуй, инаго сказать не умѣю, помилуй!

«Принося повинную и прося помилованія у престола милосердія Ея Императорскаго Величества, я постараюсь здѣсь объяснить, сколько во мнѣ есть силъ, книгу, изданную подъ заглавіемъ: «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву». Что сердце мое чисто было, что злаго не имѣлъ намѣренія, издавая сію пагубную для меня книгу, естьли только можно вѣрить преступнику, то говорю истину.

«Первая мысль написать книгу въ сей формѣ пришла мнѣ, читая путешествіе Іорика. Я такъ ее и началъ. Продолжая ее, на мысль мнѣ пришли многія случаи, о которыхъ я слыхивалъ, и дабы не много рыться, я вознамѣрился ихъ помѣстить въ книгу сію. Я думалъ, въ заблужденіи моемъ, что могутъ принести иногда пользу. Описывая состояніе помѣщичьихъ крестьянъ, думалъ, что устыжу тѣмъ тѣхъ, которые съ ними поступаютъ жестокосердно. Шуточные помѣстилъ для того, чтобы не скучно было длинное серьезное сочиненіе. Дерзновенныя выраженія и неприличной смѣлости почерпнулъ я, читая

разныхъ писателей и ни съ какимъ другимъ намѣреніемъ, какъ чтобы прослыть хорошимъ писателемъ, да и самое изданіе книги ни къ чему другому стремилося, какъ быть извѣстному между авторами и изъ продажи книги пріобрѣсти себѣ прибыль. Теперь, проходя то, что я писалъ, понимаю мое прегрѣшеніе; но если разумъ заблуждалъ, сердце не было тому причастно. Свидѣтельствуюсь всѣми, что желаніе мое было не злобиво, что повелѣнія моихъ начальниковъ исполнялъ съ должнымъ повиновеніемъ, что ревностный былъ исполнитель премудрыхъ законовъ Ея Императорскаго Величества. Теперь (осталось бѣлое мѣсто) моего сочиненія, другаго сказать не могу, какъ что я виновенъ.

«Когда моя книга была уже готова, то я послалъ ее для ценсуры съ бывшимъ прежде книгопродавцемъ, а въ то время находящимся при Таможнѣ. Долго времени спустя, въ концѣ прошлаго лѣта, книгу мою Мейснеръ возвратилъ за подписаніемъ Оберъ-Полиціймейстера Рылѣева. Неизвѣстно мнѣ, сказывалъ ли Мейснеръ о сочинителѣ книги, но мнѣ онъ сказывалъ, что о имени моемъ не объявилъ. Я хотя мало тому вѣрилъ, но, признаюсь, былъ тому радъ, по-

тому что, не зная, какъ въ публикѣ оно будетъ принято, я хотѣлъ ждать для объявленія о себѣ того времени, какъ его одобрятъ.

«Съ того времени, какъ Ея Императорское Величество всемилостивѣйше дозволила всѣмъ заводить типографіи безпрепятственно, я, зная, сколь великій барышъ многіе получаютъ, вознамѣрился завести у себя типографскій станъ, но не имѣлъ на то случая. Прошлымъ лѣтомъ получилъ я станъ типографскій отъ Шнора и съ литерами, за который еще ему всѣхъ денегъ не отдалъ, но не могъ начать печатать прежде прошлой зимы. Первую книжку въ одинъ листъ на ономъ я напечаталъ подъ заглавіемъ: «*Письмо къ другу въ Тобольскъ*» вторую: «*Путешествіе*». Та и другая за цензурою. Въ сей послѣдней, при самомъ печатаніи, я иныя мѣста исправлялъ, если мнѣ казалося что не хорошее, а прибавленіе къ оной не велики, какъ я о томъ объявилъ, въ чемъ можно удостовѣриться, если въ отданномъ запечатанномъ пакетѣ всѣ письменные листы находятся. Но, по несчастію моему, думаю, многіе изъ нихъ утрачены. Сколько изъ головы вспомнить могу, прибавлены въ статьяхъ: Спасская полѣсть, въ разговоры присяжнаго, въ статьѣ Подберезья въ

щенную особу, сказавъ, что близъ столицы сіе свершилося. Виновенъ, всемилостивѣйшая Государыня, но виновенъ, милосердая, въ разсудкѣ, но не въ сердцѣ, виновенъ въ дерзновенныхъ выраженіяхъ, но, чувствуя великія твои дѣла, инако не могъ тебя называть, какъ великая Государыня.

«Въ сновидѣніи описанномъ не дерзалъ я цѣлить на великаго Государя и не могъ, не могъ описать тутъ, кто самъ бдитъ о благосостояніи своего народа, не тотъ, кто тяжести его облегчаетъ, не тотъ, кто печется о его наставленіи и обогащеніи. Всемилостивѣйшая Государыня! Картина твоего правленія останется навсегда въ наученіе Царямъ и народамъ любезна. Происшествіемъ, описаннымъ въ Зайцовѣ, я не убивство тщился и намѣренъ былъ одобрить, но отвлещи жестокосердыхъ отъ постыдныхъ дѣлъ. Въ гнушавшемся во все теченіе жизни своея жестокихъ поступковъ, можно-ли, чтобы убивство нашло защитника!

«Въ словѣ Крестицкаго дворянина къ его дѣтямъ не помышлялъ я умалить власти родительской; тотъ, кто чрезъ цѣлый свой вѣкъ почтителенъ былъ къ своему отцу и матери, тотъ, кто самъ имѣетъ дѣтей и ждалъ отъ нихъ въ старости успокоенія, не могъ

такъ мыслить. Я хотѣлъ только показать, какимъ образомъ власть родительская можетъ быть тверда, основанная на чувствованіи сердца.

«Въ проектѣ о освобожденіи крестьянъ помѣщичьихъ я мечталъ, признаюсь, какъ можетъ быть оно постепенно, ибо увѣренъ въ душѣ моей, что запретившій покупку деревень къ заводамъ, фабрикамъ, законоположницѣ, что начертавшей перстомъ мягкосердія мѣру работъ приписанныхъ къ заводамъ крестьянъ, что давшей крестьянину судію изъ среды его, мюсль освобожденія крестьянъ помѣщичьихъ, если не исполнена, то потому, что вящшія тому препятствуютъ соображенія.

«Въ статьѣ о придворныхъ чинахъ, признаюсь, всемилосердая Государыня, что не мое дѣло было судить о заслугахъ и награжденіяхъ. Всещедрая Государыня, взываю къ твоей щедротѣ, помилуй! Но что могу въ разстроенномъ разумѣ сыскать? Изреченія моей книги дерзновенны, но въ безуміи моемъ не мнилъ оскорбить никого, и несмысленное желаніе пріобрѣсти славу писателя ввергнуло меня въ сію погибель.

«О если можно милосердствовати несчастному, не отвергни, всещедрая Государыня,

покаяніе грѣшника, и тѣмъ паче терзающагося о своемъ преступленіи, что сердце его ничѣмъ ему не упрекаетъ! О, если бы слезы и раскаяніе могли возвратить протекшее время! О, возлюбленные мои, гдѣ вы, о, дѣти души моей?

«Экземпляровъ я роздалъ очень мало, да и не имѣлъ намѣренія много отдавать, а хотѣлъ употребить ихъ въ продажу для прибытка; одинъ экземпляръ г-ну Козодавлеву, ему же одинъ для г. Державина, одинъ прапорщику....

«Если спросятъ, съ какимъ намѣреніемъ я ихъ раздавалъ, то только, чтобы читали, ибо всѣ они упражняются въ литературѣ; еще экземпляръ иностранцу Вицману и г. Олсуфьеву. О, милосердая Государыня, внемли гласу стенящаго, помилуй кающагося, и если исправленіе въ человѣкѣ возможно, во мнѣ оно послѣдуетъ, ибо рожденъ не жестокосердъ! Простри, Всемилостивая, руку щедроты къ несчастному, изведи изъ гибели стенящаго, да при концѣ дней прославлю твои щедроты! О, человѣколюбивая Монархиня, воньми слезамъ моимъ и раскаянію!

«Совершилося!

«Если завѣщаніе сіе, о возлюбленные мои, возможетъ до васъ дойти, то приникните

душею вашею въ словеса несчастнаго вашего отца и друга и внемлите:

«Помните, друзья души моей, помните всечасно, что есть Богъ, и что мы ни единаго шага, ниже единыя мысли, совершить не можемъ не подъ Его всесильною рукою. Помните, что Онъ правосуденъ и милосердъ, что доброе дѣло безъ награды не оставляетъ, такъ и безъ наказанія худое. И такъ всякое дѣло начинайте, призвавъ Его къ себѣ въ помощь и прибѣгайте къ Нему теплыми молитвами! О, коликое утѣшеніе въ Немъ обрящете!

«Когда вы, возлюбленные мои сыновья, вступите въ службу, почитайте исполненіе вашей должности первѣйшею вашею добродѣтелію, безъ коей вы блаженны быть не можете. Будьте почтительны и послушны непрекословно къ вашимъ начальникамъ, исполняйте всегда ревностно законы Ея Императорскаго Величества. Любите, почитайте паче всего священную ея особу, и даже мысленно должны вы ей предстоять съ благоговѣніемъ. Старайтеся заслужить ея къ себѣ милости повиновеніемъ и ревностію во исполненіи на васъ возложеннаго. Будьте почтительны, о чада души моей, къ вашимъ роднымъ и ко всякому человѣку, кто васъ

лѣтами старѣе, и снисходительны къ тѣмъ, кто васъ моложе. Будьте милосерды къ вашимъ служителямъ и снисходительны. Паче всего почитайте и не преступайте велѣній тѣхъ, которые служили вамъ вмѣсто матери во младенчествѣ вашемъ. Помните, что мать ваша, умирая, поставила надъ вами вмѣсто себя сестру свою, друга, тетку вашу, Елисавету Васильевну, которую, доколѣ живы будете, матерью именуйте!

«А вы, о сотрудницы въ воскормленіи дѣтей моихъ, коихъ безуміе мое ввергло въ скорбь, печаль и уныніе, послѣдуйте моему послѣднему совѣту:

«Мызу, въ которой жительствуетъ мать ваша, хотя принадлежитъ вамъ обще съ дѣтьми моими, остается въ ея распоряженіи до кончины ея. Домъ въ городѣ, въ которомъ мы жительство имѣли, я вамъ совѣтую продать, возвративъ Стальцу полы, которые лежатъ на верху, за которые деньги не отданы. Выкупить вещи, заложенныя въ Ломбардѣ и ихъ продать можно съ выгодою. Доколѣ вы будете жить вмѣстѣ, то не совѣтую вамъ продавать дома въ Миліонной и мызы, но на вырученныя деньги продажею дома выкупить заложенный въ Банкѣ. Поставить на мѣрѣ и опредѣлить

душею вашею въ словеса несчастнаго вашего отца и друга и внемлите:

«Помните, друзья души моей, помните всечасно, что есть Богъ, и что мы ни единаго шага, ниже единыя мысли, совершить не можемъ не подъ Его всесильною рукою. Помните, что Онъ правосуденъ и милосердъ, что доброе дѣло безъ награды не оставляетъ, такъ и безъ наказанія худое. И такъ всякое дѣло начинайте, призвавъ Его къ себѣ въ помощь и прибѣгайте къ Нему теплыми молитвами! О, коликое утѣшеніе въ Немъ обрящете!

«Когда вы, возлюбленные мои сыновья, вступите въ службу, почитайте исполненіе вашей должности первѣйшею вашею добродѣтелію, безъ коей вы блаженны быть не можете. Будьте почтительны и послушны непрекословно къ вашимъ начальникамъ, исполняйте всегда ревностно законы Ея Императорскаго Величества. Любите, почитайте паче всего священную ея особу, и даже мысленно должны вы ей предстоять съ благоговѣніемъ. Старайтеся заслужить ея къ себѣ милости повиновеніемъ и ревностію во исполненіи на васъ возложеннаго. Будьте почтительны, о чада души моей, къ вашимъ роднымъ и ко всякому человѣку, кто васъ

лѣтами старѣе, и снисходительны къ тѣмъ, кто васъ моложе. Будьте милосерды къ вашимъ служителямъ и снисходительны. Паче всего почитайте и не преступайте велѣній тѣхъ, которые служили вамъ вмѣсто матери во младенчествѣ вашемъ. Помните, что мать ваша, умирая, поставила надъ вами вмѣсто себя сестру свою, друга, тетку вашу, Елисавету Васильевну, которую, доколѣ живы будете, матерью именуйте!

«А вы, о сотрудницы въ воскормленіи дѣтей моихъ, коихъ безуміе мое ввергло въ скорбь, печаль и уныніе, послѣдуйте моему послѣднему совѣту:

«Мызу, въ которой жительствуетъ мать ваша, хотя принадлежитъ вамъ обще съ дѣтьми моими, остается въ ея распоряженіи до кончины ея. Домъ въ городѣ, въ которомъ мы жительство имѣли, я вамъ совѣтую продать, возвративъ Стальцу полы, которые лежатъ на верху, за которые деньги не отданы. Выкупить вещи, заложенныя въ Ломбардѣ и ихъ продать можно съ выгодою. Доколѣ вы будете жить вмѣстѣ, то не совѣтую вамъ продавать дома въ Миліонной и мызы, но на вырученныя деньги продажею дома выкупить заложенный въ Банкѣ. Поставить на мѣрѣ и опредѣлить

заранѣе и нынѣ, что кому имѣть должно, завѣщая дѣтямъ моимъ быть довольными тѣмъ, что вы имъ дадите, на удѣлъ ихъ матери, вѣдая, что вы ихъ не обидите. Если же вамъ вмѣстѣ жить будетъ невозможно, то надобно будетъ продать или дворъ, или мызу.

«Купленное мною мѣсто отъ Фридрихсовой вдовы я отдаю навсегда Елисаветѣ Васильевнѣ въ придачу къ тому, которое она имѣетъ рядомъ отъ Казенной Палаты изъ платежа поземельныхъ денегъ. А она отдастъ его дочери моей, Катеринѣ, послѣ себя, если она то заслуживать будетъ.

«Батюшку и матушку попросить, чтобы они не оставили моихъ дѣтей и простили бы несчастному ихъ сыну печаль, въ которую онъ ихъ повергаетъ. Батюшку просить также, чтобы всѣхъ моихъ людей отдалъ въ распоряженіе Елисаветы Васильевны, чтобы пожаловалъ отпускныя за долговременную и безпорочную службу при мнѣ, людямъ моимъ, Петру Иванову и Давыду Фролову съ женами ихъ, и отпускныя отдалъ бы въ распоряженіе Елисаветы. Увѣренъ, что и они не оставятъ дома моего до возраста совершеннаго моихъ дѣтей. Исходатайствовать отпускную Марьѣ Дементье-

вой за заслуги умершаго ея мужа. Елисавету Васильевну прошу дѣвку ея Анну Дорофѣеву отпустить замужъ, по ея желанію.

«Дѣтей моихъ несчастныхъ повергаю предъ престолъ милосердія Ея Императорскаго Величества. У всѣхъ моихъ родственниковъ просить за меня прощенія, если я ихъ чѣмъ либо оскорбилъ.

«За симъ, о возлюбленные мои, прижмите меня къ сердцу вашему и, если то возможно, забудьте несчастнаго!»

Въ дополненіе къ слѣдствію, Радищеву былъ предложенъ еще одинъ вопросъ: «Къ Кутузову, въ чужіе края съ каковымъ намѣреніемъ послалъ извѣстную книгу?»

Радищевъ отвѣчалъ, «что сію книгу послалъ онъ къ нему, по давней съ нимъ дружбѣ, ибо съ малолѣтства они жили, служили и учились вмѣстѣ, почему они были между собой хорошіе друзья, а сіе то самое и понудило его помянутую, для него пагубную книгу къ нему отослать, ласкаясь, что сія книга изобразитъ каково онъ можетъ остро писать. Впрочемъ, онъ никакого съ нимъ согласія къ сочиненію той книги не имѣлъ, а единственно и дедикацію на имя его сдѣлалъ ей изъ хвастовства, ибо онъ тогда такимъ безуміемъ былъ объятъ, что

казалось ему, что сія книга наилучшаго есть сочиненія. Но теперь онъ, по совѣсти своей, будучи выведенъ изъ заблужденія и развратнаго своего мнѣнія, какъ ему стать передъ Богомъ, увѣряетъ, что если бы Кутузовъ получилъ сію книгу, то онъ бы его, конечно, не похвалилъ, а выбранилъ; почему онъ, по теперешнему, искренному души его расположенію, и самъ находитъ, что оная книга есть мерзкая и долженъ онъ гнушаться ею, дондеже живъ. Печатать же оную книгу нигдѣ въ чужихъ краяхъ намѣренія не имѣлъ, а къ Кутузову, какъ выше сего сказалъ, для прочтенія послалъ. Къ оному же Кутузову послалъ онъ книжку своего сочиненія, подъ названіемъ: «Письмо къ другу, живущему въ Тобольскѣ», которая также написана имъ была въ объятомъ имъ тогда безуміи. Не можетъ онъ того отрицать, чтобы оно не казалось произвести французскую революцію, но, однакожь, по чистой совѣсти своей, какъ явится на страшный судъ Божій, увѣряетъ, что онъ сего злаго намеренія не имѣлъ, а писалъ мыслями и штилемъ извѣстнаго Ренальда,[1]) въ чемъ и признаетъ себя виновнымъ».

---

[1]) Извѣстный философъ и проповѣдникъ, бывшій іезуитъ,

Радищева предали суду. Императрица объявила, чтобы судьи не были пристрастными, и «не уважали до нея касающееся, понеже она презираетъ». Въ началѣ Сентября 1890 года состоялось рѣшеніе Сената, по которому Радищевъ былъ приговоренъ къ смертной казни. 1790

Четвертаго числа полицейскій офицеръ, арестовавшій Радищева, объявилъ его семейству окончательный приговоръ, состоявшійся въ такой формѣ: «Коллежскій Совѣтникъ и ордена Св. Владиміра кавалеръ, Александръ Радищевъ оказался въ преступленіи противъ присяги его и должности подданнаго, изданіемъ книги, подъ названіемъ: «*Путешествіе изъ Петербурга въ Москву*», наполненной самыми вредными умствованіями разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властямъ уваженіе, стрѣмящимися къ тому, чтобы произвести въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства, и наконецъ оскорбительными и неистовыми выраженіями противу сана и власти царской; учинивъ сверхъ того лжи-

---

авторъ книги, „Histoire philosophique des établissements et du commerce des Europeens dans les deux-Indes“, изд. въ 1770 г. Радищевъ упоминаетъ объ ней въ путешествіи.

вый поступокъ, прибавкою послѣ цензуры многихъ листовъ въ ту книгу, въ собственной его типографіи напечатанную, въ чемъ и признался добровольно. За таковое его преступленіе осужденъ онъ палатою уголовныхъ дѣлъ Санкт-Петербургской губерніи, а потомъ и сенатомъ нашимъ, на основаніи государственныхъ узаконеній, къ смертной казни; и хотя по роду толь важной вины, заслуживаетъ онъ сію казнь по точной силѣ законовъ, означенными мѣстами ему приговоренную; но Мы послѣдуя правиламъ нашимъ, чтобы соединять правосудіе съ милосердіемъ для всеобщей радости, которую вѣрные подданные Наши раздѣляютъ съ нами въ настоящее время, когда Всевышній увѣнчалъ наши неусыпные труды въ благо Имперіи, отъ него намъ ввѣренной, вожделеннымъ миромъ съ Швеціею, освобождаемъ его отъ лишенія живота, и повелѣваемъ вмѣсто того, отобравъ у него чины, знаки ордена св. Владиміра и дворянское достоинство, сослать его въ Сибирь, въ Илимскій острогъ на десятилѣтнее безъисходное пребываніе; имѣніе же, буде у него есть, оставить въ пользу дѣтей его, которыхъ отдать на попеченіе дѣда ихъ».[1])

[1]) Полн. собр. законовъ т. 23, стр. 1789, № 16, 901.

Державинъ по поводу этого приговора написалъ остроумное четверостишіе:

Ѣзда твоя въ Москву со истиною сходна,
Не кстати лишь дерзка, смѣла и сумасбродна,
Я слышу, на коней ямщикъ кричитъ: «вирь, вирь!»
Знать, русскій Мирабо, поѣхалъ ты въ Сибирь.

Графъ Воронцовъ сочувствовавшій идеямъ Радищева и даже, какъ думаютъ нѣкоторые, принимавшій участіе въ печатаніи «Путешествія», постарался, сколько могъ, облегчить тяжелое положеніе ссыльнаго. Онъ написалъ рекомендательныя письма ко всѣмъ губернаторамъ и принялъ расходы Радищева на свой счетъ. Въ Тобольскѣ А. Н. остановился и прожилъ семь мѣсяцовъ; онъ былъ принятъ во всѣхъ домахъ губернской аристократіи и даже пользовался особымъ расположеніемъ губернатора Алябьева. Здѣсь Радищевъ дождался своего семейства, и отправился далѣе, вмѣстѣ со свояченицей и тремя дѣтьми.

Въ Илимскомъ острогѣ Радищеву отвели для житья обширный воеводскій домъ съ множествомъ службъ и обширнымъ садомъ, но домъ оказался холоднымъ, и вскорѣ изъ Иркутска прислали плотниковъ для постройки новаго жилья. Павелъ Радищевъ слѣдующимъ образомъ описываетъ жизнь своего

отца въ ссылкѣ: «Радищевъ вставалъ очень рано; писалъ и читалъ. Онъ получалъ *Московскія Вѣдомости*, *Политическій Журналъ* Сохацкаго, *Пріятное и полезное препровожденіе времени* Сохацкаго и Подшивалова; гамбургскія газеты ему присылали изъ Иркутска, съ оказіей, знакомые нѣмцы. Онъ дѣлалъ химическіе опыты; одно время занимался много дѣланіемъ и обжиганіемъ горшковъ, для чего ему служила плавильная печь, устроенная въ столовой. Поутру приносили ему большой мѣдный чайникъ съ кипяткомъ, и онъ самъ варилъ себѣ кофе. Дѣти вставали, и онъ ихъ училъ каждый день, поутру, исторіи, географіи и по-нѣмецки, послѣ обѣда заставлялъ ихъ читать и переводить съ французскаго. Лѣтомъ онъ ходилъ съ ружьемъ по лѣсамъ и горамъ, окружающимъ Илимскъ, ѣздилъ на лодкѣ вверхъ и внизъ по Илиму, а зимой на саняхъ въ разныя стороны, и даже до устья Илима, верстъ за сто, въ селеніе Коробганку, гдѣ ловится множество осетровъ [1])». Кромѣ того Радищевъ, при помощи нѣкоторыхъ медицискихъ свѣденій помогалъ крестьянамъ въ болѣзняхъ и несчастныхъ случаяхъ; по словамъ сына, А.

---

[1]) „Русскій вѣстникъ“ 1858 г. № 18-й, стр. 413.

Н. открылъ оспопрививаніе гораздо раньше Дженнера[1]), и прививалъ оспу своимъ дѣтямъ и жителямъ Илимска.

Въ Сибири Радищевъ женился на своей свояченицѣ (жениной сестрѣ) и черезъ годъ послѣ этого, стараніями графа Воронцова, получилъ дозволеніе возвратиться въ свои деревни.

Тамъ онъ пробылъ почти безвыѣздно до восшествія на престолъ Императора Александра I, который вызвалъ Радищева въ столицу, возвратилъ ему чины, орденъ, дворянское достоинство и помѣстилъ въ комисію для составленія законовъ. Предсѣдателемъ этой комисіи былъ графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій, человѣкъ стараго закала, которому конечно не могли нравиться идеи Радищева, беззастенчиво высказываемыя послѣднимъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Александръ Николаевичъ написалъ проэктъ гражданскаго уложенія, который думалъ представить на разсмотрѣніе комисіи, но передъ этимъ произошла какая то размолвка съ графомъ Завадовскимъ, въ

---

[1]) Первая брошюра объ оспопрививаніи вышла въ Лондонѣ въ 1798 г. Радищевъ воротился изъ ссылки въ 1796 г.

которой предсѣдатель замѣтилъ между прочимъ, что убѣжденія Радищева не могутъ привести его ни къ чему хорошему и даже упомянулъ въ разговорѣ роковое слово *Сибирь*. Это сильно поразило Радищева, онъ впалъ въ задумчивостъ и повторялъ своимъ дѣтямъ: «Ну, что если меня опять сошлютъ въ Сибирь?»

Въ проэктѣ гражданскаго уложенія, въ противоположность Сперанскому, который высказалъ мнѣнія, что Россіи не нужно новыхъ законовъ, а нужно только пересмотрѣть и исправить старые, Радищевъ требовалъ радикальныхъ реформъ. Между прочимъ онъ высказалъ слѣдующія убѣжденія въ своемъ проэктѣ гражданскаго уложенія: 1) Всѣ состоянія должны быть равны предъ закономъ, а потому тѣлесное наказаніе необходимо отмѣнить; 2) Табель о рангахъ уничтожить; 3) Уничтожить пристрастные допросы и ввести гласное судопроизводство; 4) Вѣротерпимость и полная свобода совѣсти необходима; 5) Свобода печати съ яснымъ цензурнымъ уставомъ, точно опредѣляющимъ мѣру отвѣтственности; 6) Уничтожить крѣпостную зависимость; 7) Подушную подать замѣнить поземельною; 8) Ввести свободу торговли; 9) Отмѣнить

строгія законы о торговой несостоятельности [1]).

Взволнованное состояніе духа день ото дня увеличивалось, и подъ конецъ Радищевъ положительно заболѣлъ.

Утромъ 11 Сентября 1802 года, въ припадкѣ иппохондріи, онъ схватилъ и выпилъ большой стаканъ крѣпкой водки, которая приготовлена была для чистки почернѣйшей мишуры на поношенныхъ эполетахъ его старшаго сына. Радищевъ хотѣлъ было зарѣзаться бритвой, но сынъ удержалъ его.

— Оставь; я буду долго мучиться... сказалъ Радищевъ.

Дѣйствительно страшная рвота не замедлила обнаружить разрушающее дѣйствіе крѣпкой водки. Вѣсть объ этомъ быстро разнеслась по городу, и Императоръ прислалъ къ Радищеву своего лейбъ-медика, но уже было поздно; причастившись Св. Таинъ, Радищевъ, послѣ непродолжительныхъ, но страшныхъ мученій испустилъ духъ на 53 году отъ рожденія.

Иванъ Петровичъ Пнинъ, въ то время еще молодой человѣкъ, горячій приверже-

---

[1]) „Русс. Вѣст.“ 1858 г. № 18, стр. 224.

нецъ Радищева, написалъ на смерть своего друга слѣдующее стихотвореніе:

И такъ Радищева не стало!
Мой другъ, уже во гробѣ онъ!
То сердце, что добромъ дышало,
Постигъ ничтожества законъ;
Уста, что истину вѣщали,
Увы, на вѣки замолчали,
И пламенникъ ума погасъ;
Кто къ счастью велъ путемъ свободы,
На вѣкъ, на вѣкъ оставилъ насъ!
Оставилъ и прешелъ къ покою,
Благословимъ его мы прахъ!
Кто столько жертвовалъ собою
Не для своихъ, но общихъ благъ,
Кто былъ отечеству сынъ вѣрный,
Былъ гражданинъ, отецъ примѣрный,
И смѣло правду говорилъ,
Кто ни предъ кѣмъ не изгибался,
До гроба лестію гнушался,
Я чаю — тотъ довольно жилъ.

Послѣ смерти Радищева вышло собраніе его сочиненій, въ которое вошло: «Житіе Ѳ. В. Ушакова,» изданное имъ въ 1790 году, до ссылки его въ Сибирь; «О человѣкѣ,—его смертности и безсмертіи» (4 части, 1792, написанные въ ссылкѣ); «Письмо о китайскомъ торгѣ, въ Кіахтѣ», (1792 г. писано тоже въ Илимскѣ); «Сокращенное повѣствованіе о пріобретеніи Сибири»; от-

рывокъ изъ поэмы въ прозѣ: «Ермакъ»; «Дневникъ одной недѣли», «Памятникъ дактилохореическому витязю»; «Описаніе моего владѣнія» одинадцать пѣсней изъ поэмы «Бова королевичъ» и мелкія стихотворенія.

Печатано съ дозволенія Управы Благочинія *).

*) Императрица замѣтила: «О строки *съ дозволенія Управы Благочинія* скажу, что прибавить къ книгѣ послѣ подписи подписавшаго, есть лживый поступокъ и бездѣльство». Радищевъ, послѣ того, какъ цензура выхерила нѣсколько листовъ изъ Путешествія, напечаталъ свою книгу вполнѣ, и успѣлъ получить разрѣшеніе несвѣдущаго оберъ-полицмейстера, Рылѣева.

А. М. К. [1])

Любезнѣйшему другу.

Чтобы разумъ и сердце произвести ни захотѣли, тебѣ оно, О! сочувственникъ мой, посвѣщено да будетъ. Хотя мнѣнія мои о многихъ вещахъ различествуютъ съ твоими, но сердце твое бьетъ моему согласно — и ты мой другъ.

Я взглянулъ окрестъ меня-душа моя, страданіями человѣчества уязвлена стала. Обратилъ взоры мои во внутренность мою—и узрѣлъ, что бѣдствія человѣка происходятъ отъ человѣка и часто отъ того только, что онъ взираетъ непрямо на окружающіе его

---

[1]) Посвящено Алексѣю Михайловичу Кутузову, товарищу Радищева по лейпцигскому университету. См. Современникъ 1856 г. книга 8, стр. 147. Библіогр. записки М. Лонгинова.

предметы. Ужели, вѣщалъ я самъ себѣ, природа толико скупа была къ своимъ чадамъ, что отъ блудящаго невинно, сокрыла истинну на вѣки? Ужель сія грозная мачиха произвела насъ для того, чтобъ чувствовали мы бѣдствія, а блаженство николи? Разумъ мой вострепеталъ отъ сея мысли, и сердце мое далеко ее отъ себя оттолкнуло. Я человѣку нашелъ утѣшителя въ немъ самомъ. «Отъ ими завѣсу съ очей природнаго чувствованія — и блаженъ буду.» Сей гласъ природы раздавался громко въ сложеніи моемъ. Воспрянулъ я отъ унынія моего, въ которое повергли меня чувствительность и состраданіе, я ощутилъ въ себѣ довольно силъ, чтобы противиться заблужденію, и веселіе не изреченное! я почувствовалъ, что возможно всякому соучастникомъ быть во благодѣйствіи себѣ подобныхъ. — Се мысль побудившая меня начертать что читать будешь. Но, если, говорилъ я самъ себѣ, я найду кого либо, кто намѣреніе мое одобритъ, кто ради благой цѣли, неопорочитъ неудачное изображеніе мысли, кто состраждетъ со мною надъ бѣдствіями собратіи своей, кто въ шествіи моемъ меня подкрѣпитъ; не сугубой ли плодъ произойдетъ отъ подъятаго мною труда?... Почто, почто мнѣ искать далеко

кого либо? Мой другъ! ты близь моего сердца живешь и — имя твое да озаритъ сіе начало.

Выѣздъ.

Отужинавъ съ моими друзьями, я легъ въ кибитку. Ямщикъ по обыкновенію своему поскакалъ во всю лошадиную мочь, — и въ нѣсколько минутъ я былъ уже за городомъ. Раставаться трудно, хотя на малое время съ тѣмъ, кто намъ нуженъ сталъ на всякую минуту бытія нашего. Раставаться трудно: но блаженъ тотъ, кто разстаться можетъ не улыбаяся, любовь или дружба стерегутъ его утѣшеніе. Ты плачешь, произнося прости; но вспомни о возвращеніи своемъ, и да изчезнутъ слезы твои при семъ воображеніи, яко роса предъ лицемъ солнца. Блаженъ возрыдавшій надѣяйся на утѣшителя, блаженъ живущій иногда въ будущемъ; блаженъ живущій въ мечтаніи. — Существо его усугубляется, веселія множаться и спокойствіе упреждаетъ нахмуренность грусти, разпложая образы радости въ зерцалахъ воображенія. Я лежу въ кибиткѣ. Звонъ почтоваго колокольчика наскучивъ моимъ

ушамъ призвалъ наконецъ благодѣтельнаго Морфея. Горесть разлуки моея преслѣдуя за мною въ смертоподобное мое состояніе представила меня воображенію моему уединенна. Я зрѣлъ себя въ пространной долинѣ, потерявшей отъ солнечнаго зноя всю пріятность и пестроту зелености, не было тутъ источника на прохлажденіе, не было древесныя сѣни на умѣреніе зноя. Единъ, оставленъ среди природы пустынникъ! Вострепеталъ. Несчастной возопилъ я, гдѣ ты? гдѣ дѣвалось все, что тебя прельщало? гдѣ то, что жизнь твою дѣлало тебѣ пріятною? Неужели веселости тобою вкушенныя были сонъ и мечта? По счастію моему случившаяся на дорогѣ рытвина, въ которую кибитка моя толкнулась, меня разбудила. Кибитка моя остановилась. Приподня я голову, вижу на пустомъ мѣстѣ стоитъ домъ въ три жилья. Что такое спрашивалъ я у повощика моего? почтовый дворъ: — да гдѣ мы? въ Софіи: и между тѣмъ выпрягалъ лошадей.

Софія.

По всюду молчаніе. Погруженный въ размышленіяхъ, не примѣтилъ я, что кибитка моя давно уже безъ лошадей стояла. При-

везшій меня извощикъ извлекъ меня изъ задумчивости. — Баринъ, батюшка на водку. — Сборъ сей хотя не законный, но охотно всякой его платитъ, дабы не ѣхать по указу. — Двадцать копѣекъ послужили мнѣ въ пользу. Кто ѣзжалъ на почтѣ, тотъ знаетъ что подорожная есть оберегательное письмо, безъ котораго всякому кошельку будетъ накладно. Вынувъ ее изъ кармана, я шелъ съ нею, какъ ходятъ иногда для защиты своей со крестомъ.

Почтоваго комисара нашелъ я храпящаго; легонько взялъ его за плечо. — Кого чортъ давитъ? Что за манеръ выѣзжать изъ города ночью. Лошадей нѣтъ; очень еще рано, взойди пожалуй въ трактиръ выпей чаю, или усни. Сказавъ сіе г. Комисаръ отворотился къ стѣнѣ и паки захрапѣлъ. Что дѣлать? Потрясъ я Комисара опять за плечо. — Что за пропасть, я уже сказалъ, что нѣтъ лошадей и обернувъ голову одѣяломъ, г. Комисаръ отъ меня отворотился. Если лошади всѣ въ разгонѣ, размышлялъ я, то несправедливо, что я мѣшаю Комисару спать. А если лошади въ конюшнѣ... Я вознамѣрился узнать, правду ли г. Комисаръ говорилъ. Вышелъ на дворъ, сыскалъ конюшню, и нашелъ въ оной лошадей до 20, хотя правду

сказать, кости у нихъ были видны, но меня бы дотащили до слѣдующаго стана.—Изъ конюшни я опять возвратился къ Комисару, потрясъ его гораздно покрѣпче.—Казалось мнѣ, что я имѣлъ къ тому право, нашедъ, что комисаръ солгалъ. Онъ въ торопяхъ вскочилъ, и не продравъ еще глазъ спрашивалъ кто пріѣхалъ не.... но опомнявшись увидя меня, сказалъ мнѣ, видно молодецъ ты обыкъ такъ обходится съ прежними ямщиками. Ихъ бивали палками, но нынѣ не прежняя пора. Со гнѣвомъ г. Комисаръ легъ спать въ постелю. Мнѣ его также хотѣлось поподчивать, какъ прежнихъ ямщиковъ, когда они въ обманѣ примечались, но щедрость моя давая на водку городскому повощику побудила Софійскихъ ямщиковъ запречь мнѣ поскорѣе лошадей, и въ самое то время, когда я намѣрялся сдѣлать преступленіе на спинѣ Комисарской, зазвѣнелъ на дворѣ колокольчикъ. Я пребылъ добрый гражданинъ. И такъ 20 мѣдныхъ копѣекъ, избавили миролюбиваго человѣка отъ слѣдствія, дѣтей моихъ отъ примѣра невоздержанія во гнѣвѣ, и я узналъ, что разсудокъ есть рабъ нетерпѣливости.

Лошади меня мчатъ; извощикъ мой затянулъ пѣсню по обыкновенію заунывную.—

Кто знаетъ голоса русскихъ народныхъ пѣсенъ, тотъ признается, что есть въ нихъ нѣчто скорьбь душевную означающее. Всѣ почти голоса таковыхъ пѣсень суть тону мягкаго. Въ нихъ найдешъ образованіе души нашего народа. Посмотри на русскаго человѣка, — найдешь его задумчива. Если захочетъ разогнать скуку, или какъ то онъ самъ называетъ, если захочетъ повеселиться, то идетъ въ кабакъ. Въ веселіи своемъ порывистъ, отваженъ, сварливъ. Если что либо случиться не понемъ, то скоро начинаетъ споръ или битву.

Извощикъ мой поетъ. — Третей былъ часъ по полуночи. — Какъ прежде колокольчикъ, такъ теперь его пѣсня опять произвела во мнѣ сонъ. О природа, объявъ человѣка въ пелены скорби при рожденіи его, влача его по строгимъ хребтамъ боязни, скуки и печали чрезъ весь его вѣкъ, дала ты ему въ отраду сонъ. — Уснулъ и все скончалось. — Несносно пробужденіе несчастному. О сколько смерть для него пріятна. А есть ли она конецъ скорби? Отче всеблагій, неужели отвратишъ взоры свои, отъ скончевающаго бѣдственное житіе свое мужественно. Тебѣ источнику всѣхъ благъ, приносится сія жертва. Ты единъ даешь крѣпость, когда есте-

ственно трепещетъ, содрагается. Се гласъ отчій, взывающій къ себѣ свое чадо. Ты жизнь мнѣ далъ, Тебѣ ее и возвращаю; на земли она стала уже безполезна.

Тосна.

Поѣхавши изъ Петербурга, я воображалъ себѣ, что дорога была наилучшая. Такова она была дѣйствительно, но на малое время. Земля насыпанная на дорогѣ, сдѣлавъ ее гладкою въ сухое время, дождями разжиженная, произвела великую грязь среди лѣта, и сдѣлала ее непроходимую.... Обезпокоенъ дурною дорогою я вставъ изъ кибитки, вошелъ въ почтовую избу, въ намѣреніи отдохнуть. Въ избѣ нашелъ я пріѣзжающаго, который сидя за обыкновеннымъ длиннымъ крестьянскимъ столомъ въ переднемъ углу, разбиралъ бумаги, и просилъ почтоваго комисара, чтобы ему поскорѣе велѣлъ дать лошадей. На вопросъ мой, кто онъ былъ? узналъ я, что то былъ стараго покроя стряпчій, ѣдущій въ Питербургъ съ великимъ множествомъ изодранныхъ бумагъ, которые онъ тогда разбиралъ. Я немѣдля вступилъ съ нимъ въ разговоръ, и вотъ моя съ нимъ бѣсѣда: Милостивый государь!

Я нижайшій вашъ слуга, бывъ регистраторомъ въ разрядномъ архивѣ, имѣлъ случай употребить мѣсто мое себѣ въ пользу. Посильными моими трудами я собралъ родословную на ясныхъ доводахъ утвержденную, многихъ родовъ Россійскихъ. Я докажу Княжеское или благородное ихъ происхожденіе за нѣсколько сотъ лѣтъ. Я востановлю нерѣдкаго въ княжеское достоинство, показавъ отъ Владиміра Мономаха или отъ самаго Рюрика ихъ происхожденіе. Милостивый Государь! продолжалъ онъ, указывая на свои бумаги, все великороссійское дворянство долженствовало бы купить мой трудъ, заплатя за него столько, сколько ни за какой товаръ ни платятъ. Но съ дозволенія вашего Высокородія, Благородія или Высокоблагородія, невѣдаю какъ честь ваша, они не знаютъ что имъ нужно. Извѣстно вамъ сколько блаженныя памяти благовѣрный Ѳеодоръ Алексѣевичь, Россійское дворянство обидѣлъ, уничтоживъ мѣстничество. Сіе строгое законоположеніе поставило многія честныя Княжескіе роды наравнѣ съ Новгородскимъ дворянствомъ. Но благовѣрный же Государь Императоръ Петръ Великій со всѣмъ привелъ ихъ въ затмѣніе своею табелью о рангахъ. Открылъ

онъ путь чрезъ службу военную и гражданскую всѣмъ, къ пріобрѣтенію дворянскаго титла, и древнее дворянство, такъ сказать затопталъ въ грязь. Нынѣ Всемилостивѣйше царствующая наша мать, утвердила прежніе указы Высочайшимъ о дворянствѣ положеніемъ, которое было всѣхъ степенныхъ нашихъ востревожило, ибо древніе роды поставлены во дворянской книгѣ ниже всѣхъ. Но слухъ носится, что въ дополненіе вскорѣ избранъ будетъ указъ, и тѣмъ родамъ, которые дворянское свое происхожденіе докажутъ за 200 или 300 лѣтъ, приложится титло Маркиза или другое знатное, и они предъ другими родами будутъ имѣть нѣкоторую отличность. По сей причинѣ Милостивый государь! трудъ мой долженъ весьма быть пріятенъ всему древнему благородному обществу; но всякъ имѣетъ своихъ злодѣевъ.

Въ Москвѣ завернулся я въ компанію молодыхъ господчиковъ, и предложилъ имъ мой трудъ, дабы благосклонностію ихъ возвратить хотя истраченную бумагу и чернилы, но вмѣсто благопріятства попалъ въ посмѣяніе, и съ горя оставивъ столичный сей градъ вдался пути до Питера, гдѣ, извѣстно гораздо болѣе просвѣщенія. Сказавъ сіе поклонился мнѣ объ руку и вытянувшись

прямо, стоялъ предомною съ величайшимъ благоговѣніемъ. Я понялъ его мысль, вынулъ изъ ношелька.... и давъ ему совѣтовалъ, что пріѣхавъ въ Питербургъ онъ продалъ бы бумагу свою на вѣсъ разнощикамъ, для обвертки, ибо мнимое Маркизство скружить можетъ многимъ голову, и онъ причиною будетъ возражденію истребленнаго въ Россіи зла, хвастовства древнія породы.

Любань.

Зимою ли я ѣхалъ или лѣтомъ, для васъ думаю равно. Можетъ быть и зимою и лѣтомъ. Нерѣдко бываетъ то съ путешественниками, поѣдутъ на саняхъ, а возвращаются на телѣгахъ. Лѣтомъ бревешками вымощенная дорога замучила мои бока, я вылезъ изъ кибитки и пошелъ пешкомъ. Лежа въ кибиткѣ мысли мои обращены были въ неизмѣримость міра. Отдѣляяся душевно отъ земли, казалося мнѣ, что удары кибиточные были для меня легче. Но упражненія духовныя не всегда насъ тѣлесности отвлекаютъ; и для сохраненія боковъ моихъ пошелъ я пешкомъ. — Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дороги увидѣлъ я пасущаго ниву крестьянина. Время было жаркое. Посмотрѣлъ я

на часы. Перваго 40 минутъ. Я выѣхалъ въ субботу. Сегодня праздникъ. — Пашущій крестьянинъ принадлежитъ конечно помѣщику, который оброкъ съ него не беретъ. — Крестьянинъ пашетъ съ великимъ тщаніемъ. — Нива, конечно, не господская. Соху поварачиваетъ съ удивительную легкостію. — Богъ въ помощь сказалъ я, подошедъ къ пахарю, который не останавливаясь доканчивалъ зачатую борозду. — Богъ въ помощь, повторилъ я. — Спасибо баринъ, говорилъ мнѣ пахарь, отряхая сошникъ и перенося соху на новую борозду. — Ты конечно раскольникъ, что пашешь по воскресеньямъ. — Нѣтъ баринъ я прямымъ крестомъ крещусь, сказалъ онъ показывая мнѣ сложенные три перста. А Богъ милостивъ съ голоду умирать не велитъ, когда есть силы и семья. Развѣ тебѣ во всю недѣлю нѣтъ времени работать, что ты и воскресенью не спускаешь да еще и въ самый жаръ. Въ недѣлѣ то баринъ 6-ть дней, а мы шесть разъ въ недѣлю ходимъ на барщину; да подъ вечерокъ возимъ оставшее въ лѣсу сѣно на господскій дворъ, коли погода хороша, а бабы и дѣвки, для прогулки ходятъ по праздникамъ въ лѣсъ по грибы да по ягоды. Дай Богъ, крестяся, чтобъ подъ вечеръ се-

го дня дождикъ пошелъ. Баринъ коли есть у тебя свои мужички, такъ они тоже у господа молятъ. — У меня мой другъ мужиковъ нѣтъ и для того никто меня не клянетъ. Велика ли у тебя семья? Три сына и три дочки. Первинькому то 10-й годокъ.—Какъ же ты успѣваешь доставать хлѣбъ, коли только праздникъ имѣешь свободнымъ? Не одни праздники и ночь наша. Не лѣнись нашъ братъ, то съ голоду не умретъ. Видишь ли одна лошадь отдыхаетъ, а какъ эта устанетъ, возьмусь за другую, дѣло то и споро.— Такъ ли ты работаешь на господина своего? Нѣтъ баринъ грѣшно бы было такъ же работать. У него на пашнѣ сто рукъ для одного рта, а у меня двѣ для семи ртовъ, самъ ты щетъ знаешь. Да хотя растянись на барской работѣ, то спасибо не скажутъ. Баринъ подушныхъ не заплатитъ, ни барана, ни холста, ни курицы, ни масла не уступитъ. Толи житье нашему брату, какъ гдѣ баринъ оброкъ беретъ съ крестьянина, да еще безъ прикащика. Правда, что иногда и добрые господа берутъ болѣе 3-хъ рублей съ души; но все лучше барщины. Нынѣ еще повѣрье заводится отдавать деревни, какъ то называется, въ аренду. А мы называемъ это отдавать головой. — Голой наемникъ де-

ретъ съ мужиковъ кожу; даже лучшей поры намъ не оставляетъ. — Зимою не пускаетъ въ извозъ, ни въ работу въ городъ, все работай на него, для того что онъ подушныя платитъ за насъ. Самая дьявольская выдумка отдавать крестьянъ своихъ чужому въ работу. — На дурнаго прикащика хотя можно жаловаться, а на наемника кому? — Другъ мой ты ошибаешься, мучить людей законы запрещаютъ. — Мучить? — Правда; но небось баринъ не захочешь въ мою кожу. — Между тѣмъ пахарь запрягъ другую лошадь въ соху и начавъ новую борозду со мною простился. Разговоръ сего земледѣльца возбудилъ во мнѣ множество мыслей. Первое представилось мнѣ неравенство крестьянскаго состоянія. Сравнилъ я крестьянъ казенныхъ съ крестьянами помѣщичьими. Тѣ и другія живутъ въ деревняхъ, но одни платятъ извѣстное, а другіе должны быть готовы платить, то, что господинъ хочетъ. — Одни судятся своими равными, а другіе въ законѣ мертвы, развѣ по дѣламъ уголовнымъ. Членъ общества становится только тогда извѣстенъ правительству его охраняющему, когда нарушаетъ союзъ общественный, когда становится злодѣй! Сія мысль всю кровь во мнѣ воспалила. Страшись, по-

мѣщикъ жестокосердый, на челѣ каждаго изъ твоихъ крестьянъ всюду твое осужденіе. Углубленный въ сихъ размышленіяхъ я нечаянно обратилъ взоръ мой на моего слугу, который сидя на кибиткѣ передо мною, качался изъ стороны въ сторону. Вдругъ почувствовалъ я быстрый мразъ, протекающій кровь мою, и прогоняющій жаръ къ вершинамъ нудилъ его распространиться по лицу. Мнѣ такъ стало во внутренности моей стыдно, что едва я не заплакалъ. Ты во гнѣвѣ твоемъ, говорилъ я самъ себѣ, устремляешся на гордаго господина, изнуряющаго крестьянина своего на нивѣ своей, а самъ не тоже ли или еще хуже того дѣлаешь. Какое преступленіе сдѣлалъ бѣдной твой Петрушка, что ты ему воспрещаешь пользоваться усладителемъ нашихъ бѣдствій, величайшимъ даромъ природы несчастному, сномъ.—Онъ получаетъ плату, сытъ, одѣтъ, никогда я его не сѣку ни плетьми, ни батожьемъ. — (О умѣренный человѣкъ!) и ты думаешь, что кусокъ хлѣба, и лоскутъ сукна тебѣ даютъ право поступать съ подобнымъ тебѣ существомъ, какъ съ кубаремъ, и тѣмъ ты только хвастаешь, что не часто подсѣкаешь его въ его вертѣніи. Вѣдаешь ли, что въ первенственномъ уложеніи, въ

сердце каждаго написано? Если я кого ударю, тотъ и меня ударить можетъ. Вспомни тотъ день, какъ Петрушка пьянъ былъ и не поспѣлъ тебя одѣть. Вспомни о его пощечинѣ. О есть бы онъ тогда, хотя пьяной опомнился, и тебѣ отвѣчалъ бы соразмѣрно твоему вопросу! — А кто тебѣ далъ власть надъ нимъ? — Законъ — Законъ? И ты смѣешь поносить сіе священное имя? Несчастный.... Слезы потекли изъ глазъ моихъ и въ таковомъ положеніи почтовые клячи дотащили меня до слѣдующаго стана.

Чудово.

Не успѣлъ я войти въ почтовую избу какъ услышалъ на улицѣ звонъ почтоваго колокольчика, и чрезъ нѣсколько минутъ вошелъ въ избу пріятель мой Ч..... Я его оставилъ въ Питербургѣ, и онъ намѣренія не имѣлъ оттуда выѣхать такъ скоро. Особливое произшествіе побудило человѣка нрава крутаго, какъ то былъ мой пріятель, удалится изъ Питербурга и вотъ что онъ мнѣ расказалъ.

Ты былъ уже готовъ къ отъѣзду, какъ я отправился въ Петергофъ. Тутъ я препроводилъ праздники столь весело, сколько въ

шуму и чаду васелиться можно. Но желая поѣздку мою обратить въ пользу, вознамѣрился съѣздить въ Кронштадтъ и на Систербекъ, гдѣ сказывали мнѣ въ послѣднее время сдѣланы великія перемѣны. Въ Кронштадтѣ прожилъ я два дни съ великимъ удовольствіемъ, насыщаяся зрѣніемъ множества иностранныхъ кораблей, каменной одежды крѣпости Кронштадтской, и строеній стремительно возвышающихся. Любопытствовалъ посмотрѣть новаго Кронштату плана, и съ удовольствіемъ предусматривалъ красоту намѣреваемаго строенія, словомъ второй день пребыванія моего кончился весело и пріятно. Ночь была тихая, свѣтлая и воздухъ благоразстворенный вливалъ въ чувства особую нѣжность, которую лучше ощущать, нежели описать удобно. Я вознамѣрился въ пользу употребить благость природы и насладится еще одинъ хотя разъ въ жизни, великолѣпнымъ зрѣлищемъ восхожденія солнца, котораго на гладкомъ водяномъ горизонтѣ мнѣ еще видѣть не удавалось. Я нанялъ морскую 12-ти весельную шлюбку, и отправился на С.....

Версты въ четыре плыли мы благополучно. Шумъ веселъ единозвучностью своею, возбудилъ во мнѣ дремоту, и томное зрѣніе,

едвали воспрядало отъ мгновеннаго блеска падающихъ капель воды съ вершины веселъ. Стихотворческое воображеніе переселяло уже меня въ прелѣстные луга Пафоса и Амаѳонта. — Внезапу острый свистъ возникающаго въ дали вѣтра, разгналъ мой сонъ, и отягченнымъ взорамъ моимъ, представлялися сгущенныя облака, коихъ черная тяжесть, казалось, стремила ихъ намъ на главу и паденіемъ устрашала. Зерцаловидная поверхность водъ начинала рябѣть и тишина уступала мѣсто начинающемуся плесканію валовъ. Я радъ былъ и сему зрѣлищу; соглядалъ величественныя черты природы и не въ чванство скажу, что другихъ устрашать начинало, то меня веселило. Восклицалъ изрѣдка какъ Вернетъ, ахъ какъ хорошо! Но вѣтеръ усиливаяся постепенно, понуждалъ думать о достиженіи берега. Небо отъ густоты не прозрачныхъ облаковъ, совсемъ померкло. Сильное стремленіе валовъ отнимало у кормила направленіе, и порывистый вѣтръ, то вознося насъ на мокрые хребты, то низвергая въ утѣсистыя равнины водяныхъ зыбей отнимало у гребущихъ силу шественнаго движенія. Слѣдуя по неволѣ направленію вѣтра мы носилися на удачу. Тогда и берега начали боятся. Тогда и то, чтобы

насъ при благополучномъ плаваніи утѣшать могло, начинало приводить въ отчаяніе. Природа завистливою намъ на сей разъ казалася, и мы на нее негодовали теперь за то, что не распростирала ужаснаго своего величества, сверкая въ молніи и слухъ тревожа громовымъ трескомъ. Но надежда преслѣдуя человѣка до крайности, насъ укрѣпляла и мы елико намъ возможно было ободряли другъ друга.

Носимое валами внезапу судно наше остановилось недвижимо. Всѣ наши силы совокупно употребленныя не были въ состояніи совратить его съ того мѣста, на которомъ оно стояло. Упражняясь въ сведеніи нашего судна съ мѣли, какъ то мы думали, мы не примѣтили, что вѣтръ между тѣмъ почти совсѣмъ утихъ. Небо по малу очистилося, отъ затмѣвавшихъ синеву его облаковъ. Но восходящая заря вмѣсто того, чтобъ принести намъ отраду, явила намъ бѣдственное наше положеніе. Мы узрѣли ясно, что шлюпка наша не на мѣли находилась, но погрязла между двухъ большихъ камней, и что небыло никакихъ силъ для ея избавленія оттуда невредимо. Вообрази мой другъ наше положеніе, все что я не скажу, все слабо будетъ въ отношеніи моего чув-

ствія. Да и еслибъ я могъ достаточныя дать черты каждому души моея движенію, то слабы еще были бы онѣ для произведенія въ тебѣ подобнаго тѣмъ чувствованіямъ, какія въ душѣ моей возникали и тѣснилися тогда. Судно наше стояло на срединѣ гряды каменной замыкающей заливъ до С.... простирающійся. Мы находимся отъ берега на полторы версты. Вода начинала проходить въ судно наше со всѣхъ сторонъ и угрожала намъ совершеннымъ потопленіемъ. Въ послѣдній часъ, когда свѣтъ отъ насъ переходить начинаетъ и отверзается вѣчность, низпадаютъ тогда всѣ степени, мнѣніемъ между человѣковъ воздвигнутые. Человѣкъ тогда становится просто человѣкъ: такъ видя приближающуюся кончину, забыли всѣ мы, кто былъ какого состоянія, и помышляли о спасеніи нашемъ отливая воду какъ кому споручно было. Но какая была въ томъ польза? Колико воды союзными нашими силами было изчерпаемо, толико во мгновеніе паки накоплялось. Къ крайнему сердецъ нашихъ сокрушенію ни въ дали, ни въ близи не видно было мимоидущаго судна. Да и то, которое бы подало намъ отраду явясь взорамъ нашимъ, усугубило бы отчаяніе наше, удаляяся отъ насъ и избѣгая равныя съ

нами участи. Наконецъ судна нашего правитель, болѣе нежели другіе всѣ къ опасностямъ морскихъ произшествій обыкшій, взиравшій по неволѣ, можетъ быть, на смерть хладнокровно въ разныхъ морскихъ сраженіяхъ въ прошедшую Турецкую войну въ Архипелагѣ; рѣшился или насъ спасти спасаяся самъ, или погибнуть въ семъ благомъ намѣреніи; ибо стоя на одномъ мѣстѣ, погибнуть бы намъ должно было. Онъ вышедъ изъ судна и перебираяся съ камня на камень направилъ шествіе свое къ берегу, сопровождаемъ чистосердечнѣйшими нашими молитвами. Сначала продолжалъ онъ шествіе свое весьма бодро прыгая съ камень на камень, переходя воду, гдѣ она была мелка, переплывая ее, гдѣ она глубже становилась. Мы съ глазъ его не спускали. Наконецъ увидѣли, сто силы его начали ослабѣвать, ибо онъ переходилъ камни медлительнѣе, останавливаясь по часту, и садясь на камень для отдохновенія. Казалось намъ что онъ находился иногда въ размышленіи и нерѣшимости о продолженіи пути своего. Сіе побудило однаго изъ его товарищей ему преслѣдовать, дабы подать ему помощь, если онъ увидитъ его изнемогающаго въ достиженіи берега, или достигнуть онаго,

если первому въ томъ будетъ не удача. Взоры наши стремились во слѣдъ то за тѣмъ, то за другимъ, и молитва наша о ихъ сохраненіи была не лицемѣрна. Наконецъ послѣдній изъ сихъ подражателей Моисея въ прохожденіи, безъ чуда, морскія пучины своими стопами, остановился на камнѣ недвижимъ, а перваго совсѣмъ мы потеряли изъ виду.

Сокровенныя до селѣ внутреннія каждаго движенія, заклепанныя такъ сказать ужасомъ, начали являтся при изчезаніи надежды. Вода между тѣмъ въ суднѣ умножалася, и трудъ нашъ возрастая въ отливаніи оной утомлялъ силы наши примѣтно. Человѣкъ яраго и нетерпѣливаго сложенія рвалъ на себѣ волосы, кусалъ персты, проклиналъ часъ своего выѣзда. Человѣкъ робкія души и чувствовавшій долго можетъ быть тягость удручительныя неволи, рыдалъ орошая слезами своими скамью, на которой ницъ распростертъ лежалъ. Иной воспоминая домъ свой, дѣтей и жену, сидѣлъ яко окаменѣлый, помышляя не о своей, но о ихъ гибели, ибо они питалися его трудами. Каково было души моей положеніе, мой другъ самъ отгадывай, ибо ты меня довольно знаешь. Скажу только тебѣ то, что я прилежно молился

Богу. Наконецъ начали мы всѣ предаваться отчаянію, ибо судно наше болѣе половины водою натекло, и мы стояли всѣ въ водѣ по колѣно. Не рѣдко помышляли мы вытти изъ судна и шествовать по каменной грядѣ къ берегу, но пребываніе однаго изъ нашихъ сотрудниковъ на камнѣ уже нѣсколько часовъ, и сокрытіе другаго изъ виду, представляло намъ опасность перехода, болѣе можетъ быть, нежели она была въ самомъ дѣлѣ. Среди таковыхъ горестныхъ размышленій увидѣли мы близь противуположнаго берега, въ растояніи отъ насъ въ какомъ то было, точно опредѣлить не могу, два пятна черныя на водѣ, которыя казалося двигались. Зримое нами нѣчто черное и движущееся, казалося по малу увеличивалось, наконецъ приближаяся представило ясно взорамъ нашимъ два малые судна прямо идущія къ тому мѣсту, гдѣ мы находилися среди отчаянія, во сто кратъ надежду превосходящаго. Какъ въ темной храминѣ свѣту совсѣмъ не приступной, вдругъ отверзается дверь, и лучь денный влетавъ стрѣмительно въ среду мрака, разгоняетъ оный, распростираяся по всей храминѣ до дальнѣйшихъ ея предѣловъ, тако увидѣвъ суда, лучь надежды ко спасенію, протекъ наши

души. Отчаяніе превратилося въ восторгъ, горесть въ восхищеніе, и опасно было, чтобы радостныя тѣлодвиженія и плесканія не навлекли намъ гибели скорѣе, нежели мы будемъ исторгнуты изъ опасности. Но надежда житія возвращаяся въ сердца, возбудила паки мысли о различіи состояній, въ опасности уснувшія. Сіе послужило на сей разъ къ общей пользѣ. Я укротилъ излишнее радованіе во вредъ обратиться могущее. По нѣсколькомъ времени увидѣли мы двѣ большія рыбачьи лодки къ намъ приближающіяся, и при настиженіи ихъ до насъ, увидѣли въ одной изъ нихъ нашего спасителя, который прошедъ каменною грядой до берега, сыскалъ сіи лодки для нашего извлеченія изъ явной гибели. Мы не мѣшкавъ ни мало вышли изъ нашаго судна и поплыли въ пріѣхавшихъ судахъ къ берегу, не забывъ снять съ камня сотоварища нашего, который на ономъ около 7-ми часовъ находился. Не прошло болѣе получаса, какъ судно наше стоявшее мажду камней, облегченное отъ тяжести, всплыло и развалилося со всѣмъ. Плывучи къ берегу среди радости и восторга спасенія, Павелъ, такъ звали спасшаго насъ сопутника, разсказалъ намъ слѣдующее.

Я оставя васъ въ предстоящей опасности, спѣшилъ по камнямъ къ берегу. Желаніе васъ спасти дало мнѣ силы чрезъестественныя: но сажень за сто до берега силы мои стали ослабѣвать, и я началъ отчаяваться въ вашемъ спасеніи и моей жизни. Но полежавъ съ полчаса на камени вспрянувъ съ новою бодростію, и не отдыхая болѣе доползъ, такъ сказать, до берега. Тутъ я растянулся на травѣ и отдохнувъ минутъ 10-ть, всталъ и побѣжалъ вдоль берега къ С..... что имѣлъ мочи. И хотя съ немалымъ истощеніемъ силъ, но вспоминая о васъ добѣжалъ до мѣста. Казалось, что небо хотѣло испытать вашу твердость и мое терпѣніе, ибо я не нашелъ ни вдоль берега, ни въ самомъ С..... ни какого судна для вашего спасенія. Находясь почти въ отчаяніи, я думалъ, что ни гдѣ не можно мнѣ лучше искать помощи, какъ у тамошняго начальника. Я побѣжалъ въ тотъ домъ гдѣ онъ жилъ. Уже былъ 7-й часъ. Въ передней комнатѣ нашелъ я тамошней команды сержанта. Разсказавъ ему коротко за чемъ я пришелъ, и ваше положеніе, — просилъ его чтобы онъ разбудилъ Г....., который тогда еще почивалъ. Г. сержантъ мнѣ сказалъ: другъ мой я не смѣю. — Какъ ты не смѣ-

ешь? Когда 20 человѣкъ тонутъ, ты не смѣешь разбудить того, кто ихъ спасти можетъ? Но ты бездѣльникъ лжешь, я самъ пойду.... Г. сержантъ взявъ меня за плечо не очень учтиво, вытолкнулъ за дверь. Съ досады чуть я не лопнулъ. Но помня болѣе о вашей опасности, нежели о моей обидѣ и о жестокосердіи начальника съ его подчиненнымъ, я побѣжалъ къ караульной, которая была версты съ двѣ разстояніемъ, отъ проклятаго дома, изъ котораго меня вытолкнули. Я зналъ, что живущіе въ ней солдаты содержали лодки, въ которыхъ ѣздя по заливу собирали булыжникъ на продажу для мостовыхъ, я и не ошибся въ моей надеждѣ. Нашелъ сіи двѣ небольшія лодки и радость моя теперь несказана, вы всѣ спасены. Если бы вы утонули, то и я бы бросился за вами въ воду. Говоря сіе Павелъ обливался слезами. Между тѣмъ достигли мы берега. Вышедъ изъ судна, я палъ на колѣни, возвелъ руки на небо: Отче всесильный, возопилъ я: Тебѣ угодно да живемъ, Ты насъ водилъ на испытаніе, да будетъ воля твоя. — Се слабое изображеніе мой другъ того, что я чувствовалъ. Ужасъ послѣдняго часа прободалъ мою душу, я видѣлъ то мгновеніе, что существовать перестану. Но что я

буду? Не знаю. Страшная неизвѣстность, теперь чувствую, часъ бьетъ, я мертвъ, движеніе, жизнь, чувствіе, мысль, все изчезнетъ мгновенно. Вообрази себя мой другъ на краю гроба, не почувствуешь ли корчущей мразъ, льющійся въ твоихъ жилахъ и завременно жизнь пресѣкающій. О мой другъ! — Но я удалился отъ мого повѣтствованія.

Совершивъ мою молитву, ярость вступила въ мое сердце. Возможно ли, говорилъ я самъ себѣ, чтобъ въ нашъ вѣкъ, въ Европѣ, подлѣ столицы, въ глазахъ Великаго Государя совершалося такое безчеловѣчіе! Я воспомянулъ о заключенныхъ Англичанахъ въ темницѣ Бенгальскаго Субаба[1]).

---

[1]) Англичанѣ приняли въ свое покровительство ушедшаго къ нимъ въ Калкуду чиновника Бенгальскаго подвергшаго себя казни своимъ мздоимствомъ. Справедливо раздраженный Субабъ, собравъ войско, приступилъ къ городу, и оный взялъ. Англійскихъ военноплѣнныхъ велѣлъ вторгнуть въ темную темницу въ коей они въ полсутки издохли. Осталось отъ нихъ только 23 человѣка. Несчастные сіи сулили стражѣ великія деньги, да возвеститъ владѣльцу о ихъ положеніи. Вопль ихъ и стѣнаніе возвѣщало народу о нихъ соболезнующему, но никто не хотѣлъ возвѣстить о томъ властителю. Почиваетъ онъ отвѣтствовано умирающимъ Англичанамъ, и ни единъ человѣкъ въ Бѣнгалѣ не помнилъ, что для спасенія жизни сто пятидесяти несчастныхъ должно отъяти сонъ мучителя на мгновеніе.

Но чтожъ такое мучитель? Или паче чтожъ такое народъ обыкшій къ игу мучительства. Благоговѣніе-ль или боязнь,

Вздохнулъ я въ глубинѣ души. Между тѣмъ дошли мы до С....., я думалъ, что начальникъ проснувшись накажетъ своего сержанта, и претерпѣвшимъ на водѣ дастъ хотя успокоеніе. Съ сею надеждою пошелъ я прямо къ нему въ домъ. Но поступкомъ его подчиненнаго столь былъ раздраженъ, что я не могъ умѣрить моихъ словъ. Увидѣвъ его сказалъ: Государь мой! Извѣстили васъ, что за нѣсколько часовъ предъ симъ 20 человѣкъ находились въ опасности потерять животъ свой на водѣ, и требовали вашея помощи. Онъ мнѣ отвѣчалъ: мнѣ о томъ сказали недавно, а тогда я спалъ. Тутъ я задрожалъ въ ярости человѣчества.

тягчитъ его согбенна? Если боязнь, то мучитель ужаснѣе Боговъ, къ коимъ человѣкъ возсылаетъ или молитву или жалобу, во время нощи или въ часы денныя. Если благоговѣніе, то возможно человѣка возбудить на почитаніе содѣлателей его бѣдствій, чудовозможное единому суевѣрію. Чему болѣе удивляться, звѣрству ли спящаго Набаба или подлости несмѣющаго его разбудить [2]).

(Реналь, исторія о Индіяхъ. Томъ II.)

[2]) Примѣчаніе Императ. Екатерины II: „Ситаціи 36 стр. доказываетъ жестоко устремленная мысль сочинителя, il cite un fait atroce, которое произшествіе тутъ не идетъ. Англичане задохнулись отъ духоты Каликутскаго жара, а рыбачія лодки можно нанимать и безъ командира скорѣя нежели по его приказанію. Да и спящаго человѣка обвинить нельзя за то, что его не разбудили.

— Ты бы велѣлъ себя будить молоткомъ по головѣ, буде крѣпко спишь, когда люди тонутъ и требуютъ отъ тебя помощи. Отгадай мой другъ, какой былъ его отвѣтъ? Я думалъ, что мнѣ здѣлается ударъ отъ того, что я слышалъ. Онъ мнѣ сказалъ: не моя то должность. Я вышелъ изъ терпѣнія. Должность ли твоя людей убивать, скаредный человѣкъ, и ты носишь знаки отличности, ты начальствующій надъ другими!... Окончить не могъ моея рѣчи, плюнулъ почти ему въ рожу и вышелъ вонъ. Я волосы рвалъ съ досады. Сто дѣлалъ распоряженій какъ отмстить сему звѣрскому начальнику не за себя, но за человѣчество. Но опомнясь, убѣдился воспоминовеніемъ многихъ примѣровъ, что мое мщеніе будетъ безплодно, что я же могу прослыть или бѣшенымъ или злымъ человѣкомъ, смирился.

Между тѣмъ люди мои сходили къ священнику, который насъ принялъ съ великою радостію, согрѣлъ насъ, накормилъ далъ отдохновеніе. Мы пробыли у него цѣлыя сутки, пользуясь его гостепріимствомъ и угощеніемъ. На другой день нашедъ большую шлюпку, доѣхали мы до Ораніенбаума благополучно. Въ Петербургѣ я о семъ разсказывалъ тому и другому. Всѣ сочув-

ствовали мою опасность, всѣ хулили жестокосердіе начальника, никто не захотѣлъ ему о семъ напомнить. Если бы мы потонули, то бы онъ былъ нашимъ убійцею. Но въ должности ему не предписано васъ спасать, сказалъ нѣкто. — Теперь я прощусь съ городомъ на вѣки и не въ ѣду ни коли въ сіе жилищѣ тигровъ. И ты хотѣлъ, чтобъ я поселился въ городѣ. Нѣтъ, мой другъ, говорилъ мой повѣствователь, вскочивъ со стула, заѣду туда, куда, куда люди не ходятъ, гдѣ незнаютъ, что есть человѣкъ, гдѣ имя его неизвѣстно. Прости, — сѣлъ въ кибитку и поскакалъ.

Спаская полѣсть.

Я въ слѣдъ за моимъ пріятелемъ скакалъ такъ скоро, что настигъ его еще на почтовомъ стану. Старался его уговорить, чтобъ возвратился въ Петербургъ, старался ему доказать, что малыя и частныя неустройства въ обществѣ связи его не разрушатъ; какъ дробинка падая въ пространство моря, не можетъ возмутить поверхности воды. Но онъ мнѣ сказалъ на отрѣзъ: «когда бы я малая дробинка пошелъ на дно, то бы конечно на Финскомъ заливѣ бури не сдѣла-

лось, а я бы пошелъ жить съ тюленями. И съ видомъ негодованія простясь со мною, легъ въ свою кибитку, и поѣхалъ поспѣшно.

Лошади были уже впряжены, я уже ногу занесъ, чтобы влѣсть въ кибитку, какъ вдругъ дождь пошелъ. Бѣда не велика, размышлялъ я, закроюсь цѣновкою и буду сухъ. Но едва мысль сія въ мозгѣ моемъ пролѣтела, то какъ будто меня окунули въ пролубь. Небо не спросясь со мной разверзло облако и дождь лилъ ведромъ. Съ погодою не сладишь; по пословицѣ: тише ѣдишь дальше будешь вылѣзъ я изъ кибитки и убѣжалъ въ первую избу. Хозяинъ уже ложился спать, въ избѣ было темно. Но я и въ потемкахъ выпросилъ позволеніе обсушиться. Снялъ съ себя мокрое платье и что было посуше, положивъ подъ голову, на лавкѣ скоро заснулъ. Но постель моя была не пуховая, долго нѣжиться не позволила. Проснувшись услышалъ я шопотъ. Два голоса различить я могъ, которые между собою разговаривали. Ну, мужъ, раскажитка, говорилъ женской голосъ — слушай жена: Жилъ былъ; — и подлинно на сказку похоже, да какже сказкѣ вѣрить, сказала жена въ полголоса, зѣвая ото сна, повѣрю ли я, что были Полканъ, Бова или Соловѣй раз-

бойникъ. Да кто тебя толкаетъ въ шею, вѣрь коли хочешь. Но то правда, что въ старину силы тѣлесныя были въ уваженіи, и что силачи оныя употребляли во зло. Вотъ тебѣ Полканъ. А о Соловьѣ разбойникѣ читай мать моя истолкователей русскихъ древностей. Они тебѣ скажутъ, что онъ Соловьемъ названъ краснорѣчія своего ради. Не перебивай же моей рѣчи. И такъ, жилъ былъ гдѣ-то Намѣстникъ. Въ молодости своей тоскался по чужимъ землямъ, выучился ѣсть устерсы и былъ до нихъ великій охотникъ. Пока денжонокъ своихъ мало было, то онъ отъ охоты своей воздерживался, ѣдалъ по десятку и когда бывалъ въ Питербургѣ. Какъ скоро полѣзъ въ чины, то и число устерсовъ на столѣ его начало прибавляться. А какъ попалъ въ Намѣстники и когда стало у него много денегъ своихъ, много и казенныхъ въ распоряженіи, тогда сталъ онъ къ устерсамъ, какъ брюхатая баба. Спитъ и видитъ, чтобы устерсы кушать. Какъ пора ихъ приходитъ, то нѣтъ никому покоя. Всѣ подчиненные становятся мучениками. Но во что бы то ни стало, а устерсы ѣсть будетъ. Въ правленіе посылаетъ приказъ, чтобы наряженъ былъ немедленно курьеръ, котораго имѣетъ

отправить въ Питербургъ съ важными донесеніями. Всѣ знаютъ, что курьеръ поскачетъ за устерсами, но куда не вертись, а прогоны выдавай. На казенныя денежки дыръ много. Гонецъ, снабженный подорожною, прогонами, совсѣмъ готовъ, въ курткѣ и чикчерахъ явился предъ намѣстникомъ. Поспѣшай, мой другъ, вѣщаетъ ему унизанной ордерами, поспѣшай, возьми сей пакетъ, отдай его въ Большой Морской. Кому прикажете. Прочти адресъ его... его... не такъ читаешь — Государю моему Гос... вріошъ господину Корзинкину, почтенному лавошнику въ С.ПБургѣ въ Большой Морской. Знаю, Вашество. Ступай же, мой другъ и какъ скоро получишь, то возвращайся поспѣшно и нимало не медли, я тебѣ скажу спасибо не одно.

И ну, ну, ну, по всѣмъ по тремъ, вплоть до Питера, къ Корзинкину прямо на дворъ. Добро пожаловать. Куды какой намѣстникъ затѣйникъ, изъ за тысячи верстъ, шлетъ за какою дрянью. Только баринъ добрый. Радъ ему служить. Вотъ устерсы теперь лишь съ Биржи. Скажи не меньше 150 бочка, уступить нельзя самимъ пришли дороги. Да мы съ его милостію сочтемся. Бочку взвалили въ кибитку, поворотя огло-

бли, курьеръ уже опятъ скачетъ; успѣлъ лишь зайти въ кабакъ и выпить два крючка сивухи. Тинь, тинь... Едва у городскихъ воротъ услышали звонъ почтоваго колокольчика; караульный офицеръ бѣжитъ уже къ Намѣстнику, (толи дѣло какъ гдѣ все въ порядкѣ), и рапортуетъ ему, что въ дали видна кибитка и слышенъ звонъ колокольчика. Не успѣлъ выговорить, какъ шасть курьеръ въ двери. Привезъ Вашество. Очень къ статѣ (оборотясь къ предстоящимъ) Право человѣкъ достойный, исправенъ и не пьяница. Сколько уже лѣтъ, по два раза ѣздитъ въ Питербургъ, а въ Москву сколько уже разъ, упомнить не могу. Секретарь пиши представленіе. За многочисленные его въ посылкахъ труды, и за точнѣйшее оныхъ исправленіе удостоиваю его къ повышенію чиномъ.

Въ расходной книгѣ у Казначея записано: по предложенію Намѣстника дано Курьеру Н. Н. отправленному въ С.ПБургъ съ наинужнѣйшими донесеніями, прогонныхъ денегъ въ оба пути на 3 лошади изъ экстраординарной суммы... Книга казначейская пошла на ревизію, но устерсами не пахнетъ. По представленію Г. Намѣстника и проч., Приказали: Быть сержанту Н. Н. пра-

порщикомъ.—Вотъ жена, говорилъ мужской голосъ, какъ добиваются въ чины, а что мнѣ прибыли, что я служу безпорочно, не подамся впередъ ни на палецъ. По указамъ велѣно за добропорядочную службу награждать. Но Царь жалуетъ, а псарь не жалуетъ. Такъ то нашъ Г. Казначей, уже другой разъ меня отсылаютъ по его предложенію въ Уголовную Палату. Когда бы я былъ съ нимъ за одно, то было бы не житье, а масляница. И полно, Клементьичъ, пустяки то молоть. Знаешь ли за что онъ тебя не любитъ, за то что промѣнъ берешь со всѣхъ, а съ нимъ не дѣлишься. Потише, Кузьминишна, потише, не равно кто подслушаетъ. Оба голоса умолкли, и я опять заснулъ.

Поутру узналъ я, что въ одной избѣ со мною, ночевалъ присяжной съ женою, которые до свѣта отправились въ Новгородъ.

Между тѣмъ какъ въ моей повозкѣ запрягали лошадей, пріѣхала еще кибитка, тройкой запряженная. Изъ нее вышелъ человѣкъ закутанный въ большую епанчу, и шляпа съ распущенными полями глубоко надѣтая, препятствовала мнѣ видѣть лице его. Онъ требовалъ лошадей безъ подорожной; а какъ многіе повозчики окруживъ его

съ нимъ торговались, то онъ не дожидаясь конца ихъ торга, сказалъ одному изъ нихъ съ нетерпѣніемъ: запрягай поскорѣй, я дамъ по 4 копѣйки за версту. Ямщикъ побѣжалъ за лошадьми другіе видя, что договариваться уже было не о чемъ, всѣ отъ него отошли. Я находился отъ него не далѣе какъ въ пяти саженяхъ. Онъ подошедъ ко мнѣ и не снимая шляпы сказалъ: Милостивый Государь снабдите чемъ ни есть человѣка несчастнаго. Меня сіе удивило чрезвычайно, и я не могъ вытерпѣть, чтобъ ему не сказать, что я удивляюсь просьбѣ его о вспоможеніи, когда онъ не хотѣлъ торговаться о прогонахъ, и давалъ противу другихъ въ двое. Я вижу, сказалъ онъ мнѣ что въ жизнь вашу перечнаго вамъ ничего не встрѣчалося. Столь твердый отвѣтъ мнѣ очень понравился, и я не медля ни мало вынувъ изъ кошелька... не осудите, сказалъ болѣе теперь служить вамъ не могу, но если доѣдемъ до мѣста, то можетъ быть, сдѣлаю что нибудь больше. Намѣреніе мое при семъ было то, чтобы сдѣлать его чистосердечнымъ, я не ошибся. Я вижу, сказалъ онъ мнѣ, что вы имѣете еще чувствительность, что обращеніе свѣта и снисканіе собственной пользы не затворили входъ ея въ ваше

сердце. Позвольте мнѣ сѣсть въ вашей повозкѣ, а служителю вашему прикажите сѣсть на моей. Между тѣмъ лошади наши были выпряжены, я исполнилъ его желаніе — и мы ѣдемъ.

Ахъ Государь мой, не могу себѣ представить, что я несчастливъ. Не болѣе недѣли тому назадъ я былъ веселъ, въ удовольствіи, недостатка не чувствовалъ, былъ любимъ, или такъ казалося, ибо домъ мой всякой день былъ полонъ, людми заслужившими уже знаки почестей, столъ мой былъ всегда какъ великолѣпное нѣкое торжество. Но если тщеславіе толикое имѣло удовлетвореніе, равно и душа наслаждалася истиннымъ блаженствомъ. По многихъ сперва безплодныхъ стараніяхъ, предпріятіяхъ и неудачахъ наконецъ получилъ я въ жену, ту, которую желалъ. Взаимная наша горячность услаждая и чувства и душу все представляло намъ въ ясномъ видѣ. Не зрѣли мы облачнаго дня. Блаженства нашего достигали мы вершины. Супруга моя была беременна и приближался часъ ея разрѣшенія. Все сіе блаженство, опредѣлила судьба да рушится однимъ мгновеніемъ.

У меня былъ обѣдъ и множество такъ называемыхъ друзей собравшись, насыщали

праздный свой голодъ на мой щетъ. Одинъ изъ бывшихъ тутъ, который внутренно меня не любилъ, началъ говорить съ сидѣвшимъ подлѣ него, хотя въ полголоса, но довольно громко, чтобы говоренное женѣ моей и многимъ другимъ слышно было. Не ужели вы не знаете, что дѣло нашего хозяина въ Уголовной Палатѣ уже рѣшено.

Вамъ покажется мудрено, говорилъ сопутникъ мой, обращая ко мнѣ свое слово, чтобы человѣкъ не служащій и въ положеніи мною описанномъ, могъ подвергнуть себя суду уголовному. И я такъ думалъ долго, да и тогда, когда мое дѣло прошедъ нижніе суды, достигло до высшаго. Вотъ въ чемъ оно состояло: я былъ въ купечествѣ записанъ, пуская капиталъ мой въ обращеніе, сталъ участникомъ въ частномъ откупу. Неосновательность моя причиною была, что я довѣрилъ лживому человѣку, который лично попавшись въ преступленіи, былъ отъ откупа отрѣшенъ и по свидѣтельству будто его книгъ, сдѣлался по видимому большой на него начетъ. Онъ скрылся, я остался въ лицахъ и начетъ положено взыскать съ меня. Я сдѣлалъ выправки, сколько могъ, нашелъ, что начету на мнѣ или совсѣмъ бы не было или бы былъ очень малый, и для

того просилъ, чтобы сдѣлали расчетъ со мною; ибо я по немъ былъ порукою. Но вмѣсто того, чтобы сдѣлать должное по моему прошенію удовлетвореніе, велѣно недоимку взыскать съ меня. Первое неправосудіе. Но къ сему присовокупили и другое. Въ то время какъ я сдѣлался по откупу порукою, имѣнія за мною никакого не было, но по обыкновенію послано было запрещеніе на имѣніе мое въ Гражданскую Палату. Странная вещь запрещать продавать то, чего не существуетъ въ имѣніи! Послѣ того купилъ я домъ, и другія сдѣлалъ пріобрѣтенія. Въ то же самое время случай допустилъ меня перейти изъ купеческаго званія въ званіе дворянское, получа чинъ. Наблюдая свою пользу я нашелъ случай продать домъ на выгодныхъ кондиціяхъ, совершивъ купчую въ самой той же Палатѣ, гдѣ существовало запрещеніе. Сіе постановлено мнѣ въ преступленіе; ибо были люди, которыхъ преступленіе помрачалось блаженствомъ моего житія. Стряпчій Казенныхъ дѣлъ сдѣлалъ на меня доносъ, что я избѣгая платежа казенной недоимки, домъ продалъ, обманулъ Гражданскую Палату, назвавшись тѣмъ званіемъ, въ коемъ я былъ, а не тѣмъ, съ которымъ находился при по-

купкѣ дома. Тщетно я говорилъ, что запрещеніе не можетъ существовать на то, чего нѣтъ въ имѣніи, тщетно я говорилъ, что по крайней мѣрѣ надлежало бы сперва продать оставшееся имѣніе и выручить недоимку сію продажею, а потомъ предпринемать другія средства; что я званія своего не утаивалъ, ибо въ дворянскомъ уже купилъ домъ. Все сіе было отринуто, продажа дому уничтожена меня осудили за ложный мой поступокъ лишить чиновъ, и требуютъ теперь, говорилъ повѣствователь, хозяина здѣшняго въ Судъ, дабы посадить подъ стражу до окончанія дѣла.

Сіе послѣднее повѣствуя, расказывающій возвысилъ свой голосъ. Жена моя едва сіе услышала, обнявъ меня вскричала: нѣтъ мой другъ и я съ тобою. Болѣе выговорить не могла. Члены ея всѣ ослабѣли, и она упала безчувственна въ мои объятія. Я поднявъ ее со стула вынесъ въ спальную комнату и не вѣдаю, какъ обѣдъ окончался.

Пришедъ чрезъ нѣсколько времени въ себя она почувствовала муки, близкое рожденіе плода горячности нашей возвѣщающія. Но сколько ни жестоки онѣ были, воображеніе, что я буду подъ стражею столь ея тревожило, что она только и твердила: и я

пойду съ тобою. Сіе несчастное приключеніе ускорило рожденіе младенца цѣлымъ мѣсяцомъ, и всѣ способы бабки и доктора, для пособія призванныхъ, были тщетны и не могли воспретить, чтобы жена моя не родила чрезъ сутки. Движеніе ея души не токмо съ рожденіемъ младенца не успокоилось, но усилившись гораздо, сдѣлали ей горячку, Почто распространяться мнѣ въ повѣствованіи? Жена моя на третій день послѣ родовъ своихъ умерла. Видя ее страданіе, можете повѣрить, что я ее не оставлялъ ни на минуту. Дѣло мое и осужденіе, въ горести позабылъ совершенно. За день до кончины моей любезной, недозрѣлый плодъ нашей горячности, также умеръ. Болѣзнь матери его, занимала меня совсѣмъ, и потеря сія была для меня тогда не велика.— Вообрази, вообрази, говорилъ тогда повѣствователь мой, взявъ обѣими руками себя за волосы, вообрази мое положеніе, когда я видѣлъ, что возлюбленная моя со мною разставалась навсегда.—Навсегда! вскричалъ онъ дикимъ голосомъ. Но зачѣмъ я бѣгу? Пускай меня посадятъ въ тюрьму, я уже не чувствителенъ, пускай меня мучатъ, пускай меня лишаютъ жизни.—О варвары, тигры, змѣи лютые, грызите сіе сердце, пу-

скайте въ него томной вашъ ядъ.—Извините мое изступленіе, я думаю что я лишусь скоро ума. Сколь скоро воображу ту минуту, когда любезная моя со мною разставалася, то я все позабываю и свѣтъ въ глазахъ меркнетъ. Но окончу мою повѣсть. Въ толико жестокомъ отчаяніи, лежащу мнѣ надъ бездыханнымъ тѣломъ моей возлюбленной, одинъ изъ искреннихъ моихъ друзей прибѣжавъ ко мнѣ.—Тебя пришли взять подъ стражу, команда на дворѣ. Бѣги отсюда кибитка у заднихъ воротъ готова, ступай въ Москву или куда хочешь и живи тамъ, доколѣ можно будетъ облегчить судьбу твою. Я не внималъ его рѣчамъ, но онъ усилясь надо мною и взявъ меня съ помощію своихъ людей, вынесъ и положилъ въ кибитку, но вспомня, что надобны мнѣ деньги, далъ мнѣ кошелекъ въ которомъ было только 50 руб. Самъ пошелъ въ свой кабинетъ, чтобы найти тамъ денегъ и мнѣ вынести, но нашедъ уже офицера въ моей спальнѣ, успѣлъ только прислать ко мнѣ сказать, чтобы я ѣхалъ. Не помню, какъ меня везли первую станцію. Слуга пріятеля моего разсказавъ все произшедшее простился со мною, а я теперь ѣду по пословицѣ,—куда глаза глядятъ.

Подберезье.

На силу очнуться я могъ отъ богатырскаго сна, въ которомъ я столько сгрѣзилъ. — Голова моя была свинцовой тежелѣе, хуже, нежели бываетъ съ похмѣлья у пьяницъ, которые по недѣлѣ пьютъ запоемъ. Не въ состояніи я былъ продолжать пути и трестися на деревянныхъ дрогахъ, (пружинъ у кибитки моей не было). Я вынулъ домашній лечебникъ, искалъ нѣтъ ли въ немъ рецепта отъ головной дурноты, происходящей отъ бреду во снѣ и на яву. Лѣкарство со мной хотя всегда ѣздило въ запасѣ; но по пословицѣ на всякаго мудреца довольно простоты, противъ бреду я себя не предостерегъ и отъ того голова моя, пріѣхавъ на почтовый станъ, была хуже болвана.

Вспомнилъ я, что нѣкогда блаженной памяти нянюшка моя Клементьевна, по имени Прасковья, нарѣченная Пятница, охотница была до кофею и говаривала, что помогаетъ онъ отъ головной боли. Какъ чашекъ пять выпью, говаривала она, такъ и свѣтъ вижу, и безъ того умерла бы въ три дни.

Я взялся за нянюшкино лѣкарство, но не привыкнувъ пить вдругъ по пяти чашекъ, поподчивалъ излишне для меня свареннымъ,

молодаго человѣка, который сидѣлъ на одной со мною лавкѣ, но въ другомъ углу отъ окна. Благодарю усердно, сказалъ онъ, взявъ чашку съ кофеемъ. Привѣтливый видъ, взглядъ не робкій, вежливая осанка, казалось не кстати были къ длинному полукафтанью, и къ примазаннымъ квасомъ волосамъ. Извини меня читатель въ моемъ заключеніи, я родился и выросъ въ Столицѣ, и если кто кудривъ и ненапудренъ, того я ни вочто не чту. Если и ты деревенщина и волосъ не пудришь, то не осуди буде я на тебя не взгляну и пройду мимо.

Слово за слово я съ новымъ моимъ знакомцемъ поладилъ. Узналъ, что онъ былъ изъ Новогородской семинаріи, и шелъ пешкомъ въ Петербургъ повидаться съ дядею, который былъ Секретаремъ въ Губернскомъ штатѣ. Но главное его намѣреніе было, чтобъ сыскать случай для пріобрѣтенія науки. Сколь великой недостатокъ еще у насъ въ пособіяхъ просвѣщенія, говорилъ онъ мнѣ. Одно свѣдѣніе Латинскаго языка не можетъ удовлетворить разума алчущаго науки. Виргилія, Горація, Тита, Ливія, даже Тацита почти знаю наизусть, но когда сравню зданіи семинаристовъ съ тѣмъ, что я имѣлъ случай по щастію моему узнать, то

почитаю училище наше принадлежащимъ къ прошедшимъ столѣтіямъ. Классическіе авторы намъ всѣ извѣстны, но мы лучше знаемъ критическія объясненія текстовъ, нежели то, что ихъ до днесь дѣлаетъ пріятными, что вѣчность для нихъ уготовало. Насъ учать философіи, проходимъ мы логику, метафизику, ѳеику, богословію, но по словамъ Кутейкина въ Недорослѣ, дойдемъ до конца философскаго ученія и возвратимся въ спять. Чему дивится, Аристотель и Схоластика до нынѣ царствуютъ въ Семинаріяхъ. Я по счастію моему знакомъ сталъ, въ домѣ однаго изъ губернскихъ членовъ въ Новгородѣ, имѣлъ случай пріобрѣсти въ ономъ малое знаніе во Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ и пользоваться книгами хозяина того дома. Какая разница въ просвѣщеніи временъ, когда одинъ Латинскій языкъ былъ въ училищахъ употребителенъ, съ нынѣшнимъ временемъ! Какое пособіе къ ученію, когда науки не суть таинства, для свѣдущихъ. Латинскій языкъ токмо отверстыя, но преподаются на языкѣ народномъ! Но для чего, прервавъ онъ свою рѣчь, продолжалъ, для чего незаведутъ у насъ высшихъ училищъ въ которыхъ бы преподавалися науки на языкѣ обществен-

номъ, на языкѣ Россійскомъ? Ученіе всѣмъ бы было внятнѣе, просвѣщеніе доходило бы до всѣхъ поспѣшнѣе, и однимъ поколѣніемъ позже, за однаго латинщика, нашлось бы 200 человѣкъ просвѣщенныхъ, по крайнѣй мѣрѣ въ каждомъ судѣ былъ бы хотя одинъ членъ понимающій, что есть юриспруденція или законоученіе. Боже мой! продолжалъ онъ съ восклицаніемъ, если бы привести примѣры изъ размышленій и разглагольствовать судей нашихъ о дѣлахъ! Чтобы сказали Гроцій, Монтескью, Блекетонъ. — Ты читалъ Блекетона. Читалъ первыя двѣ части на Россійскій языкъ переведенныя. Не худо бы было заставлять судей нашихъ имѣть сію книгу вмѣсто святцевъ, заставлять ихъ чаще въ нее заглядывать, нежели въ календарь. Какъ не потужить, повторилъ онъ, что у насъ нѣтъ училищъ, гдѣ бы науки преподавались на языкѣ народномъ.

Вошедшій почтальонъ помѣшалъ продолжать нашей бѣсѣды. Я успѣлъ Симинаристу сказать, что скоро желаніе его исполнится, что уже есть повелѣніе о учрежденіи новыхъ университетовъ, гдѣ науки будутъ преподаваться по его желанію. — Пора государь мой пора. —

Между тѣмъ какъ я платилъ почталіону

прогонныя деньги, Симинаристъ вышелъ вонъ. Выходя выронилъ небольшой пукъ бумаги. Я поднялъ упадшее, и не отдалъ ему. Не обличи меня любезный читатель, въ моемъ воровствѣ, съ такимъ условіемъ, я и тебѣ сообщу, что я подтибрилъ. Когда же прочтешь, то знаю, что кражи моей на ружу не выведешь, ибо не тотъ одинъ воръ кто кралъ, но и тотъ кто принималъ. Признаюсь, я на руку не чистъ; гдѣ что немного похожее на разсудительное увижу, то тотъ часъ стяну, смотри ты не клади мыслей плохо. Читай, что мой Симинаристъ говоритъ.

Кто міръ нравственный уподобилъ колесу, тотъ сказавъ великую истинну, не иное что можетъ быть сдѣлалъ, какъ взглянулъ на круглый образъ земли и другихъ великихъ, въ пространствѣ носящихся, тѣлъ, изрѣкъ только то, что зрѣлъ. Поступая въ познаніи естества, откроютъ можетъ быть смертные, тайную связь веществъ духовныхъ или нравственныхъ, съ веществами тѣлесными или естественными; что причина всѣхъ перемѣнъ, превращеній, превратностей міра нравственнаго или духовнаго, зависитъ можетъ быть отъ кругообразнаго вида, нашего обиталища, и другихъ къ сол-

нечной системѣ принадлежащихъ тѣлъ, равно какъ и оно кругообразныхъ, и коловращающихся.... На Мартиниста похоже, на ученика Шведенберга.... Нѣтъ мой другъ! я пью и ѣмъ не для того только, чтобъ быть живу, но для того что въ томъ нахожу не малое услажденіе чувствъ. И покаюся тебѣ какъ отцу духовному, я лучше ночь просижу съ пригоженькою дѣвочкою, и усну упоенный сладострастіемъ въ объятіяхъ ея, нежели зарывшись въ Еврейскія или Арабскія буквы, въ цифиры, или Египецкія Іероглифы, потщуся отдѣлить духъ мой отъ тѣла и рыскать въ простронныхъ поляхъ бредоумствованій, подобенъ древнимъ и новымъ духовнымъ Витязямъ. Когда умру, будетъ время довольно на неосязательность, и душенька моя набродится до сыта.

Оглянись назадъ, кажется еще время то заплечами близко, въ которое царствовало суевѣріе, и весь его причетъ, невѣжество, рабство, инквизиція, и многое кое что. Давно ли то было, какъ Волтеръ кричалъ противъ суевѣрія до безголосицы; давно ли Фридрихъ неутомимый его былъ врагъ не токмо словомъ своимъ и дѣяніями, но что для него страннѣе, державнымъ своимъ примѣромъ. Но въ мірѣ семъ все приходитъ на

прежнюю степень, ибо все въ разрушеніи свое имѣетъ начало. Животное прозябаемое, родится, ростетъ, дабы произвести себѣ подобныхъ, потомъ умереть и уступить имъ свое мѣсто. Бродящіе народы собираются во грады; основываютъ царства, мужаютъ, славятся, слабѣютъ, изнемогаютъ, разрушаются. Мѣста пребыванія ихъ не видно, даже имена ихъ погибнутъ. Христіанское общество въ началѣ было смиренно, кротко, скрывалося въ пустыняхъ и вертепахъ, потомъ усилилось, вознесло главу, устранилось своего пути, вдалося суевѣрію, въ иступленіи шло стезею народамъ обыкновенною; воздвигло начальника разширило его власть, и Папа сталъ всесильный изъ Царей. Лютеръ началъ преобразованіе, воздвигъ расколъ, изъялся изъ подъ власти его, и много имѣлъ послѣдователей. Зданіе предубѣжденія о власти Папской рушиться стало, стало изчезать и суевѣріе; истина нашла любителей, попрала огромный оплотъ предразсужденій, не долго пребыла въ сей стязѣ. Вольность мыслей вдалася необузданности.

Новгородъ.

Подъѣзжалъ я къ Новгороду, смотря на множество монастырей, вокругъ онаго лежащихъ.

Сказываютъ, что всѣ сіи монастыри, даже и на 15 верстъ разстояніемъ отъ города находящіеся, заключалися въ ономъ, что изъ стѣнъ его могло выходить до 100,000 войска. Извѣстно по лѣтописямъ, что Новгородъ имѣлъ народное правленіе. Хотя у ихъ были Князья, но мало имѣли власти. Вся сила правленія заключалася въ посадникахъ и тысяцкихъ. Народъ въ собраніи своемъ на вѣчѣ, былъ истинный государь. Область Новгородская простиралася на Сѣверѣ даже за Волгу. Сіе вольное государство состояло въ Гайзейскомъ союзѣ. Старинная рѣчь, кто можетъ стать противъ Бога и Великаго Новгорода, служить можетъ доказательствомъ его могущества. Торговля причиною была его возвышенія. Внутреннія несогласія, хищный сосѣдъ совершили его паденіе.

На мосту вышелъ я изъ кибитки моей дабы насладится зрѣлищемъ теченія Волхова. — Неможно было, чтобы не пришелъ мнѣ на память поступокъ Царя Ивана Ва-

сильевича по взятіи Новгорода. Уязвленный сопротивленіемъ сея республеки, сей гордый звѣрскій, но умный властитель, хотѣлъ ее раззорить до основанія. Мнѣ зрится онъ съ долбнею на мосту стоящь, такъ иные повѣтствуютъ, припасай на жертву ярости своей старѣйшихъ и Начальниковъ Новгородскихъ.

Изъ лѣтописи Новгородской.

Новгородцы съ Великимъ Княземъ Ярославомъ Ярославичемъ вели войну и заключили письменное примиреніе.

Новгородцы сочинили письмо для защищенія своихъ вольностей и утвердили оное 57-ю печатями.

Новгородцы запретили у себя обращеніе чеканной монеты, введенной Татарами въ обращеніе.

Новгородъ въ 1420 году началъ бить свою монету.

Новгородъ стоялъ въ Ганзейскомъ союзѣ.

Въ Новгородѣ былъ колоколъ, по звону котораго народъ собирался на вѣчѣ, для разсужденія о вещахъ общественныхъ.

Царь Иванъ письмо и колоколъ у Новгородцевъ отнялъ. Потомъ въ 1500 г. въ 1600

Новгородъ.

Подъѣзжалъ я къ Новгороду, смотря на множество монастырей, вокругъ онаго лежащихъ.

Сказываютъ, что всѣ сіи монастыри, даже и на 15 верстъ разстояніемъ отъ города находящіеся, заключалися въ ономъ, что изъ стѣнъ его могло выходить до 100,000 войска. Извѣстно по лѣтописямъ, что Новгородъ имѣлъ народное правленіе. Хотя у ихъ были Князья, но мало имѣли власти. Вся сила правленія заключалася въ посадникахъ и тысяцкихъ. Народъ въ собраніи своемъ на вѣчѣ, былъ истинный государь. Область Новгородская простиралася на Сѣверѣ даже за Волгу. Сіе вольное государство состояло въ Гайзейскомъ союзѣ. Старинная рѣчь, кто можетъ стать противъ Бога и Великаго Новгорода, служить можетъ доказательствомъ его могущества. Торговля причиною была его возвышенія. Внутреннія несогласія, хищный сосѣдъ совершили его паденіе.

На мосту вышелъ я изъ кибитки моей дабы насладится зрѣлищемъ теченія Волхова. — Неможно было, чтобы не пришелъ мнѣ на память поступокъ Царя Ивана Ва-

мнѣ весь подарили. Карпъ Дементьевичь человѣкъ признательный. Невѣстка водки нечаянному гостю. — Я водки не пью. Да хотя прикушай. Здоровье молодыхъ... и сѣли ужинать. По одну сторону меня сѣлъ сынъ хозяйской, а по другую посадилъ Карпъ Дементьичь свою молодую невѣстку....

Прервемъ рѣчь читатель. Дай мнѣ карандашъ и листочикъ бумажки. Я тебѣ воудовольствіе нарисую всю честную компанію, и тѣмъ тебя причастнымъ сдѣлаю, свадебной пирушкѣ, хотя бы ты на Алеутскихъ островахъ бобровъ ловилъ. Если точныя не спѣшу портреты, то доволенъ буду ихъ силуэтами. Лаватеръ и по нихъ учитъ узнавать кто уменъ и кто глупъ.

Карпъ Дементьичь сѣдая борада въ 8-мь вершковъ отъ нижней губы. Носъ кляпомъ, глаза ввалились, брови какъ смоль, кланяется объ руку, бороду гладитъ, всѣхъ величаетъ: благодѣтель мой. Аксинья Парѳентьевна, любезная его супруга. Въ 60 лѣтъ, бѣла какъ снѣгъ и красна какъ маковъ цвѣтъ, губки всегда сжимаетъ кольцомъ; ренскаго не пьетъ, передъ обѣдомъ полчарочки при гостяхъ, да въ чуланѣ стаканчикъ водки. Прикащикъ мужнинъ хозяину на счетъ показываетъ.... По приказанію Аксиньи Пар-

ѳентьевны куплено 3 пуда бѣлилъ Ржевскихъ и 30 фунтовъ румянъ листовыхъ. Прикащики мужнины — Аксиньины камердинеры. Алексѣй Карповичь, сосѣдъ мой застольный. Ни усовъ ни бороды, а носъ уже багровый, бровями моргаетъ, въ кружекъ обстриженъ, кланяется гусемъ, отряхая голову и поправляя волосы. Въ Петербургѣ былъ сидѣльцемъ. На аршинъ когда мѣряетъ, то спускаетъ на вершокъ, за то отецъ его любитъ, какъ самъ себя, на 15 году матери далъ плеуху. Прасковья Денисовна его новобрачная супруга, бѣла и румяна. Зубы, какъ уголь. Брови въ нитку чернѣе сажи. Въ компаніи сидитъ потупя глаза, но во весь день отъ окошка не отходитъ, и пялитъ глаза на всякаго мужчину. Подъ вечерокъ стоитъ у калитки. Глазъ одинъ подбитъ. Подарокъ ее любезнаго муженька, для перваго дни, а у кого догадка есть, тотъ знаетъ за что.

Но любезный читатель ты уже зѣваешь. Полно видно мнѣ снимать силуэты. Твоя правда, другова не будетъ, какъ носъ да носъ, губы да губы. Я и того не понимаю, какъ ты на силуэтѣ бѣлила и румяна распознаешь.

Карпъ Дементьичь, чѣмъ ты нынѣ тор-

гуешь? въ Петербургъ не ѣздишь, льну не привозишь, ни сахару, ни кофе, ни красокъ не покупаешь. Мнѣ кажется, что торгъ твой тебѣ былъ не въ убытокъ. Отъ него то было я и раззорился. Но на силу Богъ спасъ. Получивъ однимъ годомъ изрядный барышекъ, я женѣ построилъ здѣсь домъ. На слѣдующій годъ былъ льну неуражай, и я не могъ поставить, что за контроктовалъ вотъ отъ чего я торговать пересталъ. Помню Карпъ Дементьичь, что за 30,000 забранныхъ впередъ, ты тысячу пудъ льну прислалъ должникамъ на раздѣлъ. Ей больше не можно было повѣрь моей совѣсти. Конечно и на заморскіе товары былъ въ томъ году неуражай. Ты забралъ тысячь на двадцать.... Да помню, на нихъ пришла головная боль.—Подлинно благодѣтель, у меня голова такъ болѣла, что чуть не треснула. Да чѣмъ могутъ заимодавцы мои на меня жаловаться? Я имъ отдалъ все свое имѣніе. По 3 копѣйки на рубль. Ни какъ нѣтъ ста по 15. А женинъ домъ? Какъ мнѣ до него коснуться онъ не мой. Скажи же чѣмъ ты торгуешь?—Ничѣмъ ей ей, ничѣмъ. Съ тѣхъ поръ какъ я пришелъ въ несостояніе, парень мой торгуетъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ Слава Богу поставилъ цѣну на 20000. На

будущее конечно законтрактуетъ на 50/т., возметъ половину денегъ впередъ, и молодой женѣ построитъ домъ. Алексѣй Карповичь только что улыбается. Старинный шутникъ благодѣтель мой. Полно молоть пустяки, возьмемся за дѣло. Я не пью ты знаешь. Да хоть прикушай.

Прикушай, прикушай,— я почувствовалъ, что у меня щеки начали рдѣть, и подъ конецъ пира, я бы, какъ и другіе, напился пьянъ. Но по счастію, вѣкъ за столомъ сидѣть нельзя, такъ какъ всегда быть умнымъ не возможно. И потой самой причинѣ, по которой я иногда дурачусь и брежу, на свадебномъ пиру я былъ трезвъ.

Вышедъ отъ пріятеля моего Карпа Дементьича, я впалъ въ размышленіе. Введенное по всюду вексельное право, то есть строгое и скорое по торговымъ обязательствамъ взысканіе почиталъ я до селѣ, охраняющимъ довѣріе законоположеніемъ, почиталъ счастливымъ новыхъ временъ изобрѣтеніемъ, для усугубленія быстраго въ торговлѣ обращенія, чего древнимъ народамъ на умъ не приходило. Но отъ чего же буде нѣтъ честности, въ дающемъ вексельное обязательство отъ чего она тщетная только бумашка? Если бы строгаго взысканія, по

векселямъ не существовало, уже-ли бы торговля изчезла? Не заимодавецъ ли долженъ знать кому онъ довѣряетъ? О комъ законоположеніе болѣе пещися долженствуетъ, о заимодавцѣ ли или о должникѣ? Кто болѣе въ глазахъ человѣчества заслуживаетъ уваженія, заимодавецъ ли теряющій свой капиталъ, для того что не зналъ кому довѣрилъ, или должникъ въ оковахъ и въ темницѣ. Съ одной стороны легковѣрность съ другой почти воровство. Тотъ повѣрилъ, надѣялся на строгое законоположеніе, а сей.... А если бы взысканіе по векселямъ не было столь строгое? Не было бы мѣста легковѣрію, не было бы можетъ быть плутовства въ вексельныхъ дѣлахъ.... Я началъ опять думать, прежняя система пошла къ чорту, и я легъ спать съ пустою головою.

Бронницы.

Между тѣмъ какъ въ кибиткѣ моей лошадей перемѣнили, я захотѣлъ посѣтить, высокую гору, близъ Бронницъ находящуюся, на которой, сказываютъ, въ древнія времена, до пришествія, думаю Славянъ, стоялъ храмъ, славившійся тогда издавае-

мыми въ ономъ прорицаніями, для слышанія коихъ, многіе Севѣрные владѣльцы прихаживали. На томъ мѣстѣ, повѣтствуютъ, гдѣ нынѣ стоитъ село Бронницы, стоялъ извѣстный въ Севѣрной древней исторіи, городъ Холмоградъ. Нынѣ же на мѣстѣ славнаго древняго капища построена малая Церковь.

Воздевъ потомъ очи мои, обративъ взоры на близь стоящія селенія, ее хижины уничиженія, вѣщая я, на мѣстѣ гдѣ некогда градъ великій гордыя возносилъ свои стѣны. Ни малѣйшаго даже признака оныхъ не осталося. Разсудокъ претитъ имѣти вѣру и самой повѣсти, столь жаждущъ онъ убѣдительныхъ и чувственныхъ доводовъ. И все, что зримъ, преидетъ, все рушится, все будетъ прахъ. Но нѣкій тайный глазъ вѣщаетъ мнѣ, пребудетъ нѣчто во вѣки живо.

Съ теченіемъ временъ, всѣ звѣзды помрачатся, померкнетъ солнца блескъ, природа обвѣтшавъ

Лѣтъ дряхлостью падетъ,
Но ты, во юности, безсмертной процвѣтешь,
Незыблемый, среди сраженія стихіевъ,
Развалинъ вещества, міровъ всѣхъ разрушенья [1]).

[1]) Смерть Катонова, трагедія Еддесонова. Дѣйст. V, яв. I. Авт.

Зайцово.

Въ зайцовѣ на почтовомъ дворѣ нашелъ я давнишняго моего пріятеля Г. Крестьянкина. Я съ нимъ знакомъ былъ съ ребячества. Рѣдко мы бывали въ одномъ городѣ, но бѣсѣды наши хотя не часты, были однако же откровенны. Г. Крестьянкинъ долго находился въ военной службѣ, и наскучивъ, перешелъ въ статскую. По нещастію его, и въ статской службѣ неизбѣгнулъ того, отъ чего отставляя военную, удалиться хотѣлъ. Душу онъ имѣлъ очень чувствительную и сердце человѣколюбивое. Дознанныя его, столь превосходныя качества, доставили ему мѣсто Предсѣдателя Уголовной Палаты. Сперва не хотѣлъ онъ на себя сего званія, но помысливъ нѣсколько, сказалъ онъ мнѣ: мой другъ, какое обширное поле, отверзается мнѣ на удовлетвореніе любезнѣйшей склонности моея души! какое упражненіе для мягкосердія! О мой другъ? исполненіемъ моея должности, слезы родителей о чадахъ, воздыханія супруговъ, но слезы сіи, будутъ слезы обновленія во благо. Но изсянутъ слезы, страждущей невинности и простодушія. Колико мысль сія меня восхищаетъ. Пойдемъ, ускоримъ отъѣздъ мой.

Можетъ быть скорое пребытіе мое тамъ нужно. Замедля, могу быть убійцею, не предупреждая заключенія или обвиненія прощеніемъ, или разрѣшеніемъ отъ узъ.

Съ таковыми мыслями поѣхалъ пріятель мой къ своему мѣсту. Сколь же много удивился я узнавъ отъ него, что онъ оставилъ службу, и намѣренъ жить всегда въ отставкѣ. Я думалъ мой другъ, говорилъ мнѣ Г. Крестьянкинъ, что услаждающую разсудокъ и обильную найду жатву въ исполненіи моея должности. Но вмѣсто того нашелъ я одну желчь и терпѣніе. Теперь наскучивъ онаго, не въ силахъ будучи дѣлать добро, оставилъ мѣсто истинному хищному звѣрю. Въ короткое время — онъ заслужилъ похвалу, скорымъ рѣшеніемъ залѣжавшихся дѣлъ; а я прослылъ копоткимъ. Иные почитали меня иногда мздоимцемъ, за то что не спѣшилъ отягчить жребія нещастныхъ, опадающихъ въ преступленіе не рѣдко по не волѣ. До вступленія моего въ статскую службу, пріобрѣлъ я лѣстное для меня названіе, человѣколюбиваго Начальника. Теперь самое тоже качество, коимъ сердце мое толико гордилося, теперь почитаютъ послабленіемъ или не позволительною понаровкою. Видѣлъ я рѣшенія мои осмѣянными и въ

томъ самомъ, что ихъ изящными дѣлало, видѣлъ ихъ оставляемыми безъ дѣйствія. Съ презрѣніемъ взиралъ, что для освобожденія дѣйствительнаго злодѣя, и вреднако обществу члена, или дабы наказать мнимыя преступленія лишеніемъ имѣнія, чести, жизни, Начальникъ мой будучи не въ силахъ меня преклонить на беззаконное очищеніе злодѣйства, или на обвиненіе невинности, преклонялъ къ тому моихъ со членовъ, и не рѣдко я видѣлъ, благія мои расположенія изчезавшими, яко дымъ въ пространствѣ воздуха. Они же, во мздусвоего гнустнаго послушанія, получили почести, кои въ глазахъ моихъ столь же были тусклы, сколь ихъ прельщали своимъ блескомъ. Нерѣдко въ затруднительныхъ случаяхъ, когда увѣреніе въ невинности названнаго преступникомъ, меня побуждало на мягкосердіе, я прибѣгалъ къ закону, дабы искати въ немъ подпору моей нерѣшимости, но часто въ немъ находилъ вмѣсто человѣколюбія, жестокость, которая начало свое имѣла не въ самомъ законѣ, но въ его обвѣтшалости. Не соразмѣрность наказанія преступленію, часто извлекала у меня слезы. Я видѣлъ (да и можетъ ли быть иначе), что законъ судитъ о дѣяніяхъ, не ка-

саяся причинъ оныя производившихъ. И послѣдній случай къ таковымъ дѣяніямъ относящійся побудилъ меня оставить службу. Ибо не возмогши спасти винныхъ, мощною судьбы рукою въ преступленіе вовлеченныхъ, я не хотѣлъ быть участникомъ въ ихъ казни. Не возмогши облегчить ихъ жребія, омылъ руки мои въ моей невинности, и удалился жестокосердія.

Въ губерніи нашей жилъ одинъ дворянинъ, который за нѣсколько уже лѣтъ оставилъ службу. Вотъ его послужной списокъ. Началъ службу свою при дворѣ истопникомъ, произведенъ лакеемъ, камеръ лакеемъ, потомъ мундшенкомъ, какія достоинства надобны для прохожденія сихъ степеней придворныя службы, мнѣ неизвѣстно. Но знаю то, что онъ вино любилъ до послѣдняго издыханія. Пробывъ въ мундшенкахъ лѣтъ 15, отосланъ былъ въ Герольдію, для опредѣленія по его чину. Но онъ чувствуя свою неспособность къ дѣламъ выпросился въ отставку и награжденъ чиномъ Коллежскаго Ассесора, съ которымъ онъ пріѣхавъ въ то мѣсто гдѣ родился, т. е. въ нашу губернію лѣтъ 6 тому назадъ. Отличная привязанность къ своей отчизнѣ, не рѣдко основаніе имѣетъ въ тщеславіи. Че-

ловѣкъ низкаго состоянія, добившійся въ знатность и бѣднякъ пріобрѣвшій богатство, сотрясшій всю стыдливости застѣнчивость, послѣдній и слабѣйшій корень добродѣтели, предпочитаетъ мѣсто своего рожденія на распростертіе своея пышности и гордыни. Тамъ скоро Ассесоръ нашелъ случай купить деревню, въ которой поселился съ немалою своею семьею. Если бы у насъ родился Гогардъ то бы обильное нашелъ поле на карикатуры въ семействѣ Г. Ассесора. Но худой живописецъ, или если бы я могъ читать въ чертахъ лица внутренности человѣка съ Лаватеровою проницательностію то бы и тогда картина Ассесоровой семьи была примѣчанія достойна. Не имѣя сихъ свойствъ заставлю вѣщать ихъ дѣянія, кои всегда истинныя суть черты душевнаго образованія.

Г. Ассесоръ произошедъ изъ самаго низкаго состоянія, зрѣлъ себя повѣлителемъ нѣсколькихъ сотенъ себѣ подобныхъ. Сіе вскружило ему голову. Не одинъ онъ жаловаться можетъ, что употребленіе власти вскружаетъ голову. Онъ себя почелъ высшаго чина, крестьянъ почиталъ скотами, данными ему (едва не думалъ ли онъ, что власть его надъ ними, отъ Бога происте-

каетъ), да употребляетъ ихъ въ работу по произволенію. Онъ былъ корыстолюбивъ, копилъ деньги, жестокъ отъ природы, вспыльчивъ, а потому надъ слабѣйшими его, надмѣненъ. Изъ сего судить можешь, какъ онъ обходился съ крестьянами. Они у прежняго помѣщика были на оброкѣ, онъ ихъ посадилъ на пашню; отнялъ у нихъ всю землю, скотину всю у нихъ купилъ, по цѣнѣ, какую самъ опредѣлилъ, заставилъ работать всю недѣлю на себя, а дабы они не умирали съ голоду, то кормилъ ихъ на господскомъ дворѣ и по одному разу въ день, а инымъ давалъ изъ милости мѣсячину. Если который казался ему лѣнивъ, то сѣкъ розгами, плѣтьми, батожьемъ или кошками, смотря по мѣрѣ лѣности, за дѣйствительныя преступленія, какъ то кражу не у него но у постороннихъ, не говорилъ ни слова. Казалося будто въ деревнѣ своей хотѣлъ возобновить нравы древняго Лакедемона или Запорожской сѣчи. Случилось, что мужики его для пропитанія на дорогѣ ограбили проѣзжаго, другаго потомъ убили. Онъ ихъ суду за то не отдалъ, но скрылъ ихъ у себя, объявя правительству, что они убѣжали, говоря, что ему прибыли не будетъ, если крестьянина его высѣкутъ кнутомъ и

сошлютъ въ работу за злодѣяніе. Если кто изъ крестьянъ что нибудь укралъ у него, то онъ сѣкъ какъ за лѣность, или за дерзкій или остроумный отвѣтъ, но сверхъ того надѣвалъ на ноги колодки, кандалы, а на шею рогатку. Много бы могъ я тебѣ разсказать его мудрыхъ распоряженій, но сего довольно, для познанія моего ироя. Сожительница его полную власть имѣла надъ бабами. Помощниками въ исполненіи ея веленій, были ея сыновья и дочери, какъ-то и у ея мужа. Ибо сдѣлали они себѣ правиломъ, чтобы ни для какой нужды крестьянъ отъ работы не отвлекать. Во дворѣ людей было — одинъ мальчикъ, купленный имъ въ Москвѣ, парикмахеръ дочерьнинъ, да повариха старуха. Кучера у нихъ не было, ни лошадей, разъѣзжалъ всегда на пахотныхъ лошадяхъ.

Плѣтьми или комками сѣкли крестьянъ сами сыновья. По щекамъ били или за волосы таскали, бабъ и дѣвокъ, дочери. Сыновья въ свободное время, ходили по деревнѣ или въ полѣ, играть и безчинничать съ дѣвками и бабами, и ни какая не избѣгала ихъ насилія. Дочери не имѣя жениховъ, вымѣщали свою скуку надъ прядильницами, изъ которыхъ они многихъ изувѣ-

чали. Суди самъ мой другъ, какой конецъ могъ быть таковымъ поступкамъ. Я примѣтилъ изъ многочисленныхъ примѣровъ, что Русскій народъ очень терпеливъ, и терпитъ до самой крайности; но когда конецъ положитъ своему терпѣнію, то ничто не можетъ его удержать, чтобы не приклонился на жестокость. Сіе самое и случилось съ Ассесоромъ. Случай къ тому подалъ, неистовой и безпутной, или лучше сказать звѣрской поступокъ однаго изъ его сыновей.

Въ деревнѣ его была крестьянская дѣвка, недурна собою, сговоренная за молодаго крестьянина той же деревни. Она понравилась среднему сыну Ассесора, который употребилъ все возможное, чтобы ее привлечь къ себѣ въ любовь, но крестьянка вѣрна пребывала въ данномъ жениху ея обѣщаніи, что хотя рѣдко въ крестьянствѣ случается, но возможно. Въ воскресенье должно было быть сватьбѣ. Отецъ жениха по введенному у многихъ помѣщиковъ обычаю, пошелъ съ сыномъ на господскій дворъ, и понесъ повѣнечные два пуда меду, къ своему господину. Сію то послѣднію минуту дворянчикъ и хотѣлъ употребить на удовлетвореніе своея страсти. Взялъ съ собою обоихъ своихъ братьевъ, и вызвавъ невѣсту, чрезъ посто-

ронняго мальчика на дворъ, потащилъ ее въ клѣть, зажавъ ей ротъ. Не будучи въ силахъ кричать, она сопротивлялася всѣми силами звѣрскому намѣренію своего молодаго господина. Наконецъ превозможенная всѣми тремя, принуждена была уступить силѣ, и уже сіе скаредное животное начиналъ исполненіемъ умышленнаго, какъ женихъ, возвратившись изъ господскаго дома, вошелъ на дворъ и увидя однаго изъ господчиковъ у клѣти, усумнился о ихъ зломъ намѣреніи. Кликнувъ отца своего къ себѣ на помощь онъ быстрѣе молніи полѣтелъ ко клѣти. Какое зрѣлище представилося ему. При его приближеніи притворилась клѣть, но совокупныя силы двухъ братьевъ, немощны были удержать стремленія разъяреннаго жениха. Онъ схватилъ близь лежащій колъ, и вскоча въ клѣть, ударилъ вдоль спины хищника своея невѣсты. Они было хотѣли его схватить, но видя отца женихова бѣгущаго съ коломъ же на помощь, оставили свою добычу, выскочили изъ клѣти и побѣжали. Но женихъ догнавъ однаго изъ нихъ, ударилъ его коломъ по головѣ и ее проломилъ. Сіи злодѣи, желая отмстить свою обиду, пошли прямо къ отцу и сказали ему, что ходя по деревнѣ, они встрѣтились съ

невѣстою, съ нею пошутили, что увидя женихъ ее началъ ихъ бить, будучи вспомогаемъ своимъ отцемъ. Въ доказательство, показали проломленную у одного изъ братьевъ голову. Роздраженный до внутренности сердца болѣзнію своего рожденія отецъ воскипѣлъ гнѣвомъ ярости. Немедля велѣлъ привести предъ себя всѣхъ трехъ злодѣевъ, такъ онъ называлъ жениха, невѣсту и отца женихова. Представшимъ имъ предъ него, первый вопросъ его былъ о томъ, кто проломилъ голову его сыну. Женихъ въ сдѣланномъ не отперся, разсказавъ все произшествіе. Какъ ты дерзнулъ, говорилъ Ассесоръ, поднять руку на твоего господина? А хотя бы онъ ночь проспалъ съ твоею невѣстою на канунѣ твоея свадьбы, то ты ему за то долженъ быть благодаренъ. Ты на ней не женишься, она у меня останется въ домѣ, а вы будете наказаны. По таковомъ рѣшеніи, жениха велѣлъ онъ сѣчь кошками немилосердно, отдавъ его въ волю своимъ сыновьямъ. Побои вытерпѣлъ онъ мужественно, не робкимъ духомъ смотрѣлъ, какъ начали надъ отцемъ его, тоже производить изтязаніе. Но не могъ вытерпѣть, какъ онъ увидѣлъ, что невѣсту господскіе дѣвки хотѣли вести въ домъ. Наказаніе происходило

на дворѣ. Въ одно мгновеніе выхватилъ онъ ее изъ рукъ ее похищающихъ и освобожденные побѣжали оба со двора. Сіе видя барскіе сыновья перестали сѣчь старика, и за ними побѣжали въ погоню. Женихъ, видя, что они его настигать начали, выхватилъ заборину, и сталъ защищаться. Между тѣмъ, шумъ привлекъ другихъ крестьянъ ко двору господскому. Они соболѣзнуя объ участи молодаго крестьянина, и имѣя сердце озлобленное противъ своихъ господъ, его заступили. Видя сіе, Ассесоръ, подбѣжавъ самъ, началъ ихъ бранить и перваго кто встрѣтился ударилъ своею тростью столь сильно, что тотъ упалъ безчувственъ на землю. Сіе было сигналомъ къ общему наступленію. Они окружили всѣхъ четверыхъ господъ, и, коротко сказать, убили ихъ до смерти на томъ же самомъ мѣстѣ. Толико ненавидѣли ихъ они, что ни одинъ не хотѣлъ миновать, чтобы не быть участникомъ въ семъ убійствѣ, какъ то они сами послѣ признались. Въ самое то время, случилося ѣхать тутъ исправнику съ командою. Онъ былъ частію свидѣтелемъ сему произшествію. Взявъ виновныхъ подъ стражу, а виновныхъ была половина деревни, произвелъ слѣдствіе, которое постепенно дошло до Уголовной Па-

латы. Дѣло было выведено очень ясно, и виновные во всемъ признавались, въ оправданіе свое приводя только мучительскія поступки своихъ господъ, о которыхъ уже вся губернія была извѣстна. Таковому дѣлу я обязанъ былъ по долгу моего званія положить окончательное рѣшеніе, приговорить виновныхъ къ смерти и вмѣсто оной къ торговой казни и вѣчной работѣ.

Не нашедъ способа спасти невинныхъ, я нехотѣлъ быть ни сообщникомъ въ ихъ казни, ниже оной свидѣтелемъ, подалъ прошеніе объ отставкѣ, и получивъ ее ѣду теперь оплакивать плачевную судьбу крестьянскаго состоянія, и услаждать мою скуку, обхожденіемъ съ друзьями. Сказавъ сіе мы разстались и поѣхали всякъ въ свою сторону.

Сей день путешествіе мое было неудачно, лошади были худы, выпрягались поминутно, наконецъ спускаясь съ небольшой горы, ось у кибитки переломилась и я далѣе ѣхать не могъ. Пѣшкомъ ходить мнѣ въ привычку. Взявъ посошекъ, отправился я впередъ къ почтовому стану. Но прогулка по большой дорогѣ, не очень пріятна для Петербургскаго жителя, не похожа на гулянье, въ Лѣтнемъ саду или въ Боба,

скоро она меня утомила и я принужденъ былъ сѣсть.

Между тѣмъ какъ, я сидя на камнѣ, чертилъ на пескѣ фигуры кой какія, не рѣдко кривобокія и кривоугольныя, думалъ я и то и се, скачетъ мимо меня коляска. Сидящій въ ней, увидѣвъ меня, велѣлъ остановиться и я въ немъ узналъ моего знакомаго. Что ты дѣлаешь, сказалъ онъ мнѣ. Думу думаю. Времени довольно мнѣ на размышленіе, ось переломилась. — Что новаго? Старая дрянь. Погода по вѣтру,—то слякоть, то ведро. А!... Вотъ новинькое, Дурындинъ женился. Не правда. Ему ужь лѣтъ съ 80. — Точно такъ. Да вотъ къ тебѣ письмо.... читай на досугѣ, а мнѣ нужно поспѣшать. Прости, — и разстались.

Письмо было отъ моего пріятеля. Охотникъ до всякихъ новостей, онъ обѣщалъ меня въ отсутствіи снабжать оными, и сдержалъ слово. Между тѣмъ, къ кибиткѣ моей поддѣлали новую ось, которая по счастію была въ запасѣ.

Петербургъ.

Любезный мой!

На сихъ дняхъ совершился здѣсь бракъ между 78 лѣтнимъ молодцомъ и 62 лѣтнею молодкою. Причину толь престарѣлому спа-

ренію отдавать тебѣ грушенью, если оной не скажу. Распусти уши, мой другъ, и услышишь. — Госпожа Ш.... витязь въ своемъ родѣ не послѣдній. 62-хъ лѣтъ, вдова съ 25 лѣтняго своего возраста. Была замужемъ за купцомъ не удачно торговавшимъ лицомъ смазливо, оставшись послѣ мужа бѣдною сиротою и вѣдая о жестокосердіи собратій своего мужа, не захотѣла прибѣгнуть къ прошенію надмѣнной милости, но заблагоразсудила.... кормиться своими грудами. — Наживъ себѣ нѣсколько тысячъ, она съ честію изъялась изъ презрительнаго общества своевъ, и начала въ ростъ отдавать деньги. Проживъ покойно до 62 лѣтъ, нелепые наговоры ее собраться замужъ. Всѣ ея знакомые тому дивятся. Пріятельница и ближняя Н.... пріѣхала къ ней. — Слухъ носится, душа моя, говоритъ она поспѣшной невѣстѣ, что ты собралась замужъ. Мнѣ кажется солгано. Какой нибудь насмѣшникъ выдумалъ сію басню....

Ш.. Правда совершенная. Завтра сговоръ, пріѣзжай пировать съ нами.

Н.. Ты съ ума сошла! Неужели старая кровь разыгралась, неужели какой молокососъ полюбился къ тебѣ подъ крылоцо?

Ш.. Ахъ матка моя! не къ стагѣ ты ме-

ня на равнѣ съ молодыми щитаешь вѣтриницами. Я мужа беру по себѣ.....

Н., Да то я знаю что придетъ по тебѣ. Но вспомни что уже насъ любить нельзя и не для чего; развѣ для денегъ?

Ш., Я такого не возьму, который бы мнѣ могъ измѣнить. Женихъ мой меня старѣя 16 годами.

Н., Ты шутишь!

Ш., По чести правда; баронъ Дурындинъ.

Н., Нельзя этому статься.

Ш., Пріѣзжай завтра къ вечеру ты увидишь, что лгать не люблю.

Н., А хотя и такъ, вѣдь онъ не на тебѣ жениться, но на твоихъ деньгахъ?

Ш., А кто ему ихъ дастъ? Я такъ не обезумѣю, что бы ему отдать все имѣніе мое, уже-то время давно прошло. Табакерочка золотая, пряжки серебрянные, и другая дрянь оставшаяся у меня въ закладѣ, которой съ рукъ нельзя сбыть. Вотъ барышъ любезнаго моего женишка.

Н., Ему хоть табакерочка перепадетъ, а тебѣ что въ немъ проку?

Ш., Какъ, матка? Сверхъ того, что въ нынѣшнія времена не худо имѣть хорошій чинъ, меня называть будутъ: Ваше Высокоро-

діе, а кто поглупѣе и Ваше Превосходительство; но будетъ таки кто нибудь, съ кѣмъ въ долгія зимнія вечера, можно хоть поиграть въ бирюльки. А нынѣ сиди, сиди, все одна, да и того удовольствія не имѣю, когда чихну, чтобъ кто говорилъ: здравствуй. А какъ мужъ будетъ свой, то какой бы насморкъ не былъ, все слышать буду: Здравствуй, мой свѣтъ, здравствуй, моя душинька!...

Н., Прости матушка.

Ш., Завтра сговоръ, а чрезъ недѣлю свадьба.

Н., *(уходитъ)*.

Ш., *(чхаетъ)* Небось не воротиться. Толи дѣло какъ мужъ свой будетъ!

Не дивися, мой другъ! на свѣтѣ все колесомъ вертится. Сегодня умное, завтра глупое въ модѣ. Надѣюсь, что и ты много увидишь Дурындиныхъ. Если не женидьбою всегда они отличаются, то другимъ чѣмъ либо. А безъ Дурындиныхъ свѣтъ не простоялъ бы трехъ дней.

Крестцы.

Въ Крестцахъ я былъ свидѣтелемъ, разставанья у отца съ дѣтьми, которое меня тѣмъ чувствительнѣе тронуло, что я и самъ

отецъ и скоро, можетъ быть, самъ съ дѣтьми своими разставаться буду.

Крестицкій дворянинъ казалося мнѣ былъ лѣтъ 50, рѣдкія сѣдины едва пробивалися сквозь свѣтлорусыя власы главы его. Правильные черты лица его, знаменовали души его спокойствіе, страстямъ не приступное. Нѣжная улыбка безмятежнаго удовольствія, не злобіемъ рождаемаго, изрыли ланиты его ямками въ женщинахъ столь прельщающими, взоры его, когда я вошелъ въ ту комнату, гдѣ онъ сидѣлъ, были устремлены на двухъ его сыновей. Очи его, очи благорастворенного разсудка, казалися подернуты были легкою пленою печали, но искры твердости и упованія, пролѣтали оную быстротечно. Предъ нимъ стояли два юноша, его сыны, возраста почти равнаго единымъ годомъ во времени рожденія; но не въ шествіи разума и сердца они разнствовали между собою. Ибо горячность родителя ускоряла въ младшемъ разверженія ума, а любовь братня умѣряла успѣхъ въ наукахъ во старшемъ. Понятія о вещахъ были въ нихъ равныя, правила жизни, знали они равно, но остроту разума и движенія сердца природа насадила въ нихъ различно; во старшемъ взоры были тверды, черты лица не зыбки,

являли качества души не робкой и не поколѣбимой въ предпріятіяхъ. Взоры младшаго были остры, черты лица жестки и не постоянны. Но плавное движеніе, необманчивый былъ знакъ благихъ совѣтовъ отчихъ. На отца своего взирали они съ несвойственною имъ робостію, отъ горести предстоящей разлуки происходящее, а не отъ чувствованія надъ собою власти или начальства — рѣдкія капли слезъ томилися изъ ихъ очей. — Друзья мои, сказалъ отецъ, сегодня мы разстанемся — и, обнявъ ихъ, принялъ возрыдавшихъ въ перси свои. — Я уже нѣсколько минутъ былъ свидѣтелемъ сего зрѣлища, стоя у дверей неподвиженъ, какъ отецъ обратился ко мнѣ будь свидѣтелемъ, чувствительный путешественникъ, будь свидѣтелемъ мнѣ предъ свѣтомъ, сколь тяжко сердцу моему исполнять волю обычая. Я отлучаю дѣтей моихъ отъ бдящаго родительскаго ока, единственное мое къ тому побужденіе есть, да преобрѣтутъ опытность, да познаютъ свѣтъ и да наскучитъ имъ его грѣмленіе, и да оставляя его съ радостію, имутъ отныне въ гоненіи, и хлѣбъ насущный въ скудности для сего то остаюся я въ нивѣ моей. Недаждь владыко всещедрый; недаждь имъ скитатися за милостынію

вельможъ, и обрѣти въ нихъ утѣшителей. Да будетъ соболѣзнуяй о нихъ; ихъ сердца, да будетъ имъ творяй благостыню ихъ разсудокъ — возсядите, и внемлите моему слову, если пребывати во внутренности думъ вашихъ, долженствуетъ. Еще повторю вамъ сего дня мы разлучимся, — съ неизрѣченнымъ услажденіемъ зрю слезы ваши, орошающія ланиты вашего лица. Да отнесетъ сіе души вашей зыбленіе свѣтъ мой во святая ея да восколеблются они при моемъ воспоминаніи и да буду отсудственъ васъ ограда отъ золъ и печалей. Пріявъ васъ даже отъ чрева матерня въ объятіи мои, не восхотѣлъ ни коли, что бы кто либо былъ рачителемъ въ исполненіяхъ до васъ касающихся. Никогда наемная рачительница не касалася тѣлеси вашего, никогда иноземный наставникъ, не коснулся вашего сердца и разума. Неусыпное око моея горячности бдѣло надъ вами денно и нощно, да не приближится васъ оскорбленія....

Съ младенчества вашего вы принужденія не чувствовали, хотя въ дѣяніяхъ вашихъ во всемъ вождаемы направляемы рукою моею, не ощущали ни коли ея вожденія направленія. Дѣянія ваши были предузнаты и предваряемы и тако достигли времяни, въ

оное же, какъ то говорятъ, разсудокъ становится опредѣлителенъ, дѣланія и не недѣланія, а лучше сказать когда чувства доселѣ держимыя плавностію младенчества, начинаютъ ощущать дрожаніе, или когда слизненныя соки исполнивъ сосудъ юности превышать начинаютъ его воскранія, ища стезю собственнымъ стремлѣніемъ. Не хотѣлъ я, чтобы робость или послушаніе повиновенія малѣйшею черту ознаменовала на васъ своего перста. И для того духъ вашъ и нынѣ не терпящь велѣнія безразсуднаго, кротокъ къ совѣту дружества. Но если младенцамъ вамъ сущимъ находилъ, что уклонится отъ пути мною назначеннаго устремляемы случайнымъ удареніемъ, тогда остановляя ваше шествіе, или лучше сказать не примѣтно входилъ въ прежній путь, яко потокъ прорвавшій оплоты искусною рукою обращается въ свои брега.

Робкая нѣжность не присутствовала во мнѣ, когда козалося не рачилъ объ охраненіи васъ отъ непріятности стихій и погоды, желалъ лучше, чтобы на мгновеніе тѣло ваше оскорбила преходящею болью, нежели дебелы пребудутъ въ возврастѣ совершенномъ. И для того по часту ходили вы босы, не покровенную имѣя главу, въ пыли, въ

грязи, возлѣжали на отдохновеніе на скамьи, или камени. Неменьше старался я удалить васъ отъ убійственной пищи и питія. Труды лучшая была приправа, въ обѣдѣ нашемъ; вспомните съ какимъ удовольствіемъ обѣдали мы въ деревнѣ намъ неизвѣстной, ненашедъ настоящей дороги къ дому. Сколь вкусенъ намъ казался тогда хлѣбъ ржаной и квасъ деревенскій. Не ропщите на меня, если будете иногда осмѣяны, что не имѣете казистаго возшествія, что стоите, какъ тѣлу вашему покойнѣе, а не какъ обычай или мзда велитъ, что одѣваетесь не со вкусомъ, что волосы кудрявы рукою природы, а не чесателя. Если будете небрежны въ собраніяхъ, а особливо отъ женщинъ, что худо умѣете плясать, то вспомните, что вы бѣгаете быстро, что плаваете не утомляемы, что подымаете тягость безъ натуги, что умѣете водить соху, вскопать гряду, владѣете косою и топоромъ, стругомъ и долотомъ, умѣете ѣздить верхомъ, стрѣлять. Не опечальтеся, что вы скакать, какъ скоморохи, не умѣете; вѣдайте, что пляска, ни чего не представляетъ величественнаго и если нѣкогда тронуты будете зрѣніемъ плясанія, то любострастіе онаго будетъ корень, все же другое оному будетъ постороннѣе.

Но вы умѣете черты вещей животныхъ и человѣка изображать на бумагѣ или полотнѣ. Въ живописи найдете вы истинное наслажденіе не токмо чувствъ, но и разума. Я васъ не училъ музыкѣ, дабы дрожащая струна, согласно вашимъ нервамъ, возбуждала дремлющее сердце, ибо музыка, производя внутренность въ движеніе, мягкосердіе дѣлаетъ въ насъ привычкою. Изучилъ я васъ и искуству мечемъ стражаться. Но сіе искуство да пребудетъ въ васъ мертво доколѣ собственная сохранность того не возтребуетъ. На сіе уповаю не сдѣлаетъ васъ подлыми, ибо вы твердый духъ имѣете, и обидою не сочтете, если оселъ васъ улягнетъ, или свинья смраднымъ до васъ коснется рыломъ. Небойтеся сказать ни кому, что вы корову доить умѣете, что шти и кашу сварите или—зажарите кусокъ мяса—будутъ вкусными. Тотъ, кто самъ умѣетъ что сдѣлать, умѣетъ заставить сдѣлать, и будетъ на погрѣшности снисходителенъ, зная все въ исполненіи требности.

Во младенчествѣ, и отрочествѣ не отягощалъ я разсудка вашего готовыми размышленіями или мыслями чуждыми, не отягощалъ памяти вашей излишними предметами. Но предложивъ вамъ пути къ позна-

ніямъ, съ тѣхъ поръ, какъ начали разума своего ощущати силы, сами шествуете къ отверстой вамъ стезѣ, и познанія ваши тѣмъ основательнѣе, что вы ихъ пріобрѣли не тверды, какъ то говорятъ по слову и сорока Якова; слѣдуя сему правилу доколѣ силы разума не были въ васъ дѣйствующими, не предлагалъ я ему понятія о всевышнемъ существѣ, и еще менѣе объ откровеніи. Ибо то, что вы бы познали прежде нежели, были разумны, было бы въ васъ предразсудокъ и разсужденіе бы мѣшало. Когда же узрѣлъ я, что вы въ сужденіяхъ руководились разсудкомъ то предложилъ вамъ звязь понятій вѣдущихъ къ познанію Бога; увѣренъ во внутренности сердца моего, что всещедрому отцу, пріятнѣе зрѣти двѣ непорочныя души, въ коихъ свѣтильникъ нощи не предразсудкомъ возжигаемый; но что они сами возносятся къ начальному огню на возгорѣніе. Предложилъ я вамъ тогда и о законѣ откровенномъ, не сокрывъ отъ васъ все то, что въ опроверженіе онаго сказано многими. Ибо желалъ, чтобы могли сами избирати между млекомъ и желчію, и съ радостію видѣлъ, что воспріяли вы сосудъ утѣшенія не робко.

Преподавая вамъ свѣдѣніи о наукѣ, неос-

тавилъ я знакомить васъ съ различными народами, изучилъ васъ языкамъ иностраннымъ. Но прежде всего попеченіе мое было, да познаете вашъ собственной. Да умѣете на ономъ изъяснять ваши мысли словесно и письменно, и чтобы изъясненіе сіе было въ васъ не принужденно, и поту на лице не производило. Англинской языкъ, а потомъ Латинской, я вамъ извѣстнѣе сдѣлать другихъ, ибо упругость духа вольности, переходы въ изображеніи рѣчи пріучатъ и разумъ къ твердымъ понятіямъ, во всякихъ направленіяхъ нужнымъ.

Но если разсудку вашему предоставлялъ направлять стопы ваши къ стезямъ науки, тѣмъ бдительнѣе тщился быть въ нравственности вашей. Старался умѣряти въ васъ гнѣва мгновенія, подвергая разсудку гнѣвъ продолжительный производящій мученія; душа ваша мерзитъ его. Вы изъ природнаго сего чувствительныя твари движенія оставили оберегательность своего сложенія, поправъ желаніе возвращенія, уязвленія.

Нынѣ настало то время, какъ чувства ваши, дошедъ до совершенства возбужденія, но не до совершенства еще понятія о возбуждаемомъ, начинаютъ тревожится всякой внѣшностію и опасную производити зыбь въ

внутренности вашей. Я сохранилъ васъ неприступнымъ доселѣ, превратнымъ чувствъ потресеніямъ. Но не сокрылъ отъ васъ невѣдѣнія покровомъ пагубныхъ слѣдствій совращенія отъ пути умѣренности въ чувственномъ услажденіи. Вы свидѣтели были, сколь гнусно избыточество чувственнаго насыщенія и возгнушалися. Свидѣтели были страшнаго волненія страстей, превысившихъ бреги своего естественнаго теченія, познали гибельныя ихъ опустошенія и ужасалися. Но опытность моя охраняла васъ отъ неправильныхъ уязвленій. Нынѣ будьте сами себѣ вожди, и, хотя совѣты мои будутъ всегда свѣтильникомъ вашихъ начинаній, ибо сердцѣ и душа ваша мнѣ отверсты, но яко свѣтъ, отдаляяйся отъ предмета, менѣе его освѣщаетъ, тако и вы отриновенны моего присудствія, слабое ощутити согрѣніе моея дружбы. И тако да преподамъ вамъ правила единожитія и общежитія, дабы, по усмиреніи страстей, не восгнушалися дѣяній въ оныхъ совершенныхъ.

Правила единожитія, поведенія вашего въ отношеніи васъ самихъ, должны относиться къ тѣлесности вашей и нравственности. Не забывайте никогда употребленіе вашихъ тѣлесныхъ силъ и чувствъ, упражд-

чаша разсудка безъ опытности на вѣсахъ воли воздымется, а чаша страстей опустится мгновенно далѣ. И такъ къ равновѣсію неиначе приближится можно, какъ трудолюбіемъ. Трудитеся тѣломъ, страсти ваши не столь сильное будутъ имѣть волненіе, трудитеся сердцемъ упражняясь въ мягкосердіи, чувственности соболѣзнованій, щедротѣ, отпущеній и страсти ваши направятся къ благому концу. Трудитеся разумомъ, упражняяся въ чтеніи, размышленіи, розысканіи истинны, или произшествій, и разумъ управлять будетъ вашею волею и страстьми. Но не возмните въ восторгѣ разсудка, что можите разрушить корень страстей, что нужно быть совсѣмъ безъстрастну. Корень страстей благъ, и основанъ на нашей чувствительности самой природою. Когда чувства наши внѣшнія и внутреннія ослабѣваютъ и притупляются, тогда ослабѣваютъ и страсти. Они благую въ человѣкѣ производятъ тревогу, безъ нея же уснули бы въ бездѣйствіи. Безстрастный человѣкъ совершенно есть глупецъ, и истуканъ нелѣпый, не возмогаемый благаго ни злаго. Не достоинство есть воздержатися отъ худыхъ помысловъ, не могши ихъ сотворить. Безрукой не можетъ уязвити

нихъ чувствованій, сонъ, побѣжитъ отъ тебя, оставишь подушку, камень же возлежало главы твоея на возобновленіе силъ, разумныхъ и тѣлесныхъ; бѣги изъ чертоговъ твоихъ и утоливъ члены, до усталости возляжь на одрѣ и почіешь во здравіи.

Будьте опрятны въ одеждѣ вашей, тѣло содержите въ чистотѣ, ибо чистота служитъ ко здравію, а не опрятность и смрадность тѣла нерѣдко отверзаетъ непримѣтную стезю къ гнуснымъ порокамъ. Но будьте и въ семъ умѣренны. Не гнушайтесь, пособить, поднимая погрязшую во рву тѣлегу, и тѣмъ облегчить упадшаго; вымоете ваши руки и тѣло и ноги, но просвѣтите сердце. Ходите въ хижины униженія, утѣшите томящагося нищетою, вкусите его брашна, и сердце ваше усладится, давъ отраду скорбящему. — Нынѣ достигли вы, повторю, того часа, когда чувства одержимые доселѣ плавностію малолѣтства, начинаютъ ощущать движеніе, се время, когда жизненныя соки, исполнивъ сосудъ юности, превышати начинаютъ его воскраня, ища стезь собственнымъ стремленіемъ; но время ее такожде, въ оное же разсудокъ становится опредѣлителемъ дѣланія и не дѣланія. Сего страшнаго достигли вы времени и часа. Ибо

будетъ вамъ неизвѣстна. Говоря о любви естественно бы было говорить и о супружествѣ, о семъ священномъ союзѣ общества, коего правила не природа въ сердцѣ начертала, но святость коего изъ начальнаго обществъ положенія проистекаютъ. Но разуму вашему едва шествіе свое начинающему, сіе бы было не понятно, а сердцу вашему, неиспытавшему самолюбивую въ обществѣ страсть любви, повѣсть о семъ была бы вамъ не ощутительна, а потому и безполѣзна. Если желаете о супружествѣ имѣть понятіе, воспомяните о родшей васъ. Представте меня съ нею и съ вами, возобновите слуху вашему глаголы наши и очамъ лобызанія ваше, и приложите картину сію къ сердцу вашему. Тогда почувствуете въ немъ пріятное нѣкое содраганіе. Что онъ познаетъ со временемъ, а днесь довольны будьте ея ощущеніемъ.

Приступимъ нынѣ вкратцѣ къ правиламъ общежитія; предписать ихъ не можно съ точностію, ибо располагаются часто по обстоятельствамъ мгновенія. Но, дабы колико возможно менѣе ошибаться, при всякомъ начинаніи, спросите ваше сердце; оно есть благо и николи обмануть васъ не можетъ. Что вѣщаетъ оно, то и творите, слѣдуяй

сердцу въ юности не ошибетеся, если сердце имѣетъ благое. Но слѣдовати возмнивый разсудку, не имѣя на брадѣ власовъ, опытность возвѣщающихъ, есть безумецъ. Правила общежитія относятся къ исполненію предписываемаго обычаями и нравами народными, или къ исполненію закона благаго, на что нѣтъ ни обычая ни закона т. е. къ исполненіямъ добродѣтели, если въ обществѣ нравы и обычаи не противны закону, если законъ не полагаетъ добродѣтели преткновеній въ ея шествіи, то исполненія правилъ общежитія есть легко. Но гдѣ таковое общество существуетъ? Всѣ извѣстныя намъ многими наполнены во нравахъ, обычаяхъ, законахъ и добродѣтели противорѣчіями. И отъ того трудно становится исполненіе должности человѣка и гражданина, ибо не рѣдко они находятся между собою въ противоположности совершенной.

Понеже добродѣтель есть вершина дѣяній человѣческихъ, то исполненіе ея, ничемъ препинаемо быть не долженствуетъ. Небреги обычаи, нравы, небреги законъ Гражданскій и Священный, столь святыя въ обществѣ вещи, буде исполненія оныхъ отлучаютъ тебя отъ добродѣтели. Не дерзай ни коли нарушенія ея прекрывати робостію благо-

будетъ вамъ неизвѣстна. Говоря о любви естественно бы было говорить и о супружествѣ, о семъ священномъ союзѣ общества, коего правила не природа въ сердцѣ начертала, но святость коего изъ начальнаго обществъ положенія проистекаютъ. Но разуму вашему едва шествіе свое начинающему, сіе бы было не понятно, а сердцу вашему, неиспытавшему самолюбивую въ обществѣ страсть любви, повѣсть о семъ была бы вамъ не ощутительна, а потому и безполѣзна. Если желаете о супружествѣ имѣть понятіе, воспомяните о родшей васъ. Представте меня съ нею и съ вами, возобновите слуху вашему глаголы наши и очамъ лобызанія ваше, и приложите картину сію къ сердцу вашему. Тогда почувствуете въ немъ пріятное нѣкое содраганіе. Что онъ познаетъ со временемъ, а днесь довольны будьте ея ощущеніемъ.

Приступимъ нынѣ вкратцѣ къ правиламъ общежитія; предписать ихъ не можно съ точностію, ибо располагаются часто по обстоятельствамъ мгновенія. Но, дабы колико возможно менѣе ошибаться, при всякомъ начинаніи, спросите ваше сердце; оно есть благо и николи обмануть васъ не можетъ. Что вѣщаетъ оно, то и творите, слѣдуяй

Но для того не подлежитъ остановляться въ исполненіи ихъ. Предлогъ надъ нимъ же вращается, придаетъ имъ вещество. Въ спасшемъ Курціи отечество свое отъ пагубныя язвы, ни кто не зритъ, ни отчаяннаго или наскученнаго жизнію, но героя. Если же побужденіи наши къ общественнымъ добродѣтелямъ начало свое имѣютъ въ человѣколюбивой твердости души, тогда блескъ ихъ будетъ гораздо большій. Упрожняйся всегда въ частныхъ добродѣтеляхъ, дабы могъ удостоится исполненія общественныхъ.

Еще преподалъ вамъ нѣкоторыя исполнительныя правила жизни — старайтеся паче всего во всѣхъ дѣяніяхъ вашихъ заслужить собственное свое почтеніе, дабы, обращая во уединеніе взоры свои во внутрь себя, не токмо не могли бы раскаяться, въ сдѣланномъ, но взирали бы на себя съ благоговѣніемъ. Слѣдуя сему правилу, удаляйтеся елико то возможно даже вида раболѣпствованія, вошедъ въ свѣтъ узнаете скоро, что въ обществѣ существуетъ обычай посѣщать въ праздничные дни по утрамъ знатныхъ особъ. Обычай скаредный, ничего не значущій, означающій въ посѣтителяхъ духъ робости, а въ посѣщенномъ духъ надмѣнности и слабый разсудокъ. У Римлянъ бы-

разумія. Благоденственъ безъ нея будетъ во внѣшности, но блаженъ ни воли.

Преслѣдуя тѣмъ, что налагаютъ на насъ обычаи и нравы, мы пріобрѣтемъ благопріятство тѣхъ съ кѣмъ живемъ. Исполняя предписанія закона, можемъ пріобрѣсти названіе честнаго человѣка. Исполненіе же добродѣтели пріобрѣтетъ намъ и общую довѣренность, почтеніе и удивленіе въ томъ самомъ, кто бы и не желалъ ихъ ощущать въ душѣ своей. Блаженный Аѳинскій Сенатъ, вождь чину съ отрадою Сенату уреченъ въ внутренности цѣлъ добродѣтельно его. Не первый никогда исполнять обычаи во предпочтеніе закона. Законъ есть, связь обществъ. И если бы самъ Государь велѣлъ тебѣ нарушить законъ, не повинуйся ему, ибо онъ заблуждается себѣ и обществу во вредъ. Да уничтожитъ законъ, какое нарушеніе повелѣваетъ, тогда и повинуйся, ибо въ Россіи Государь есть источникъ законовъ.

Добродѣтели суть—или частныя, или общественныя. Побужденія къ первымъ суть всегда милосердіе, кротость, обольщеніе, и всѣмъ ихъ всегда быть. Побужденія добродѣтелей общественныхъ первую имѣетъ начало свое въ человѣкѣ и любочестіи.

Но для того не подлежитъ остановляться въ исполненіи ихъ. Предлогъ надъ нимъ же вращается, придаетъ имъ вещество. Въ спасшемъ Курціи отечество свое отъ пагубныя язвы, ни кто не зритъ, ни отчаяннаго или наскученнаго жизнію, но героя. Если же побужденіи наши къ общественнымъ добродѣтелямъ начало свое имѣютъ въ человѣколюбивой твердости души, тогда блескъ ихъ будетъ гораздо большій. Упрожняйся всегда въ частныхъ добродѣтеляхъ, дабы могъ удостоится исполненія общественныхъ.

Еще преподалъ вамъ нѣкоторыя исполнительныя правила жизни — старайтеся паче всего во всѣхъ дѣяніяхъ вашихъ заслужить собственное свое почтеніе, дабы, обращая во уединеніе взоры свои во внутрь себя, не токмо не могли бы раскаяться, въ сдѣланномъ, но взирали бы на себя съ благоговѣніемъ. Слѣдуя сему правилу, удаляйтеся елико то возможно даже вида раболѣпствованія, вошедъ въ свѣтъ узнаете скоро, что въ обществѣ существуетъ обычай посѣщать въ праздничные дни по утрамъ знатныхъ особъ. Обычай скаредный, ничего не значущій, означающій въ посѣтителяхъ духъ робости, а въ посѣщенномъ духъ надмѣнности и слабый разсудокъ. У Римлянъ бы-

ло похожѣе сему обыкновенію, которое они называли ambitio, т. е. снисканіе, а отъ туда и любочестіе называлося ambitio, ибо посѣщеніями имѣнитыхъ людей юноши снискивали себѣ путь къ чинамъ и достоинствамъ. Тоже дѣлается и нынѣ. Но если у Римлянъ обычай сей введенъ былъ для того, чтобы молодые люди обхожденіемъ съ испытанными научилися, то сомнѣваюся, чтобы цѣлъ въ обычаѣ семъ всегда не порочно сохранилася. Въ наше же время, посѣщая знатныхъ господъ, ученія цѣлію своею ни кто не имѣетъ. Но снисканія ихъ благопріятства, и такъ да не приступитъ нога ваша порога, отдѣляющаго раболѣпство отъ исполненія должности. Не посѣщай ни коли передней знатной барыни, развѣ по долгу званія твоего. Тогда, среди толпы презрѣнной, и тотъ, на кого она взираетъ съ подобрастіемъ, съ негодованіемъ тебя въ душѣ своей отъ нее откичетъ.

Если случится, что смерть пресѣчетъ дни мои, прежде нежели въ благомъ пути отвердѣете, и оные еще восхотятъ васъ страсти изъ стези разсудка, то неотчаявайтеся, соглядая иногда превратное ваше шествіе въ заблужденіи вашемъ. Въ забвеніи самого себя, возлюбите добро. Распутное житіе,

безмѣрное любочестіе, наглости и всѣ пороки юности оставляютъ надежду исправленія, ибо скользятъ по поверхности сердца, его не уязвляя. Я лучше желаю, чтобы въ младыхъ лѣтахъ вашихъ были распутны, нежели сребролюбивы, или же чрезмѣрно бережливы, или щеголеваты, занимаяся болѣе убранствомъ нежели, чѣмъ другимъ. Систематическое, такъ сказать, расположеніе въ щегольствѣ, означаютъ всегда сжатый разсудокъ. Если повѣствуютъ, что Юлій Кесарь былъ щеголь, то щегольство его имѣло цѣль. Страсть къ женщинамъ въ юности его были къ сему побужденіемъ. Но онъ изъ щеголя облекся бы въ мгновеніе во смраднѣйшее рубище, если бы то способствовало къ достиженію его желаній. — Во младомъ человѣкѣ не только щегольство преходящее простительно, но и всякое—дурачество. Если же наикраснѣйшими дѣяніями жизни сокрывать будите коварство, ложъ, вѣроломство, сребролюбіе, гордость, любочестіе, лицемѣріе, звѣрство, то если ослѣпите современниковъ вашихъ на время блескомъ ясной наружности; если не найдете ни кого сколь любящаго васъ, да представитъ вамъ зерцало истинны, не мните однакоже, затмить взоры прозорливости. Проникнетъ

она свѣтозарную ризу твоего коварства и добродѣтель черноту души твоея обнажитъ, возненавидитъ она сердце твое, и яко чувственница (sensitive) увядать станетъ прикосновеніемъ твоимъ, не мгновенно, но стрѣлы ея изъ далека язвить тебя станутъ и терзать.

Простите возлюбленніи мои, простите, друзья души моея, днесь при сопутномъ вѣтрѣ отчальте отъ брега чуждую опытности ладью вашу; стремитеся по валамъ житія человѣческаго, да научитеся управляти сами собою. Блажени не претерпѣвъ крушенія, достигните пристанища, его же жаждите. Будьте щастливы въ плаваніи вашемъ. Се искреннее мое желаніе. Естественныя силы мои, истощившись движеніемъ и жизнію, изнемогутъ и угаснутъ, оставлю васъ на вѣки, но се мое вамъ завѣщаніе. Если ненависное щастіе истощитъ надъ тобою всѣ стрѣлы свои, тогда умрите. Въ наслѣдіе вамъ оставлю слово умирающаго Катона, но если во добродѣтели умерети возможешь, умѣй умерети и въ порокѣ и будь, такъ сказать добродѣтеленъ и въ самомъ злѣ. — Если, забывъ мои наставленія, поспѣшать будеши на злыя дѣла, обыкшая душа добродѣтели востревожится, воспряни

отъ ложа твоего преслѣдуй душевно моему видѣнію. Если тогда источится слеза изъ очей твоихъ, то усни паки, пробудишся на исправленіе. Но если среди злыхъ твоихъ начинаній, воспоминая обо мнѣ, душа твоя незыбнется и яко пребудетъ сухо, се сталь, се отрава; — избавь меня скорби, избавь землю поносныя тяжести — будь мой еще сынъ — умри, но... добродѣтеленъ!!

Вѣщающу сіе старцу юношескій румянецъ покрылъ сморщенныя ланиты его, взоры его испускали лучи надежнаго радованія, черты лица сіяли сверхестественнымъ веществомъ. Онъ облобызалъ дѣтей своихъ, и проводивъ ихъ до повозки, пребылъ твердъ до послѣдняго разставанія. Но едва звонъ почтоваго колокольчика возвѣстилъ ему, что они начали отъ него удаляться, упругая душа сія смутилася. Слезы проникли сквозь очей грудь его воздымалася, онъ руки свои простиралъ вслѣдъ отъѣзжающихъ, козалося будто желаетъ остановить стремленіе коней. Юноши узрѣли издали родившаго ихъ въ такой печали возрыдали столь громко, что вѣтръ ихъ жалосный стонъ доносилъ до слуха нашего. Они простирали также руки къ отцу своему и казалося будто его къ себѣ звали. Не могъ старецъ снесть

сего зрѣлища, силы его ослабѣли, и онъ упалъ въ мои объятія. Между тѣмъ пригорокъ скрылъ отъѣхавшихъ юношей отъ взоровъ нашихъ. Пришедъ въ себя, старецъ сталъ на колѣни и воздѣвъ руки на небо, Господи! возопилъ онъ, молю тебя да укрѣпитъ ихъ во стезяхъ добродѣтели, молю блаженны да будутъ, вѣси ни коли не утруждалъ тебя отецъ всещедрый безполезною молитвою! Увѣренъ въ душѣ яко благъ еси и правосуденъ. Любезнѣйшее въ тебѣ есть добродѣтель, дѣянія чистаго сердца суть наилучшая для тебя жертва. Отлучилъ я нынѣ отъ себя сыновъ моихъ — Господи да будетъ на нихъ воля твоя.

Смущенъ, но твердъ въ надѣяніи своемъ отъѣхалъ въ жилище свое.

Слова Крестицкаго дворянина невыходили у меня изъ головы.

Яжельбищи.

Сей день опредѣленъ мнѣ былъ судьбою на испытаніе. Я—отецъ, имѣю нѣжное сердце ко моимъ дѣтямъ. — Для того то слово Крестицкаго дворянина меня столь тронуло. Но потрясши меня до внутренности изліяло

нѣкое усладительное чувствованія надѣянія, что блаженство наше въ отношеніи дѣтей нашихъ зависитъ много отъ насъ самихъ. Но въ Яжельбищахъ опредѣлено мнѣ было быть зрителемъ позорища, которое глубокій корень печали оставило въ душѣ моей, и нѣтъ надежды на его истребленіе. О юность! услыши мою повѣсть. Познай свое заблужденіе, воздержись отъ произвольныя гибели, и пресѣки путь будущему раскаянію.

Я пробѣжалъ мимо кладбища. Необыкновенный вопль терзающаго на себѣ волосы человѣка понудилъ меня остановиться. Приближась, увидѣлъ я, что тамъ совершалося погребеніе. Надлежало уже гробъ опустить въ землю, но тотъ котораго я изъдали зрѣлъ терзающаго на себѣ волосы, повергся на гробъ и ухватясь за оный весьма крѣпко, не дозволялъ оный опускать въ землю, съ великимъ трудомъ отвлекли его отъ гроба и опустя оный въ могилу, зарыли оную поспѣшно. Тутъ страждущій вѣщаетъ къ предстоящимъ: — «почто вы меня его лишили, почто меня съ нимъ не погребли живаго, и не скончали моей скорьби и раскаянія; вѣдайте, вѣдайте что я есть убійца возлюбленнаго моего сына, его же мертва предали землѣ. Не дивитеся сему. Я не прекратилъ

жизни его ни мечемъ ни отравою. Нѣтъ, я болѣе сего сдѣлалъ, я смерть его уготовилъ до рожденія его, давъ жизнь ему отравленную. Я есмь убійца, таковыхъ много, но есть убійца лютѣйшій другихъ. Убійца сына моего до рожденія его! Я, я одинъ прекратилъ дни его, изливъ томный ядъ въ начало его. Онъ воспретилъ укрѣпить силамъ тѣла его. Во все время житія своего не наслаждался онъ здравіемъ ни дня единаго, и томящагося въ силахъ своихъ развѣстіе яда пресѣкло теченіе жизни — никто, никто меня не накажетъ за мое злодѣяніе!»— Отчаяніе ознаменовалося на лицѣ его и бездыханна почти отнесли его съ сего мѣста.

Нечаянный хладъ разлился въ моихъ жилахъ, я весь оцѣпенѣлъ — казалося мнѣ я слышалъ мое осужденіе. Воспомянулъ дни распутныя моея юности. Привелъ на память всѣ случаи, когда встревоженная чувствами душа, гонялася за ихъ услажденіемъ, почитая мздоимную участницу любовныя утѣхи истиннымъ предметамъ горячности. Воспомянулъ, что невоздержаніи въ любострастіи навлекло тѣлу моему смрадную болѣзнь, ея же вида всѣ гнушаются, ею же всѣ юноши отравляются; о, если бы недалѣе она корень свой испускала! Если бы онъ съ уто-

лѣніемъ любострастія прерывался пріявъ отраду сію въ веселіи.—Не токмо согрѣваемъ ее въ нѣдрахъ нашихъ, но даемъ ее въ наслѣдіе нашему потомству. О, друзья мои возлюбленныя, о, чада души моей, не вѣдаете вы колико согрѣшилъ предъ вами! Блѣдное ваше чело, есть мое осужденіе, страшусь возвѣстить вамъ, о болѣзни иногда вами ощущаемой. Возненавидете можетъ быть меня. И въ ненависти вашей будете справедливы. Кто увѣритъ васъ и меня, что вы не носите въ крови вашей сокровенное жало, опредѣленное да скончаетъ дни ваши безвременно. Пріявъ сей смрадный ядъ въ тѣло мое въ совершенномъ возрастѣ, затвердѣлость моихъ членовъ противится его распространенію и борется съ его смертностію. Но вы пріявъ его отъ рожденія вашего, нося его въ себѣ, намъ нужное частію сложенія, всѣ ваши болѣзни суть слѣдствія сея отравы. О, возлюбленные, мои плачьте о заблужденіи моего юношества, призовите на помощь врачебное искуство, и если можете меня не навидьте.

Но теперь отверзается очамъ моимъ все пространство сего любострастнаго злодѣянія. Согрѣшилъ предо мною, навлекши безвремянную старость и дряхлость въ юноше-

скихъ еще лѣтахъ. Согрѣшивъ предъ вами, отравивъ жизненныя ваши соки до рожденія вашего, и тѣмъ угодивъ вамъ тлѣнное здравіе и преждеременную можетъ быть смерть. Согрѣшилъ и сіе да будетъ мнѣ въ казнь, согрѣшилъ въ горячности моей, взявъ въ супружество мать вашу. Кто мнѣ порукою въ томъ, что не я былъ причиною ея кончины. Смертоносный ядъ испиваяся въ веселіи, пріяшеся въ чистое ея тѣло и отравилъ непорочныя ея члены. Тѣмъ смертоноснѣе онъ былъ, тѣмъ былъ сокровенѣе. Ложная стыдливость воспретила мнѣ ее въ томъ увѣдомить, она не остерегалася отравителя своего въ горячности своей къ нему; воспаленія, послѣ родовъ ей приключившееся, есть плодъ, можетъ быть, удѣленной ей мною отравы. О, возлюбленные мои, колико должны вы меня ненавидѣть!

Валдай.

Новый сей городокъ, сказываютъ, поселенъ при царѣ Алексѣе Михайловичѣ взятыми въ плѣнъ Поляками. Сей городъ достопамятенъ въ разсужденіи любовнаго расположенія его жителей, а особливо женщинъ не замужнихъ.

Кто не бывалъ въ Валдаѣ, кто не знаетъ Валдайскихъ баранокъ и Валдайскихъ разрумяненыхъ дѣвокъ? И я въ молодыя въ мои лѣта парился у нихъ въ банѣ. Всякаго проѣзжающаго наглыя Валдайскія и стыдъ сопрясшія дѣвки останавливаютъ и стараются возжигать въ путешественникѣ любострастіе, воспользоваться его щедростію, на щетъ своего цѣломудрія. Сравнивая нравы жителей сего города съ нравами другихъ Россійскихъ городовъ, подумаешь, что онъ наидревнѣйшій, и что развратныя нравы суть единыя остатки его древняго построенія. Но какъ не много болѣе 100 лѣтъ онъ поселенъ, то можно судить сколь развратны были и первыя его жители.

Бани бывали и нынѣ бываютъ мѣстомъ любовныхъ торжествованій. Путешественникъ, условясь о пребываніи своемъ съ услужливою старушкою, или парнемъ, становиться на дворъ, гдѣ намѣренъ былъ приносить жертву всеобожаемой Ладѣ. Настала ночь. Баня для него уже уготована. Путешественникъ раздѣвается. Идетъ въ баню, гдѣ его встрѣчаютъ или хозяйка если молодая, или ея дочь, или свойственницы ее, или сосѣдки. Оттираютъ его утомленные члены, омываютъ его грязь. Сіе произво-

дятъ совлекши съ себя одежды, возжигаютъ въ немъ любострастный огонь, и онъ препроводитъ тутъ нощь, теряя деньги, здравіе и драгоценное на путешествіе время. Бывало сказываютъ, что оплошнаго и отягченнаго любовными подвигами и виномъ путешественника сіи любострастныя чудовища предавали смерти, дабы воспользоваться его имѣніемъ. Не вѣдаю правда ли сіе. Но то правда, что наглость валдайскихъ дѣвокъ сократилась. И хотя онѣ не откажутся удовлетворить желаніе путешественника; но прежней наглости въ нихъ не видно.

Нравы Валдайскія преселилися и въ близь лежащій почтовый станъ Зимогорье. Тутъ для путешественника такая же бываетъ встрѣча, какъ и въ Валдаѣ: прежде всего представятся разрумяненныя дѣвки съ баранками.

Но какъ молодыя лѣта мои уже прошли, то я поспѣшно разстаюся съ мазанными Валдайскими и зимогорьскими сиренами.

Едрово.

Доѣхавъ до жилья, я вышелъ изъ моей кибитки; неподалеку отъ дороги, надъ водою, стояло много бабъ и дѣвокъ. Страсть гос-

подствующая во всю жизнь надо мною, но уже почти угасшая, по обыкновенному ея стрѣмленію направила стопы мои къ толпѣ сельскихъ сихъ красавицъ. Они состояли болѣе нежели изъ тридцати женщинъ. Всѣ они были въ праздничной одеждѣ, шеи голыя, ноги босы, локти наружѣ, платье заткнутое съ переди за поясъ, рубахи бѣлыя, здоровье на щекахъ начерченное, пріятности загрубѣвшія хотя отъ зноя и холода, но пріятности безъ покрова хитрости. Красота юности въ полномъ блѣскѣ, въ устахъ улыбка, или сердечный смѣхъ; а отъ него видны становятся ряды зубовъ бѣлѣе чистѣйшей слоновой кости. Зубы, которые бы щеголихъ съ ума свели. Пріѣзжайте любезные наши барыньки Московскія и Петербургскія, посмотрите на ихъ зубы, учитесь у нихъ какъ ихъ содержать въ чистотѣ. Зубнаго врача у нихъ нѣтъ. Не сдираютъ они каждый день лоску съ зубовъ своихъ ни щетками ни порошками. Станьте съ которою вы изъ нихъ хотите ротъ со ртомъ; дыханіе ни заразитъ вашего легкаго...

У васъ на щекахъ румяна, но искренности.... сажа: все равно румяна или сажа въ глазахъ разума. Я побѣгу отъ васъ во всю конскую рысь къ моимъ деревенскимъ

красавицамъ. Есть ужъ между ими на васъ похожія, но есть такія, каковыхъ въ городахъ слыхомъ не слыхано и видомъ не видано. . . . но я еще все съ вами болтаю. — Посмотрите, какъ всѣ члены у моихъ красавицъ. Круглы, рослы, не искривлены, не испорчены. Вамъ смѣшно что у нихъ ступны въ 5 вершковъ, а можетъ быть и въ шесть. Ну, любезная моя племянница, съ трехъ вершковою твоею ножскою стань съ ней рядомъ и бѣгите въ запуску, кто скорѣе достигнетъ высокой березы по конецъ луга стоящей? А-а, это не твое дѣло! — а ты сестрица, моя голубушка, съ трехъ четвертнымъ своимъ станомъ въ охватѣ, ты изволишь издѣваться, что у сельской моей русалки брюшко на волѣ выросло. Постой, моя голубушка, посмѣюсь и я надъ тобою ты ужъ 10-й мѣсяцъ замужемъ, и ужъ трехчетвертной твой станъ изуродовался. А какъ то дойдетъ до родовъ запоешь другимъ голосомъ. Но дай то Богъ, чтобы обошлось все смѣхомъ. Дорогой мой зятюшка ходитъ, повѣся носъ. Уже всѣ твои шнурованья бросилъ въ огонь. Кости изъ всѣхъ твоихъ платьевъ повытаскалъ, но уже поздно. Сросшихся твоихъ на кривъ суставовъ тѣмъ не спрямишь. Плачь, мой любезный зять, плачь!

Мать наша, послѣдуя плачевной и смертію разрѣшающихся отъ бремени женъ ознаменованной модѣ, уготовала за многія лѣта тебѣ печаль, а дочери своей — болѣзнь, дѣтямъ твоимъ слабое тѣлосложеніе. Она теперь возноситъ надъ главою ея смертное остріе: и если оно не коснется дней твоея супруги, благодари случай, а если вѣрить, что и провидѣніе Божіе о томъ заботилося, то благодари и его. Но я еще съ городскими барынями.—Вотъ что дѣлаетъ привычка: и отвязаться не могу. Право съ вами бы не расстался, если бы могъ довести васъ до того, что бы лица своего и искренности не румянили. Теперь прощайте. — Покуда я глядѣлъ на моющихъ платья деревенскихъ нимфъ, кибитка моя уѣхала отъ меня, я намѣрился идти за ней въ слѣдъ, какъ одна дѣвка по виду лѣтъ 20, а конечно не болѣе 17, положа мокрое свое платье на коромысло, пошла одною со мною дорогою. Я, поровнявшись съ ней, началъ съ ней разговоръ: не трудно ли тебѣ нести такую тяжелую ношу, любезная моя, какъ назвать не знаю?—Меня зовутъ Анною, а ноша моя не тяжела. Хотя бы и тяжеле была я бы тебя, баринъ, не попросила мнѣ пособить. — Къ чему такая суровость, Аннушка, душа моя, я тебѣ ху-

дова не желаю. — Спасибо, спасибо, часто мы видимъ такихъ щелкуновъ какъ ты, пожалуй поди своей дорогой.—Анютушка, я право не таковъ, какъ я тебѣ кажусь и нетаковъ какъ тѣ, о которыхъ ты говоришъ. Тѣ, думая такъ, не начинаютъ, а съ деревенскими дѣвками начинаютъ поцѣлуемъ, но я хотя бы тебя и поцѣловалъ, то конечно бы такъ какъ сестру мою родную. — Не подъѣзжай пожалуй, расказы таковыя я слыхала. А коли ты худаго не мыслишь, чего же ты отъ меня хочешь?—Душа моя Аннушка, я хотѣлъ знать есть ли у тебя отецъ и мать, какъ ты живешъ богато ли или убого, весело ли, есть ли у тебя женихъ?—А на что это тебѣ, баринъ. Отъ роду въ первый разъ такія рѣчи слышу?—Изъ сего судить можешь, Анета, что я не негодный и не хочу тебя обругать или обезчестить. Я любилъ женщинъ для того, что онѣ соотвѣтственное имѣютъ сложеніе моей нѣжности, а болѣе люблю сельскихъ женщинъ или крестьянокъ для того, что онѣ не знаютъ еще притворства, не налагаютъ на себя ласку притворныя любви, а если любятъ, то любятъ отъ всего сердца, и искренно. Дѣвка въ сіе время смотрѣла на меня съ удивленіемъ. Да и такъ было бы должно; ибо кто незнаетъ,

съ какою наглостью дерзская рука поползается на непристойныя и оскорбительныя цѣломудрію шутки съ деревенскими дѣвками? Онѣ въ глазахъ старыхъ и молодыхъ— твари, созданныя на ихъ угожденіе. Такъ они и поступаютъ, а особливо съ нещастными подвластными ихъ велѣніямъ. Въ бывшее Пугачевское возмущеніе, когда всѣ служители вооружались на своихъ господъ, крестьяне (повѣсть сія не лжива) связавъ своего господина везли на неизбѣжную казнь. Какая тому была причина? Онъ во всемъ былъ господинъ добрый и человѣколюбивый, но мужъ не былъ безопасенъ въ своей женѣ, отецъ въ дочерѣ. Каждую ночь посланныя его приводили къ нему на жертву безчестія имъ того дня назначенную. Извѣстно въ деревнѣ было, что онъ смерзилъ 60 дѣвицъ, лишивъ ихъ непорочности. Наѣхавшая команда выручила сего варвара изъ рукъ, на него злобствовавшихъ. Глупые крестьяне, вы искали правосудія въ самозванцѣ, почто не повѣдали вы сего законнымъ судіямъ вашимъ? Они бы предали его гражданской смерти, и вы бы невинны осталися. А теперь злодѣй сей спасенъ, блаженъ если близкій взоръ смерти образъ мыслей его перемѣнитъ и дастъ жизненнымъ сокамъ другое

теченіе. Но крестьянинъ въ законѣ мертвъ, слѣдовательно противъ господина своего — возрыдавъ скажу — судиться не можетъ. Средство къ сему конечно будетъ то, чтобы и помѣщичьи крестьяне судимы были въ расправахъ и выбираемы были въ засѣдатели нижнихъ судовъ.—Если баринъ ты не шутишь, сказала мнѣ Анюта, то вотъ что я скажу тебѣ: у меня отца нѣтъ,—онъ умеръ года съ 2, есть матушка, да маленькая сестра. Батюшка намъ оставилъ 5 лошадей, три коровы. Есть и мѣлкаго скота и птицъ довольно. Но нѣтъ въ домѣ работниковъ. Меня было сватали въ богатый домъ, за парня 10 лѣтъ отъ роду; но я не захотѣла. Что мнѣ въ такомъ ребенкѣ, я его любить не буду. А какъ онъ придетъ въ пору, то скоро состарѣюсь и онъ будетъ таскаться съ чужими. Да сказываютъ, что свекръ самъ съ молодыми невѣсками спитъ, покуда сыновья выростаютъ. Мнѣ для того то и не захотѣлось итти въ эту семью. Я хочу себѣ ровню мужа. Буду любить, да и онъ меня любить будетъ, въ томъ не сомнѣваюсь. Гулять я съ молодцами не люблю, а замужъ баринъ хочется, да знаешь ли баринъ для чего? говорила Анета, потупя глаза. — Скажи душя моя, Анета, не стыдись, всѣ слова

въ устахъ невинности, непорочны суть — вотъ что я тебѣ скажу. Прошлымъ лѣтомъ годъ тому назадъ у сосѣда нашего женился сынъ на моей подругѣ, съ которой я хаживала всегда въ посидѣнки, мужъ ее такъ любитъ, и она его такъ любитъ, что на 10 мѣсяцъ послѣ вѣнчанья, она родила сынка. Всякой вечеръ она выходитъ пѣстовать его заворота. Она на него не наглядится, кажется будто и паренёкъ то матушку свою ужъ любитъ. Какъ она скажетъ ему агу, агу, онъ и засмѣется, мнѣ это до слезъ всякой день, мнѣ бы ужъ хотѣлось имѣть такого паренька. Я не могъ тутъ вострепѣть и обнявъ Анету поцѣловалъ ее отъ всего сердца моего. — Смотри, баринъ, какой ты обманщикъ, и ты ужь играешь со мною. Поди, сударь, прочь отъ меня, оставь бѣдную сироту, сказала Анета заплакавъ. Кабы батюшка живъ былъ и это видѣлъ тобы даромъ что господинъ, нагрѣлъ бы тебѣ шею. — Неоскорбляйся, моя любезная Анетушка, не оскорбляйся, поцѣлуй мой не осквернитъ твоей не порочности, она въ глазахъ моихъ священна. Поцѣлуй мой есть залогъ моего къ тебѣ почтенія и былъ исторгнутъ восхищеніемъ глубокотронутыя души. Небойся меня, любезная Анета, неподобенъ хищно-

му звѣрю, какъ наши молодые господчики, которые отъятіе не порочности ни вочто вмѣняютъ. Если бы я зналъ, что поцѣлуй мой тебя оскорбитъ, то клянусь тебѣ Богомъ, чтобы не дерзнулъ и до него. — Разсуди самъ, баринъ, какъ не осердится за поцѣлуй, когда они всѣ посулены ужъ другому? Они заранѣ всѣ уже отданы и я въ нихъ не власна.—Ты меня восхищаешъ, ты уже любить умѣешь? Ты нашла сердце своему другое, ему соотвѣтствующее? Ты будешь блаженна ничто не развратитъ союза вашего... Небудешь ты окружена хищными согладатаями, въ сѣти пагубы уловить тебя стерѣгущими. Небудетъ слухъ сердечнаго друга твоего уязвленъ прельщающимъ гласомъ, на сокрушенія его къ тебѣ вѣрности призывающимъ. Но почто же моя любезная, Анета, ты лишена удовольствія наслаждатся счастіемъ въ объятіяхъ твоего милаго друга? — Ахъ, баринъ, для того, что его не отдаютъ къ намъ въ домъ, просятъ сто рублей. А матушка меня не отдаетъ, я у нея одна работница.—Да любитъ ли онъ тебя?—Какъ же не такъ? Онъ приходитъ повечерамъ къ нашему дому и мы вмѣстѣ смотримъ на паренька моей подруги. Баринъ, ему хочется такого же паренька. Грусно

мнѣ будетъ, но надо тѣрпѣть; Ванька мой хочетъ итти на баркахъ въ Питеръ въ работу и не воротится, покуда не выробатаетъ 100 р. для своего выкупа. — Непускай ево, любезная Анетушка, не пускай ево, онъ идетъ на свою погибель. Житье городское для крестьянина погибель. Тамъ онъ научиться пьянствовать, мотать, лакомиться, не любить пашню, а больше всего онъ тебя и любить перестанетъ можетъ быть. А тѣмъ скорѣе если случится служить на барскомъ домѣ. Господскій примѣръ заражаетъ верхнихъ служителей, нижніе заражаются отъ верхнихъ, а отъ нихъ язва разврата достигнетъ и до деревень. Худой примѣръ есть истинная чума, кто его не видитъ, всякъ тоже дѣлаетъ. — Да какъ же быть? — такъ мнѣ и вѣкъ за нимъ небывать. Ему пора уже жениться, по чужимъ онъ изгуляется, меня не отдаютъ къ нему въ домъ, то высватаютъ другую, а я, бѣдная, умру съ горя. Сіе говорила она, проливая горькія слезы.— Нѣтъ, моя любезная Анетушка, ты завтра же будешь замужемъ. Повѣди меня къ своей матерѣ. — Да вотъ нашъ дворъ, сказала она остановясь, проходите мимо, матушка меня увидитъ, и худое подумаетъ. А хотя она меня и не бьетъ, но слово ее одно

мнѣ тяжелѣе всякихъ побоевъ.—Нѣтъ, моя Анета, я пойду съ тобою. И, не дожидаясь ея отвѣта, вошелъ въ ворота и прямо пошелъ на лѣстницу и въ избу. Анета мнѣ кричала въ слѣдъ, постой, баринъ, постой. Но я ей не отвѣчалъ. Въ избѣ нашелъ я Анетину мать, которая квашню мѣсила, подлѣ нея на лавкѣ сидѣлъ будущій ея зять. Они удивилися моему приходу. Я безъ дальнихъ околичностей ей сказалъ, что я желаю чтобъ дочь ея была замужемъ за Иваномъ, и для того принесъ ей то, что надобно для отвлеченія препятствія въ семъ дѣлѣ. — Спасибо баринъ, сказала старуха, въ этомъ теперь ужъ нѣтъ нужды. Ванюха теперь пришелъ сказывалъ, что отецъ ужъ отпускаетъ его ко мнѣ въ домъ. И у насъ въ Воскресенье будетъ свадьба. — Пускай же посуленное отъ меня будетъ Анетѣ въ приданое. — И на томъ спасибо, приданое бояре дѣвкамъ даромъ не даютъ. Если вы надъ моей Анютой что сдѣлали и за то даете ей приданое; то Богъ васъ накажетъ за ваше безпутство, а денегъ я не возьму. Если же добрый человѣкъ и не наругаешься надъ бѣдными, то взявъ отъ тебя деньги, лихіе люди мало ли что подумать могутъ. Я не могъ надивится, нашедъ толико бла-

городства въ образѣ мыслей у сельскихъ жителей. Анета между тѣмъ вошла въ избу, и матери своей меня расхвалила. Я было попытался еще имъ дать денегъ, отдавая ихъ Ивану на заведеніе дому. Но онъ мнѣ сказалъ: у меня баринъ есть двѣ руки и ими я домъ заведу. Примѣтивъ, что мое присутствіе было имъ не очень пріятно, я ихъ оставилъ, и возвратился къ моей кибиткѣ.

Ѣдучи изъ Бронницъ, Анета изъ мысли моей не выходила откровенность ея невинности мнѣ нравилася безмѣрно. Благородный поступокъ ея матери меня плѣнилъ. Я сію почтенную мать съ засученными рукавами за квашнею, или съ подойникомъ подлѣ коровы, сравнивалъ съ городскими матерями. Крестьянка не хотѣла у меня взять непорочныхъ, благоумышленныхъ 100 р., которыя въ соразмѣрности состояній долженствуетъ быть, для полковницы, совѣтницы, маіорши, генеральши, 50, 15 тысячь или болѣе; если еслиже Г. Полковницѣ, Маіоршѣ, Совѣтницѣ или Генеральшѣ (въ соразмѣрности моего положенія къ Бронницкой ямщичкѣ), у которой дочка или дочки лицемъ не дурны, или только что дѣвы и того уже довольно, знатный баринъ 70-й

или чего Боже сохрани, 72-й пробы, посулитъ 5, 10, 15 тысячь или глупое знатное приданое, или сыщетъ чиновнаго жениха, или выпроситъ въ почетныя дѣвицы, то я васъ спрашиваю, городскія матушки, не юкнетъ ли у васъ сердечко, не захочется ли видѣть дочьку въ позлащенной каретѣ, въ бриліантахъ, ѣдущею четвернею, если ты ходишь пѣшкомъ, ѣдущую цугомъ въ мѣсто двухъ заморенныхъ клячь, которыя тебя тоскаютъ, или ѣдущую въ придворной каретѣ, въ мѣсто собственной шестилошадной. Я согласенъ въ томъ съ вами, чтобы вы обрядъ и благочиніе сохранили, и не такъ легко сдалися, какъ феатральныя дѣвки. Нѣтъ, мои голубушки, я вамъ даю сроку на мѣсяцъ, на два, но не болѣе. А если заставите воздыхать первостатейную безплодно, то онъ, будучи занятъ дѣлами государственными, васъ оставитъ, дабы не терять съ вами драгоцѣннаго времени, которое онъ лучше употребитъ на пользу общественную. Тысяча голосовъ на меня подымится, ругаютъ меня самыми мерзкими названіями. Голубушки мои успокойтесь, я вашей чести не поношу, поглѣдитесь въ сіе зеркало и кто изъ васъ себя въ немъ узнаетъ, то брани меня безъ всякаго милосердія, жалобницы

на ту я не подамъ и судя по формѣ говорить съ ней не стану.

Анета, Анета, ты мнѣ голову скружила, для чего я тебя не узналъ лѣтъ 15 тому назадъ. Твоя откровенная невинность, любострастному дерзновенію неприступная научила бы меня ходить во стезяхъ цѣломудрія. Для чего первый мой въ жизни поцѣлуй не былъ тотъ, который я на щекѣ твоей примѣтилъ въ душевномъ восхищеніи. Отраженіе твоея жизненности проникнули бы въ глубину моего сердца, и я избѣгнулъ бы скаредностей, житіе мое исполнившихъ. Я бы удалился отъ смрадныхъ темницъ любострастія, почтилъ бы ложе супружества, ненарушилъ бы союза родства, моею плотскою несытостію, дѣвственности же коснутися не дерзнулъ бы. О моя Анетушка, сиди всегда у перевоза и давай наставленія твоею незастѣнчивою невинностію. Увѣренъ въ сердце моемъ, увѣренъ, что обратишь на путь добродѣланія, начинающаго съ онаго совращатися, и укрѣпишь въ немъ къ совращенію наклоннаго. Не востревожся, если закоренѣлый въ развратности, посѣдѣлый въ объятіяхъ безпудства, мимо тебя пройдетъ и тебя презритъ. Не тщися воспретить его шествія услажденіемъ твоего разговора.

Сердце его уже камень; душа его покрылася алмазною корою. Не можетъ благодѣтельное жало невинныя добродѣтели, положить на немъ глубокія черты. Конецъ его скользнетъ по поверхности гладко затвердѣлаго порока. Блюди, да о нее остріе твое не притупится. Но не пусти миновати взоровъ твоихъ юношу, опасными лѣпоты прелѣстями облеченнаго, улови его въ свои сѣти. Онъ гордъ, надмѣненъ, порывистъ, наглъ, дерзновененъ, обидящь, уязвляющь кажется. Но сердце его уступитъ твоему впечатленію, и отверзется на воспріятіе благотворнаго твоего примѣра. Анета, я съ тобой не могу разстаться, хотя уже вижу 20-й столбъ отъ тебя. Но что такое за обыкновеніе, о которомъ мнѣ Анета сказывала. Ее хотѣли отдать за 10 лѣтняго ребенка. Кто могъ такой союзъ дозволить, почто не ополчится рука, законы хранящая, на искорененіе толикаго злоупотребленія? Въ христіанскомъ законѣ бракъ есть таинство, въ гражданскомъ соглашеніе или договоръ. Но таинство или договоръ, какой священнослужитель можетъ не равный бракъ благословить, или какой судія можетъ его вписать въ свой дневникъ? Гдѣ нѣтъ соразмѣрности въ лѣтахъ, тамъ и брака быть не можетъ. Сіе запрещаютъ правила есте-

ственности, яко вещь безполезную для человѣка, сіе запрещать долженствовалъ бы законъ гражданскій, яко вредную для общества. Мужъ и жена въ обществѣ суть два гражданина, дѣлающіе договоръ, въ законѣ утвержденный, которымъ обѣщеваются прежде всего на взаимное чувствъ услажденіе. (Да не дерзнетъ здѣсь никто оспорить первѣйшій законъ сожитія, на коемъ основано общество, начало любви непорочнѣйшія, и твердый камень основанія супружескаго согласія). Обѣщеваются жить вмѣстѣ, общее имѣть стѣжаніе, возрощать плоды своея горячности и дабы жить мирно, другъ друга не уязвлять. При неровенствѣ лѣтъ, можно ли сохранить условія сего соглашенія? Если мужъ 10-ти лѣтъ, а жена 25-ти, какъ то бываетъ часто въ крестьянствѣ, или если мужъ 50, а жена 15 или 20 лѣтъ, можетъ ли быть взаимное чувствъ услажденіе? Скажите вы мнѣ мужья-старички, но скажите по совѣсти, стоите ли вы названія мужа, вы можете только возжечь огонь любовной, не въ состояніи оной утушить. И такъ единый изъ первѣйшихъ законовъ природы нарушается. А мудрый законодатель утверждаетъ только естественный законъ, а тѣмъ и положительной бываетъ тверже возрощать

плоды взаимной горячности. Но можетъ ли быть тутъ взаимность, гдѣ съ одной стороны пламя, съ другой не чувствительность. Можетъ ли быть тутъ плодъ, если насажденное древо лишается благодѣтельнаго дождя и питающей росы. А если онъ когда и будетъ, то будетъ онъ тощь, невзраченъ, и скорому подверженъ тлѣнію. Не узвлять другъ друга. Правило предвѣчное, вѣрное. Буде счастливою въ супругахъ симпатіею чувства ихъ равномѣрно услаждаются, то союзъ брачный будетъ благополученъ, малыя домашнія волненія скоро остываютъ при нашествіи веселія. И когда мразъ старости подернетъ чувствительность къ чувственному веселію непроницаемою корою. Тогда на поминовеніе прежднихъ утѣхъ успокоитъ брюзгливою древность лѣтъ. Одно условіе брачнаго договора можетъ и въ неравенствѣ быть исполняемо, Жить вмѣстѣ. Но будетъ ли въ томъ взаимность. Одинъ будетъ начальникъ самовластный, имѣя въ рукахъ силу, другой будетъ слабый подданникъ, велѣнія господина своего исполнять только могущій — вотъ Анета благія мысли тобою мнѣ внушенныя. Прости, любезная моя Анетушка, поученія твои вѣчно пребудутъ въ сердцѣ моемъ впечатлены — сыны сыновъ моихъ да насладятся въ нихъ.

Хотиловъ.

. . . . . .

. . . . . .

Вышній Волочекъ.

Никогда не проѣзжалъ я сего новаго города, чтобы не посмотрѣть здѣшнихъ шлюзовъ. Первый, которому на мысль пришло уподобиться природѣ въ ея благодѣяніяхъ, и сдѣлать рѣку рукодѣльною, дабы всѣ концы единыя области, въ вящее привести сообщеніе, достоинъ памятника для дальнѣйшаго потомства.

Римляне строили большія дороги, водоводы, коихъ прочности и нынѣ по справедливости удивляются; но о водяныхъ сообщеніяхъ, каковыя есть въ Европѣ, они не имѣли понятія. Дороги, каковыя у Римлянъ бывали, наши не будутъ никогда; препятствуетъ тому наша долгая зима и сильныя морозы, а каналы и безъ обдѣлки не скоро заровняются.

Не мало увѣселительнымъ было для меня зрѣлищемъ, вышневолодскій каналъ, наполненный барками, хлѣбомъ и другимъ товаромъ нагруженными и пріуготовляющимися къ прохожденію сквозь слюзъ, для дальнѣйшаго плаванія до Петербурга. Тутъ видно

было истинное земли изобиліе, и избытки земледѣлателя; тутъ явенъ былъ во всемъ своемъ блѣскѣ, мощный побудитель человѣческихъ дѣяній, корыстолюбіе. Но если при первомъ взглядѣ, разумъ мой усладился видомъ благосостоянія, при раздробленіе мыслей скоро увяло мое радованіе. Ибо вспомянулъ, что въ Россіи многіе земледѣлатели, не для себя работаютъ; и такъ изобиліе земли во многихъ краяхъ Россіи доказываетъ, отягченный жребій ея жителей. Удовольствіе мое перемѣнилося въ равное негодованіе съ тѣмъ, какое ощущаю ходя въ лѣтнее время по таможенной пристани, взирая на корабли, привозящіе къ намъ избытки Америки, и другія ея произращенія, какъ-то: сахаръ, кофе, краски и другія, неосушившіяся еще отъ пота, слезъ и крови ихъ омывшихъ при ихъ воздѣланіи. Вообрази себѣ, говорилъ мнѣ нѣкогда мой другъ, что кофе налитой въ твоей чашкѣ и сахаръ распущенной въ ономъ лишали покоя тебѣ подобнаго человѣка, что они были причиною, превосходящихъ его силы, трудовъ, причиною его слезъ, стенаній, казни и поруганія; дерзай жестокосердый усладить гортань твою. Видъ прещенія сопутствующій сему изреченію, поколебнулъ меня до внут-

ренности. Рука моя задрожала и кофе пролился.

А вы, о жители Петербурга, питающіеся избытками изобильныхъ краевъ отечества вашего, при великолѣпныхъ пиршествахъ, или на дружескомъ пиру или на единѣ, когда рука ваша вознесетъ первый кусокъ хлѣба, опредѣленный на ваше насыщеніе, остановитеся и помыслите. Не тоже ли я вамъ могу сказать о немъ, что другъ мой говорилъ мнѣ о произведеніяхъ Америки. Не потомъ ли, не слезами ли и стенаніемъ утучнялися нивы, на который оныхъ возросъ. Блаженны, если кусокъ хлѣба вами алкаемый, извлеченъ изъ классовъ родившихся на нивѣ, казенною называемой, или по крайнѣй мѣрѣ, на нивѣ оброкъ помѣщику своему платящій. Но горе вамъ, если растворъ его составленъ изъ зерна лежавшаго въ житницѣ дворянской. На немъ почили скорбь и отчаяніе; на немъ знаменовалося проклятіе Всевышняго, егда во гнѣвѣ своемъ рѣкъ: проклята земля въ дѣлахъ своихъ. Блюдите да не отравлены будете, вожделенною вами пищею. Горькая слеза нищаго тяжко на ней возлегаетъ. Отрините ее отъ устъ вашихъ; поститеся, се истинное и полезное можетъ быть пощеніе.

Повѣствованіе о нѣкоторомъ помѣщикѣ докажетъ, что человѣкъ корысти ради своей забываетъ человѣчество въ подобныхъ ему, и что за примѣромъ жестокосердія, неимѣемъ нужды ходить въ дальныя страны, ни чудесъ искать за тридевять земель; въ нашемъ царствѣ они въ очью совершаются.

Нѣкто, не нашедъ въ службѣ, какъ то по просторѣчію называютъ, щастія, или не желая онаго въ ней снискать, удалился изъ столицы, пріобрѣлъ небольшую деревню, напримѣръ во сто или въ двѣсти душъ, опредѣливъ себя, искать прибытка въ земледѣліи. Не самъ онъ себя опредѣлялъ къ сохѣ, но вознамѣрился наидѣйствительнѣйшимъ образомъ, все возможное сдѣлать употребленіе естественныхъ силъ своихъ крестьянъ, прилагая оныя къ обработыванію земли. Способомъ къ сему надежнѣйшимъ почелъ онъ уподобить крестьянъ своихъ орудіемъ, ни воли ни побужденія не имѣющимъ; и уподобилъ ихъ дѣйствительно въ нѣкоторомъ отношеніи нынѣшняго вѣка воинамъ, управляемымъ грудою, устремляющимся на бою грудою, а въ единственности ничего незначущимъ. Для достиженія своея цѣли, онъ отнялъ у нихъ малой удѣлъ пашни и сѣнныхъ покосовъ, которые имъ на

необходимое пропитаніе, даютъ обыкновенно дворяне, яко въ воздаяніе за всѣ принужденныя работы, которыя они отъ крестьянъ требуютъ. Словомъ, сей дворянинъ, *нѣкто*, всѣхъ крестьянъ, женъ ихъ и дѣтей заставилъ во всѣ дни года работать на себя. А дабы они не умирали съ голоду, то выдавалъ онъ имъ опредѣленное количество хлѣба, подъ имянемъ мѣсячины извѣстное. Тѣ которые не имѣли семействъ, мѣсячины не получали, а пообыкновенію Лакедемонянъ пировали вмѣстѣ на городскомъ дворѣ, употребляя, для соблюденія желудка въ мясоѣдъ пустыя шти, а въ посты и посные дни хлѣбъ съ квасомъ. Истинные розговины бывали развѣ на святой недѣлѣ.

Таковымъ узникамъ, производилася также приличная и соразмѣрная ихъ состоянію одѣжда. Обувь для зимы, т. е. лапти дѣлали они сами; онучи получали отъ господина своего; а лѣтомъ ходили босы. Слѣдственно у таковыхъ узниковъ небыло ни коровы ни лошади, ни овцы, ни барана. Дозволеніе держать ихъ, господинъ у нихъ не отымалъ, но способы къ тому. Кто былъ позажиточнѣе, кто былъ умѣреннѣе въ пищѣ, тотъ держалъ нѣсколько птицъ, которыхъ господинъ иногда биралъ себѣ, платя за нихъ цѣну по своей волѣ.

При таковомъ заведѣніи неудивительно, что земледѣліе въ деревнѣ *Г. Пѣкто,* было въ цвѣтущемъ состояніи. Когда у всѣхъ худой былъ урожай, у него родился хлѣбъ самъ четвертъ; когда у другихъ хорошій былъ урожай, то у него приходилъ хлѣбъ самъ десятъ и болѣе. Въ недолгомъ времени къ двумъ стамъ душамъ, онъ еще купилъ двѣсти жертвъ своему корыстолюбію, и поступая съ сими равно какъ и съ первыми, годъ отъ году умножалъ свое имѣніе, усугубляя число стенящихъ на его нивахъ. Теперь онъ считаетъ ихъ уже тысячами, и славится какъ знаменитый земледѣлецъ.

Варваръ! Недостоинъ ты носить имя гражданина. Какая польза Государству, что нѣсколько тысячь четвертей въ годъ, болѣе родится хлѣба, если тѣ, кои его производятъ, щитаются на равнѣ съ воломъ, опредѣленнымъ тяжкую вздирати борозду? Или блаженство гражданъ въ томъ почитаемъ, чтобъ полны были хлѣба наши житницы, а желудки пусты? Чтобы одинъ благословлялъ правительство, а не тысящи? Богатство сего кровопійца ему не принадлежитъ. Оно нажито грабежемъ и заслуживаетъ строгаго въ законѣ наказанія. И суть люди, которыя взирая на утучненныя нивы сего палача, ставятъ его въ

примѣръ усовершенствованія въ земледѣліи. И вы хотите называться мягкосердыми, и вы носите имена попечителей о благѣ общемъ.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Мѣдное [1]).

«Во полѣ береза стояла, во полѣ кудрявая стояла, ай люли, люли, люли, люли!»... Хороводъ молодыхъ бабъ и дѣвокъ пляшутъ.... Уши мои задернулись печалію, и радостный гласъ нахитростнаго веселія, до сердца моего не проникъ. О мой другъ! гдѣ бы ты ни былъ, внемли и суди.

Каждую недѣлю два раза вся Россійская Имперія извѣщается, что Н. Н. или Б. Б. не въ состояніи или не хочетъ платить того, что занялъ, или взялъ, или чего отъ него требуютъ. Занятое или проигранное, проѣзжено, прожито, проѣдено, пропито, про.... или раздарено, потеряно въ огнѣ, или водѣ, или Н. Н. или Б. Б. другими какими либо случаями, вошелъ въ долгъ или подъ взысканіе. То и другое наравнѣ въ вѣдомостяхъ пріемлется. Публикуется: —

---

[1]) Передъ этимъ пропущены двѣ главы — „Выдропускъ“ и „Торжокъ“.ъ

«Сего... дня по полученіи въ 10 часовъ, по «опредѣленію Уѣзднаго Суда, или Городо- «ваго Магистрата, продоваться будетъ съ «публичнаго торга, отставнаго капитана Г... «недвижимое имѣніе, домъ состоящій въ... «части, подъ №... и при немъ шесть душъ «мужескаго и женскаго пола; продажа бу- «детъ при ономъ домѣ. Желающіе могутъ «осмотрѣть заблаговременно.»

На дешевое охотниковъ всегда много. Наступилъ день и часъ продажи. Покупщики съѣзжаются. Въ залѣ гдѣ оныя производится, стоятъ неподвижны, на продажу осужденные. Старикъ лѣтъ 75, опершись на вязовой дубинкѣ жаждетъ угадать, кому судьба его отдастъ въ руки, кто закроетъ его глаза. Съ отцомъ господина своего онъ былъ въ Крымскомъ походѣ, при Фельдмаршалѣ Минихѣ; въ Франкфуртскую баталію, онъ раненаго своего господина, унесъ на плечахъ изъ строю. Возвратясь домой былъ дядькою своего молодаго барина. Во младенчествѣ онъ спасъ его отъ утопленія, бросаясь за нимъ въ рѣку, куда сей упалъ переѣзжая на паромѣ и съ опасностію своей жизни, спасъ его. Въ юношествѣ выкупилъ его изъ тюрьмы, куда посаженъ былъ за долги, въ бытность свою въ гвардіи унтеръ

Офицеромъ.—Старуха 80 лѣтъ, жена его, была кормилицею матери молодаго своего барина; его была нянькою, и имѣла надзираніе за домомъ, до самаго того часа, какъ выведена на сіе торжище. Во все время службы своея ничего у господъ своихъ неутратила, ничѣмъ не покорыстовалась, не когда не лгала, а если и когда имъ досадила, то развѣ своимъ праводушіемъ. Женщина лѣтъ въ 40 вдова, кормилица молодаго своего барина. И до днесь чувствуетъ она еще къ нему нѣкоторую нѣжность. Въ силахъ его льется ея кровь. Она ему вторая мать, и онъ ей болѣе животомъ своимъ обязанъ, нежели природной своей матери. Сія зачала его въ веселіи, о младенчествѣ его нерадѣла. Кормилица и нянька его были воспитанницы. Онѣ съ нимъ разстаются, какъ съ сыномъ.—Молодица 18 лѣтъ дочь ея и внучька стариковъ. Звѣрь лютый, чудовище, извергъ! Посмотри на нее, посмотри на румяныя ея ланиты, на слезы ліющіяся изъ ея прелестныхъ очей. Не ты ли, не возмогши прельщеніемъ и обѣщаніями уловить ея невинности, ни устрашать ея непоколебимости угрозами и казнію, наконецъ употребленъ обманъ, обвѣнчавъ ее за спутника твоихъ мерзостей, и въ видѣ его насла-

дился веселіемъ, котораго она дѣлить съ тобою гнушалася. Она узнала обманъ твой. Вѣнчанной съ нею не коснулся болѣе ея ложа; и ты лишенъ ставъ твоея утѣхи, употребилъ насиліе. Четыре злодѣя исполнители твоея воли, держа руки ея и ноги... но сего не окончаемъ. На челѣ ея скорбь въ глазахъ отчаяніе. Она держитъ младенца, плачевный плодъ обмана или насилія, но живой слѣпокъ прелюбодѣйнаго его отца. Родивъ его позабыла отцево звѣрство, и сердце начало чувствовать къ нему нѣжность. Она боится, чтобы не попасть въ руки ему подобнаго.—Младенецъ... твой сынъ, твоя кровь. Дѣтина лѣтъ 25 вѣнчанный ея мужъ, спутникъ и наперстникъ своего господина. Звѣрство и мщеніе въ ево глазахъ. Раскаевается о своихъ къ господину своему угожденіяхъ. Въ карманѣ его ножъ; онъ его схватилъ крѣпко; мысль его отгадать не трудно.... Безплодное рвѣніе. Достанется другому. Рука господина твоего, носящаяся надъ главою раба непрестанно, согнетъ выю твою на всякое угожденіе. Гладъ, стужа, зной, казнь, все будетъ противъ тебя. Твой разумъ чуждъ благородныхъ мыслей, ты умереть не умѣешь. Ты склонишься и будешь рабъ духомъ, какъ и состояніемъ; а

еслибы восхотѣлъ противиться умрешъ въ оковахъ томною смертію. Судіи между вами нѣтъ. Незахочетъ мучитель твой самъ тебя наказывать, — онъ будетъ твой обвинитель. Отдастъ тебя градскому правосудію. Правосудіе! гдѣ обвиняемый не имѣетъ почти власти оправдаться. Пройдемъ мимо другихъ несчастныхъ выведенныхъ на торжищѣ.

Едва ужасоносный молотъ изпустилъ тупой свой звукъ, и четверо несчастныхъ узнали свою участь. Слезы, рыданіе, стонъ пронзили уши всего собранія. Наитвердѣйшія были тронуты. Окаменѣлыя сердца! почто безплодное соболѣзнованіе? О квакеры! если бы мы имѣли вашу душу, мы бы сложилися и купивъ сихъ несчастныхъ, даровали бы имъ свободу. Живъ многія лѣта въ объятіяхъ одинъ другаго, несчастные сіи къ поносной продажѣ, возчувствуютъ тоску разлуки. Но если законъ, иль лучше сказать, обычай варварской, ибо въ законѣ того не написано, дозволяетъ толикое человѣчеству посмѣяніе, какое право имѣете продовать сего младенца? Онъ незаконно рожденный. Законъ его освобождаетъ. Постойте я буду доноситель; я избавлю его. Если бы съ нимъ могъ спасти и другихъ! О счастіе! почто ты такъ обидѣло меня въ твоемъ раздѣлѣ?

Днесь жажду вкусите прелѣстнаго твоего взора, впервые ощущать начинаю страсть къ богатству. Сердце мое столь было стѣснено, что выскочивъ изъ среды собранія, и отдавъ нещастнымъ послѣднею гривну изъ кошелька, побѣжалъ вонъ. На лѣстницѣ встрѣтился мнѣ одинъ чужестранецъ, мой другъ. — Что тебѣ сдѣлалось? Ты плачешь! Возвратись, сказалъ я ему, не будь свидѣтелемъ страшнаго позорища. Ты проклиналъ нѣкогда обычай, варварской въ продажѣ черныхъ невольниковъ, въ отдаленныхъ селеніяхъ твоего отечества, возвратись, повторилъ, небудь свидѣтелемъ нашего затмѣнія, и да невозвѣстити стыда нашего твоимъ согражданамъ, бѣсѣдуя съ ними о нашихъ правахъ....

Тверь.

Стихотворство у насъ, говорилъ товарищь мой трактирнаго обѣда, въ разныхъ смыслахъ какъ оно пріемлется, далеко еще отстоитъ величія. Поэзія было пробудилась, но нынѣ паки дремлетъ, а стихотвореніе шагнуло одинъ разъ и стало въ пень.

Ломоносовъ уразумѣвъ смѣшное въ польскомъ одѣяніи нашихъ стиховъ, снялъ съ нихъ несродное имъ полукафтанье. Подавъ хорошіе примѣры новыхъ стиховъ, надѣлъ на послѣдователей своихъ узду великаго примѣра, и никто доселѣ отшатнуться отъ него не дерзнулъ. По несчастію случилося, что Сумароковъ въ то же время былъ; и былъ отмѣнный стихотворецъ. Онъ употреблялъ стихи по примѣру Ломоносова, и нынѣ всѣ въ слѣдъ за нимъ, не воображаютъ, чтобы другіе стихи быть могли, опричъ ямба, какимъ писали сіи оба знаменитые мужа, Хотя оба сіи стихотворцы преподавали правила другихъ стихосложеній, а Сумароковъ и во всѣхъ родахъ оставилъ примѣры, но они столь маловажны, что ни отъ кого подражанія не заслужили. Если бы Ломоносовъ преложилъ Іова, или псалмопѣвца дактилями, или если бы Сумароковъ, Семиру или Димитрія написалъ хореями, то и Херасковъ вздумалъ бы, что можно писать другими стихами опричь ямбовъ, и болѣе бы славы въ осмилѣтнемъ своемъ пріобрѣлъ трудѣ, описавъ взятіе Казани, свойственнымъ Епопеи стихосложеніемъ. Не дивлюсь, что древней треухъ на Вергилія надѣтъ Ломоносовскимъ покроемъ, но желалъ бы я,

чтобы Омиръ между нами не въ ямбахъ явился, но въ стихахъ подобныхъ его, ексаметрахъ, и Костровъ хотя не стихотворецъ, а переводчикъ, сдѣлалъ бы епоху въ нашемъ стихосложеніи; ускоривъ шествіе самой Поэзіи цѣлымъ поколѣніемъ.

Но не одни Ломоносовъ и Сумароковъ, остановили Россійское стихосложеніе. Неутомимый возовикъ Тредьяковскій, не мало къ тому способствовалъ своею Телемахидою. Теперь дать примѣръ новаго стихосложенія очень трудно, ибо примѣры въ добромъ и худомъ стихосложеніи, глубокій пустили корень. Парнассъ окруженъ Ямбами и рифмы стоятъ вездѣ на караулѣ. Кто бы не задумалъ писать диктилями, тому тотъ часъ Тредьяковскаго приставятъ дядькою и прекраснѣйшее дитя долго казаться будетъ уродомъ, доколѣ не родится Мильтона, Шекспира или Волтера. Тогда и Тредьяковскаго выроютъ изъ порозшей мхомъ забвенія могилы, въ Телемохидѣ найдутся добрые стихи и будутъ въ примѣръ поставляемы.

Долго къ благой перемѣнѣ въ стихосложеніи препятствовать будетъ привыкшее ухо ко краестовію. Слышавъ долгое время единогласное въ стихахъ окончаніе безъ рифмы покажется грубо, негладко и нестройно. Та-

ково оно и будетъ доколѣ Французской языкъ будетъ въ Россіи больше другихъ языковъ въ употребленіи. Чувство наше, какъ гибкое и малодое древо, можно выростить прямо и криво, по произволенію. Сверхъ же того въ стихотвореніи такъ, какъ и во всѣхъ вѣщахъ можетъ господствовать мода, и если она хотя нѣсколько имѣетъ въ себѣ естественнаго, принята будетъ безъ прикословія. Но все модное мгновенно, а особливо въ стихотворствѣ. Блескъ наружный можетъ заржавѣть, но истинная красота не поблекнетъ никогда. Омиръ, Виргилій, Мильтонъ, Рассинъ, Волтеръ, Шекспиръ, Тассо и многіе другіе, читаны будутъ доколѣ неистребится родъ человѣческій.

Излишнимъ почитаю я бѣсѣдовать съ вами, о разныхъ стихахъ Россійскому языку свойственныхъ. Что такое ямбъ, хорей, дактиль или анапестъ, всякъ знаетъ, если не много кто разумѣетъ правила стихосложенія. Но то бы было не излишнѣе, если бы я могъ дать примѣры въ разныхъ родахъ достаточные. Но силы мои и разумѣнія коротки. Если совѣтъ мой можетъ что либо здѣлать, то я бы сказалъ, что Россійское стихотворство, да и самъ Россійскій языкъ, гораздо обаготились бы, еслибы переводы

стихотворныхъ сочиненій дѣлали не всегда ямбами. Гораздо бы епетической поэмѣ свойственнѣе было, если бы переводъ Генріады небылъ въ ямбахъ, а ямбы не краесловные хуже прозы.

Все вышесказанное изрекъ мирной мой товарищъ, однимъ духомъ и съ толико поворотливостію языка, что я не успѣлъ ничего ему сказать на возраженіе хотя много кой чего имѣлъ на защищеніе ямбовъ и всѣхъ тѣхъ, которые ими писали.

Я и самъ продолжалъ онъ, заразительному послѣдовалъ примѣру, и сочинялъ стихи ямбами, но то были оды. У меня есть остатокъ одной изъ нихъ, всѣ прочія сгорѣли въ огнѣ; да и оставшеюся таже ожидаетъ участь, какъ и сестеръ ея, постигшая. Въ Москвѣ не хотѣли ее напечатать, по двумъ причинамъ, первая, что смыслъ въ стихахъ не ясенъ, и много стиховъ топорной работы, другая, что предмѣтъ стиховъ несвойственъ нашей землѣ. Я ѣду теперь въ Петербургъ, просить о изданіи ея въ свѣтъ, ласкаяся яко нѣжный отецъ своего дитяти, что ради послѣдней причины, для коей ее въ Москвѣ печатать не хотѣли снисходительно возрятъ на первую.

Я очень тому порадовался и хотѣлъ бы-

ло ему сказать, можетъ быть не пріятное, на его рѣчь, возраженіе, но колокольчикъ возвѣстилъ мнѣ, что въ дорогѣ складнѣе поспѣшать на почтовыхъ клячахъ, нежели карабкаться, на небаса, когда онъ съ норовомъ.

Городня.

Въѣзжая въ сію деревню не стихотворческимъ пѣніемъ, слухъ мой былъ ударяемъ но пронзающимъ сердца воплемъ женъ, дѣтей и старцевъ. Вставь изъ моей кибитки отпустилъ я ее къ почтовому двору любопытствуя узнать причину, примѣтнаго на улицѣ смятенія.

Подошедъ къ одной кучѣ узналъ я, что рекрутскій наборъ былъ причиною рыданія и слезъ многихъ толпящихся. Изъ многихъ селеній казенныхъ и помѣщичьихъ сошлися отправляемые на отдачу рекруты.

Въ одной толпѣ старуха лѣтъ 50-ти держа за голову 20-ти лѣтняго парня, вопила: Любезное мое дитятко, на кого ты меня покидаешь? Кому ты поручаешь домъ родительской? Поля наши порастутъ травою; мохомъ наша хижина. Я бѣдная престарѣлая мать твоя, скитаться должна по міру.

Кто согрѣетъ мою дряхлость отъ холода, кто укроетъ ее отъ зноя? Кто напоитъ меня и накормитъ? Да все то не столь сердцу тягостно; кто закроетъ мои очи при издыханій? Кто приметъ мое родительское благословѣніе! Кто тѣло предастъ общей нашей матери сырой землѣ. Кто придетъ воспомянуть меня надъ могилою? Не канетъ на нее твоя горячая слеза, не будетъ мнѣ отрады той.

Подлѣ старухи стояла дѣвка взрослая. Она также вопила. Прости мой другъ сердечный, прости мое красное солнышко. Мнѣ твоей невѣстѣ нареченной, не будетъ больше утѣхи ни веселья. Не позавидуютъ мнѣ подруги мои. Не взойдетъ надо мною солнце для радости. Горевать ты меня покидаешь, ни вдовою ни мужнею женою, Хотя бы безчеловѣчные наши старосты, дали бы намъ обвѣнчатися; хотя бы, мой милый другъ, хотя бы одну уснулъ ночиньку, уснулъ бы на бѣлой моей груди. Авось ли Богъ меня помиловалъ, и далъ бы мнѣ паренька на утѣшеніе.

Парень имъ говорилъ: перестаньте плакать, перестаньте рвать мое сердце. Зоветъ насъ Государь на службу. На меня палъ жребій. Воля Божія. Кому не умирать тотъ живъ будетъ. Авось либо дослужуся до чи-

на. Не крушися моя матушка родимая. Береги для меня Прасковьюшку. Рекрута сего отдавали изъ экономическаго селенія.

Со всѣмъ другого рода слова, внялъ слухъ мой въ близъ стоящей толпѣ. Среди оной я увидѣлъ человѣка лѣтъ 30-ти, посредственнаго роста, стоящего бодро и весело но окрестъ стоящихъ взирающаго.

Услышалъ Господь Богъ молитву мою, вѣщалъ онъ. Достигли слезы несчастнаго до утѣшителя всѣхъ. Теперь буду хотя знать, что жребій мой зависѣть не можетъ отъ своенравія женскаго. Одна мысль утѣшаетъ, что безъ суда ботажьемъ наказанъ небуду.

Узнавъ изъ рѣчей его, что онъ господскій былъ человѣкъ, любопытствовалъ отъ него узнать причину необыкновеннаго удовольствія. На вопросъ мой о семъ, онъ отвѣтствовалъ: если бы, государь мой съ одной стороны, поставлена была висилица, а съ другой глубокая рѣка и стоя между двугъ гибелей, неминуемо бы должно было идти на право или на лѣво, въ петлю или въ воду, что избрали бы вы, чего бы заставилъ желать разсудокъ и чувствительность? Я думаю, да и всякій другой, избралъ бы бросится въ рѣку, въ надеждѣ, что преплывъ на другой брегъ опасность уже минется,

Ни кто не согласился бы испытать, тверда ли петля, своей шеею. Таковъ мой былъ случай. Хорошо бы и то когда бы тѣмъ и конецъ былъ, но умирать тошною смертію, подъ ботажьемъ, подъ кошками, въ кандалахъ, въ погребѣ, нагу, босу, алчущу, жаждущу, при всегдашнемъ поруганіи; государь мой, хотя холопей считаете вы своимъ имѣніемъ, нерѣдко хуже скотовъ, но къ несчастію ихъ горчайшему они чувствительности не лишены. Вамъ удивительно, вижу я, слышать таковыя слова въ устахъ крестьянина; но слышавъ ихъ, для чего не удивляетесь жестокосердію своихъ собратій дворянъ.

И по истинѣ не ожидалъ я сказаннаго отъ одѣтаго въ смурый кафтанъ со бритымъ лбомъ. Но желая удовлетворить моему любопытству, я просилъ его, чтобы онъ увѣдомилъ меня, какъ будучи толь низкаго состоянія, онъ достигъ понятій, не достающихъ не рѣдко въ людяхъ, не свойственно называемыхъ благородными.

Если вы не поскучаете слышать моей повѣсти, то я вамъ скажу, что я родился въ рабствѣ; сынъ дядьки моего бывшаго господина. Сколь восхищаюсь я, что не назовутъ уже меня Ванькою, ни поноситель-

нымъ именованіемъ, ни позыва не сдѣлаютъ свистомъ. Старый мой баринъ, человѣкъ добросердечный, разумной и добродѣтельной, нерѣдко рыдавшій надъ участью своихъ рабовъ, хотѣлъ за долговременныя заслуги отца моего, отличить и меня, давъ мнѣ воспитаніе на равнѣ съ сыномъ своимъ. Различія между нами почти не было, развѣ только то, что онъ на кафтанѣ носилъ сукно моего потонѣ. Чему учили молодаго боярина, тому учили и меня, наставленіи намъ во всемъ были одинаковы, и безъ хвастовства скажу, что во многомъ я лучше успѣлъ своего молодаго господина.

Ванюша, говорилъ мнѣ старый баринъ, счастіе твое зависитъ во всемъ отъ тебя, ты болѣе къ учености и нравственности имѣешь побужденій, нежели мой сынъ. Онъ по мнѣ будетъ богатъ, и нужды не узнаетъ, а ты съ рожденіемъ съ нею познакомился. И такъ старайся быть достоинъ моего о тебѣ попеченія. На 17-мъ году возраста молодаго моего барина отправленъ былъ онъ и я въ чужіи краи, съ надзирателемъ, коему предписано было, меня почитать сопутникомъ, а не слугою. Отправляя меня старый мой баринъ сказалъ мнѣ: надѣюсь, что ты возвратишься къ утѣшенію моему и своихъ

родителей. — Рабъ ты въ предѣлахъ сего государства, но внѣ оныхъ ты свободенъ. Возвратяся же въ оное, узъ рожденіемъ твоимъ тебя положенныхъ, ты не обрящешъ. Мы отсутственны были 5 лѣтъ, а возвращались въ Россію; молодой мой баринъ въ радости видѣть своего родителя, а я признаюсь ласкаяся пользоваться сдѣланнымъ мнѣ обѣщаніемъ. Сердце трепетало вступая опять въ предѣлы моего отечества. И по истинѣ предчувствіе его было не ложно. Въ Ригѣ молодой мой господинъ, получилъ извѣстіе о смерти своего отца. Онъ былъ ею тронутъ, я приведенъ въ отчаяніе. Ибо всѣ мои стараніи пріобрѣсти дружбу и довѣренность молодаго моего барина, всегда были тщетны. Онъ не только меня не любилъ, изъ зависти можетъ быть, тѣснымъ душамъ свойственной, но не навидѣлъ.

Примѣтивъ мое смятеніе, извѣстіемъ о смерти его отца произведенное, онъ мнѣ сказалъ, что сдѣланное мнѣ обѣщаніе не позабудетъ, если я того буду достоинъ. Въ первый разъ, онъ осмѣлился мнѣ сіе сказать, ибо получивъ свободу смертію своего отца, онъ въ Ригѣ же отпустилъ своего надзирателя, заплативъ ему за труды его щедро. Справедливость надлежитъ отдать бывшему мо-

ему господину, что онъ много имѣетъ хорошихъ качествъ, но робость духа и легкомысліе оные помрачаютъ.

Чрезъ недѣлю послѣ нашего въ Москву пріѣзда, бывшій мой господинъ, влюбился въ изрядную лицемъ дѣвицу, но которая съ красотою тѣлесною, соединяла скареднѣйшую душу, и сердце жестокое и суровое. Воспитанная въ надмѣнности своего происхожденія, отличностію почитала только внѣшность, знатность, богатство. Черезъ два мѣсяца она стала супругою моего барина, и моя повѣлительница.—До того времени я нечувствовалъ перемѣны въ моемъ состояніи, жилъ въ домѣ господина моего, какъ его сотоварищь. Хотя онъ мнѣ ничего не приказывалъ, но я предупреждалъ его иногда желанія, чувствуя его власть и мою участь. Едва молодая госпожа переступила порогъ дому, въ которомъ она опредѣляло ся начальствовать, какъ я почувствовалъ тягость моего жребія. Первой вечеръ на свадьбѣ и слѣдующій день, въ который я ей представленъ былъ супругомъ ея какъ его сотоварищь, она занята была обыкновенными заботами новаго супружества: но въ вечеру, когда при довольно многолюдномъ собраніи, пришли всѣ къ столу, и сѣ-

ли за первый ужинъ у новобрачныхъ. и я по обыкновенію моему сѣлъ на моемъ мѣстѣ на нижнемъ концѣ, то новая госпожа, сказала довольно громко своему мужу, если онъ хочетъ, чтобъ она сидѣла за столомъ съ гостями, тобы холопей за оный не сажалъ. Онъ взглянувъ на меня и движемъ уже ею, прислалъ ко мнѣ сказать, чтобъ я изъ за стола вышелъ; и ужиналъ бы въ своей горницѣ. Вообразите, колико чувствительно мнѣ было сіе уничиженіе. Я, скрывъ однакоже изступающія изъ глазъ моихъ слезы, удалился. На другой день не смѣлъ я показаться. Не навѣдываяся обо мнѣ, принесли мнѣ обѣдъ мой и ужинъ. Тоже было и въ слѣдующіе дни. Чрезъ недѣлю послѣ свадьбы, въ одинъ день, послѣ обѣда, новая госпожа осматривала домъ и разпредѣляя всѣмъ служителямъ должности и жилище, зашла въ мои комнаты. Онѣ для меня уготованы были старымъ моимъ бариномъ. Меня не было дома. Не повторю того, что она говорила, будучи въ оныхъ, мнѣ въ посмѣяніе, но возвратясь домой мнѣ сказали ея приказъ, что отведенъ уголъ въ нижнемъ этажѣ съ холостыми офиціантами: гдѣ моя постѣля, сундукъ съ платьемъ и бѣльемъ уже поставлены; все прочее она оста-

вила въ прежнихъ моихъ комнатахъ, въ коихъ помѣстила своихъ дѣвокъ.

Что въ душѣ моей происходило сіе удобнѣе чувствовать, если кто можетъ, нежели описать. Но дабы не занимать васъ излишнимъ можетъ быть повѣствованіемъ, госпожа моя вступивъ въ управленіе домомъ и находя во мнѣ способности къ услугѣ, поверстала меня въ лакеи, и надѣла на меня ливрѣю. Малѣйшее мнимое опущеніе сея должности, влекло за собою пощечины, батожье, кошки! О, государь мой, лучше бы мнѣ не родится! Колико кратъ негодовалъ я на умершаго моего благодѣтеля, что далъ мнѣ душу на чувствованіе. Лучше бы мнѣ было возрости въ невѣжествѣ, недумавъ никогда, что есмь человѣкъ всѣмъ равный. Давно бы, давно бы избавилъ себя ненавистной мнѣ жизни, если бы не удерживало прещеніе вышняго надъ всѣми судей. Я опредѣлилъ себя сносить жребій мой терпѣливо. И сносилъ не токмо уязвленія тѣлесныя, но и тѣ, коими она уязвляла мою душу. Но едва не преступилъ я своего обѣта, и не отъялъ у себя томныя остатки плачевнаго житія, при случившимся новомъ души уязвленіи.

Племянникъ моей барыни, молодецъ 18-ти

лѣтъ, сержантъ гвардіи, воспитаны во вкусѣ Московскихъ щегольковъ, влюбился въ горнишную дѣвку своей тетушки, и скоро овладѣвъ опытною ея горячностію, сдѣлалъ ея матерью. Сколь онъ нерѣшителенъ былъ въ своихъ любовныхъ дѣлахъ, но при семъ семъ происшествіи нѣсколько смутился. Ибо тетушка его, узнавъ о семъ запретила входъ къ себѣ своей горнишной; а племянника побранила слегка. По обыкновенію милосердыхъ господъ, она намѣрилась наказать ту, которую жаловала прежде, выдавъ ее за конюха за мужъ. Но какъ всѣ они были уже женаты, а беременной для славы дома надобенъ былъ мужъ, то хуже меня изъ всѣхъ служителей не нашла. И о семъ госпожа моя въ присутствіи своего супруга мнѣ возвѣстила, яко отмѣнную мнѣ милость. Не могъ я болѣе терпѣть поруганія.—Безчеловѣческая женщина! во власти твоей состоитъ меня мучить и уязвлять мое тѣло; говорите вы, что законы даютъ вамъ надъ нами сіе право. Я и сему мало вѣрю; но то твердо знаю, что вступать въ бракъ никто принужденъ быть не можетъ. Слова мои произвели въ ней звѣрское молчаніе. Обратясь потомъ къ супругу ея. — Неблагодарный сынъ человѣколюбиваго родителя, за-

былъ ты его завѣщаніе, забылъ и свое изреченіе; но не доводи до отчаянія души твоея благороднѣйшей, страшись! Болѣе сказать я не могъ, ибо по повѣленію госпожи моей, отведенъ былъ въ конюшню, и сѣченъ нещадно кошками. На другой день едва я могъ встать, отъ побоевъ, съ постѣли, и паки приведенъ былъ предъ госпожу мою. Я тебя прощу, говорила она, твою вчерашнюю дерзость; женись на моей Маврушкѣ, она тебя проситъ, и я любя ее въ самомъ преступленіи, хочу это для нее сдѣлать. Мой отвѣтъ сказалъ я ей, вы слышали вчера, другаго не имѣю. Присовокуплю только то, что просить на васъ буду начальство, въ принужденіи меня къ тому, къ чему не имѣете права. — Ну такъ пора въ солдаты, вскричала моя госпожа... Потерявшій путешественникъ въ страшной пустынѣ свою стезю, меньше обрадуется сыскавъ опять оную, нежели обрадованъ былъ я, услышавъ сіи слова. — Въ солдаты, повторила она и на другой день то было исполнено. Несмысленая! Мнѣ было то отрада, и какъ скоро мнѣ выбрили лобъ, то я почувствовалъ, что я переродился. Силы мои обновилися. Разумъ и духъ паки начали дѣйствовать. О надежда сладостное несчастному чувствіе пребуди

во мнѣ.—Слеза тяжкая но слеза горести и отчаянія изступила изъ очей его. Я прижалъ его къ сердцу моему. Лице его новымъ озарилось веселіемъ. Не все еще изчезло; ты вооружаешъ душу мою, вѣщалъ онъ мнѣ, противъ скорби, давъ чувствовать мнѣ, что бѣдствіе мое не безконечно...

Отъ сего несчастнаго я подошелъ къ толпѣ, среди которой увидѣлъ трехъ скованныхъ человѣкъ крѣпчайшими желѣзами. Удивленія достойно, сказалъ я самъ себѣ; взирая на сихъ узниковъ, теперь унылы, томны, робки, не токмо не желаютъ быть воинами, но нужна даже величайшая жестокость, дабы вмѣстить ихъ въ сіе состояніе, но обыкнувъ въ семъ званіи, становятся бодры, предпріимчивы, гнушаются даже прежняго своего состоянія. Я спросилъ у однаго близь стоящаго, которой по одеждѣ своей, приказнымъ служителемъ быть казался.—Конечно бояся ихъ побѣгу заключили ихъ въ толь тяжкія оковы.—Вы отгадали, они принадлежали одному помѣщику, которому понадобилися деньги на новую карету, и для полученія оной, онъ продалъ ихъ, для отдачи въ рекруты, казеннымъ крестьянамъ.

Я. Мой другъ ты ошибаешься, казенные крестьяне покупать не могутъ своей братіи.

Онъ. Не продажею оно и дѣлается. Господинъ сихъ несчастныхъ, взявъ по договору деньги, отпускаетъ ихъ на волю, они будто по желанію приписываются въ государственные крестьянѣ къ той волости, корая за нихъ платила деньги, а волость по общему приговору отдаетъ ихъ въ солдаты. Ихъ ведутъ теперь съ отпускными, для приписанія въ нашу волость.

Вольные люди, ничего не преступившіе, въ оковахъ, продаются какъ скоты! О законы! Премудрость ваша, что бываетъ только въ вашемъ слогѣ! Не явное ли и вамъ посмѣяніе! — Съ негодованіемъ отошелъ я отъ толпы.

Но склепанные узники теперь вольны. Если бы хотя не много имѣли твердости, утщетили бы удручительные помыслы своихъ тирановъ. Возвратимся... Друзья мои, сказалъ я плѣнникамъ въ отечествѣ своемъ вѣдаете ли вы, что если вы сами не желаете вступать въ воинское званіе, никто къ тому васъ теперь принудить не можетъ. Перестань баринъ шутить надъ горькими людьми. И безъ твоей шутки больно было разставаться одному съ дряхлымъ отцемъ,

другому съ малолѣтними сестрами, третьему съ молодою женою. Мы знаемъ, что господинъ насъ продалъ, для отдачи въ рекруты за тысячу руб. Если вы до сего времени не вѣдали, то вѣдайте, что въ рекруты продавать людей запрещается; что крестьяне людей покупать не могутъ, что вамъ отъ барина дана отпускная; и что васъ покупщики ваши хотятъ приписать въ свою волость, будто по вашей волѣ.—О если такъ баринъ, то спасибо тебѣ; когда насъ поставятъ въ мѣру, то всѣ скажемъ, что мы въ солдаты не хотимъ и что мы вольные люди. Прибавте къ тому, что васъ продалъ вашъ господинъ, не въ указное время, и что отдаютъ васъ насильнымъ образомъ [1]).

Легко себѣ вообразить можно радость распростершую на лицахъ сихъ несчастныхъ. Вспрянувъ отъ своего мѣста, и бодро потрясая свои оковы, казалося, что испытываютъ свои силы какъ бы ихъ свергнуть. Но разговоръ сей ввелъ было меня въ великія хлопоты, отдатчики рекрутскіе вразумѣвъ моей рѣчи, воспаленные гнѣвомъ, прискочивъ ко мнѣ, говорили, баринъ не въ

---

[1]) Во время рекрутскаго набора запрещается въ продажѣ крестьянъ совершать купчія. *Прим.* А. Н. Радищ.

свое мѣшаешся дѣло, отойди пока сухъ; и сопротивляющаго начали меня толкать столь сильно, что я съ поспѣшностію принуждаемъ былъ удалиться отъ сея толпы.

Подходя къ почтовому двору, нашелъ я еще собраніе поселянъ, окружающихъ человѣка въ разодранномъ сюртукѣ, нѣсколько козалося, пьянаго кривляющагося на предстоящихъ, которые, глядя на него, хохотали до слезъ. Что тутъ за чудо, спросилъ я у однаго мальчика, чему вы смѣетеся? А вотъ рекрутъ иноземецъ, по русски не умѣетъ пикнуть. Изъ рѣдкихъ словъ имъ изреченныхъ, узналъ я, что онъ былъ Французъ. Любопытство мое паче возбудилося; я желалъ узнать, какъ иностранецъ могъ отдаваемъ быть въ рекруты крестьянами? Я спросилъ его на сродномъ ему языкѣ. — Мой другъ какими судьбами ты здѣсь находишься?

Французъ. Судьбѣ такъ захотѣлося, гдѣ хорошо, тутъ и жить должно.

Я. Да какъ попался въ рекруты?

Франц. Я люблю воинскую жизнь, мнѣ она уже извѣстна, я самъ захотѣлъ.

Я. Но какъ то случилося, что тебя отдаютъ изъ деревни въ рекруты изъ деревень берутъ въ солдаты обыкновенно однихъ

крестьянъ, и русскихъ; а ты я вижу не мужикъ и не русскій.

Франц. А вотъ какъ. Я въ Парижѣ съ ребячества учился парикмахерству. Выѣхалъ въ Россію съ однимъ господиномъ. Чесалъ ему волосы въ Петербургѣ цѣлой годъ, ему мнѣ заплатить было нечемъ. Я оставивъ его; ненашедъ мѣста, чуть не умеръ съ голоду. По счастію могъ попасть въ матросы на корабль, идущій подъ Россійскимъ флагомъ. Прежде отправленія въ морѣ приведенъ я къ присягѣ, какъ Россійскій подданный, и отправился въ Любекъ. На морѣ часто корабельщикъ билъ меня линькомъ, за то, что былъ лѣнивъ. По неосторожности моей упалъ съ вантовъ на палубу и выломилъ себѣ три пальца, что меня навсегда сдѣлало неспособнымъ управлять гребнемъ. Пріѣхавъ въ Любекъ, попался Прусскимъ наборщикамъ, и служилъ въ разныхъ полкахъ. Нерѣдко за лѣность и пьянство битъ былъ палками. Заколовъ, будучи пьяный, своего товарища, ушелъ изъ Мемеля, гдѣ я находился въ гарнизонѣ. Вспомнилъ, что я обязанъ въ Россіи присягою; и яко вѣрный сынъ отечества отправился въ Ригу съ двумя талерами въ карманѣ. Дорогою питался милостынею. Въ Ригѣ счастіе и ис-

кусство мое мнѣ послужили; выигравъ въ шинкѣ рублей съ 20 и купивъ себѣ за 10 изрядный кафтанъ, отправился лакѣемъ съ Казанскимъ купцомъ въ Казань. Но проѣзжая Москву, встрѣтился на улицѣ съ двумя моими земляками, которые совѣтывали мнѣ оставить хозяина, и искать въ Москвѣ учительскаго мѣста. Я имъ сказалъ, что худо читать умѣю. Но они мнѣ отвѣчали, ты говоришь по Французски, то и того довольно. Хозяинъ мой не видалъ какъ я на улицѣ отъ него удалился, онъ продолжалъ путь свой, а я остался въ Москвѣ. Скоро мнѣ земляки мои нашли учительское мѣсто, за 150 руб. пудъ сахару, пудъ кофею, десять фунтовъ чаю въ годъ, столъ, слуга и карета. Но жить надлежало въ деревнѣ. Тѣмъ лучше. Тамъ цѣлой годъ не знали, что я писать не умѣю. Но какой то сватъ того господина, у котораго я жилъ, открылъ ему мою тайну, и меня свезли въ Москву обратно. Ненашедъ другаго подобнаго сему дурака, не могши отправлять мое ремесло съ изломанными пальцами, и боясь умереть съ голоду, я продалъ себя за 200 руб. Меня записали въ крестьянѣ, и отдаютъ въ рекруты. Надѣюсь говорилъ онъ важнымъ видомъ, что сколь скоро будетъ война, то

дослужуся до Генеральскаго чина; а не будетъ войны, то набью карманъ (коли можно) и увѣнчанъ лаврами, отъѣду на покой въ мое отечество.

Пожалъ я плечами не одинъ разъ, слушавъ сего бродягу, и съ уязвленнымъ сердцемъ легъ въ кибитку, отправился въ путь.

Завидово.

Лошади были уже впряжены въ кибитку, и я приготовлялся къ отъѣзду, какъ вдругъ сдѣлался на улицѣ великій шумъ. Люди начали бѣгать изъ краю въ край по деревнѣ. На улицѣ видѣлъ я воина въ гренадерской шабкѣ, гордо расхаживающаго, и, держа поднятую плеть, кричащаго: Лошадей скорѣе; гдѣ староста? Его Пр-ство будетъ здѣсь черезъ минуту; подай мнѣ старосту.... Снявъ шляпу за сто шаговъ, староста бѣжалъ во всю прыть, на сдѣланной ему позывъ. — Лошадей скорѣя. — Тотъ часъ батюшка; пожалуйте подорожную. — На. Да скорѣя же, а то я тебя.... говорилъ онъ поднявъ плѣть надъ головою дрожащаго старосты. Не доконченная ли рѣчь столь же была выраженія исполнена, какъ у Виргилія въ Енеидѣ, рѣчь Еола къ вѣтрамъ. «Я васъ»... и

сокращенной видомъ плѣти власновелительнаго гранодера, староста, столь же живо ощущалъ мощь десницы грозящаго воина, какъ бунтующіе вѣтры, ощущали надъ собою власть; сильной Еоловой остроги. Возвращая новому Полкану подорожную, староста говорилъ, «Его Пр-ству съ честною его фамиліей, потребно 50 лошадей, а у насъ на лице только 30, — другія въ разгонѣ. — Роди старый чертъ. А небудетъ лошадей, то тебя изуродою. — Да гдѣ же ихъ взять, коли взять негдѣ. — Разговорился еще... А вотъ лошади у меня будутъ.... и схватя старика за бороду, началъ его бить по плечамъ плетью, нещадно. — Полно ли съ тебя». Да вотъ три свѣжіе, говорилъ строгій судья ямскаго стана, указывая на вспряженныхъ въ мою повозку. Выпряги ихъ для насъ. — Коли баринъ то ихъ отдастъ. — Какъ бы онъ не отдалъ. У меня и ему тоже достанется. Да кто онъ таковъ?— Невѣсть какой то..... какъ онъ меня величалъ того не знаю.

Между тѣмъ я вышелъ на улицу, воспретилъ храброму предтечи Его Пр-ства исполнить его намѣреніе и, выпрягая изъ повозки моей лошадей, меня заставить ночевать въ почтовой избѣ.

Споръ мой съ Гвардейскимъ полканомъ, прерванъ былъ пріѣздомъ Его Прев.-ства Еще издали слышинъ былъ крикъ повощиковъ и топотъ лошадей, скачущихъ во всю мочь. Частое біеніе копытъ, и зрѣнію уже непримѣтное обращеніе колесъ подымающеюся пылью толико сгустили воздухъ, что колесница Его Прев-ства закрыта была не проницаемымъ облакомъ отъ взоровъ ожидающихъ его аки громовой тучи, ямщиковъ. Донъ Кишотъ конечно нѣчто чудное бы тутъ увидѣлъ: ибо несущееся пыльное облако подъ знатною Его Прев-ства особою, вдругъ остановяся разверзлося, и онъ предсталъ намъ отъ пыли серовидѣнъ,

Отъ пріѣзду моего на почтовой станъ, до того времени какъ лошади впряжены были въ мою повозку, прошло по крайнѣй мѣрѣ цѣлый часъ. Но повозки Его Прев-ства запряжены были не болѣе какъ въ четверть часа... и поскакали они на крылехъ вѣтра. А мои клячи, хотя лучше казались тѣхъ, кои удостоили вести Превосходительную особу, не боясь гранодерскаго кнута, бѣжали посредственною рысью.

Клинъ.

Какъ было во городѣ во Римѣ, тамъ жилъ да былъ Евфиміамъ Князь... Поющій сію народную пѣснь, называемою Алексѣемъ Божіимъ Человѣкомъ, былъ слѣпой старикъ, сѣдящій у воротъ почтоваго двора, окруженный толпою по большой части ребятъ и юношей. Сребровидная его голова, замкнутые очи, видъ спокойствія въ лицѣ его зримаго, заставляли взирающихъ на пѣвца предстоять ему съ благоговѣніемъ. Не искусной хотя его напѣвъ, но нѣжностію изрѣченія сопровождаемый, проницалъ въ сердца его слушателей, лучше природѣ внемлющихъ, нежели взрощенныхъ во благогласіи уши жителей Москвы и Петербурга внемлютъ кудрявому напѣву Габріели, Маркези, или Тоди. Ни кто изъ предстоящихъ не остался безъ зыбленія внутрь глубокаго, когда Клинскій певѣцъ, дошедъ до разлуки своего ироя, едва прерывающимся ежемгновенно гласомъ, изрекалъ свое повѣствованіе. Мѣсто на коемъ были его очи, исполнилися иступающихъ отъ бѣдъ души слезъ, и потоки оныхъ пролилися по ланитамъ воспѣвающаго. О природа колико ты властительна! Взирая на плачущаго старца,

жены возрыдали; со устъ юности отлѣтела сопутница ея улыбка; на лицѣ отрочества явились робость, не ложный знакъ болѣзненнаго, но неизвѣстнаго чувствованія, даже мужественный возрастъ, къ жестокости толико привыкшей, видъ воспріялъ важности. О! природа возопилъ я паки. . .

Сколь сладко не язвительно чувствованіе скорби! Колико сердце оно обнавляетъ, и онаго чувствительность. Я рыдалъ въ слѣдъ за ямскимъ собраніемъ, и слезы мои были столь же для меня сладостны, какъ исторгнутые изъ сердца Вертеромъ. О мой другъ, мой другъ! Почто и ты не зрѣлъ сея картины? Ты бы прослезился со мною, и сладость взаимнаго чувствованія была бы гораздо усладительнѣе.

По окончаніи пѣснословія, всѣ предстоящіе давали старику, какъ будто бы награду за его трудъ. Онъ принималъ всѣ денешки и полушки, всѣ куски и крохи хлѣба довольно равнодушно; но всегда сопровождая благодарность свою поклономъ, крестясь и говоря къ подающему. «Дай Богъ тебѣ здоровья». Я нехотѣлъ отъѣхать, не бывъ сопровождаемъ молитвою сего, конечно пріятнаго небу, старца. Желалъ его благословенія, на совершеніе пути и желанія моего.

Казалося мнѣ, да и всегда мечтаю, какъ будто благословеніе чувствительныхъ душъ, облегчаютъ стезю въ шествіи, и отъемлетъ терніе сомнительности. Подошедъ къ нему, я въ дрожащую его руку, толикоже дрожащую отъ боязни, не тщеславія ли ради то дѣлаю, положилъ ему рубль. Перекрестясь, не успѣлъ онъ изрещи, обыкновеннаго своего благословѣнія подающему, отвлеченъ отъ того необыкновенностію ощущенія, лежащаго въ его горьсти. И сіе уязвило мое сердце. Колико пріятнѣе ему, вѣщалъ я самъ себѣ, подаваемая ему полушка! Онъ чувствуетъ въ ней обыкновенное къ бѣдствіямъ соболѣзнованіе человѣчества, въ моемъ рублѣ ощущаетъ можетъ быть мою гордость. Онъ не сопровождаетъ его своимъ благословеніемъ. О! колико малъ я самъ себѣ козался, колико завидовалъ давшимъ полушку и кроюшку хлѣба пѣвшему старцу!—Не пятакъ ли? сказалъ онъ, обращая рѣчь свою неопредѣленно какъ и всякое свое слово. Нѣтъ дѣдушка рублевикъ, сказалъ близь стоящій мальчикъ. Почто такая милостыня? Сказалъ слѣпой опуская мѣста своихъ очей и ища казалося мысленно вообразите себѣ то, что въ горьсти его лежало. Почто она не могущему ею поль-

зоваться. Если бы я не лишенъ былъ зрѣнія, сколь бы велика была моя благодарность. Не имѣя въ немъ нужны, я могъ бы снабдить имъ неимущаго. Ахъ! если бы онъ былъ у меня послѣ бывшаго здѣсь пожара, умолкъ бы хотя на одни сутки вопль алчущихъ птенцовъ моего сосѣда. Но на что онъ мнѣ теперь? невижу куда его и положить; подастъ онъ можетъ быть случай къ преступленію. Полушку не много прибыли украсть, но за рублемъ охотно многіе протянутъ руку. Возми его назадъ добрый господинъ, и ты и я съ твоимъ рублемъ можемъ сдѣлать вора. О истинна! колико ты тяжка чувствительному сердцу, когда ты бываешь въ укоризну. Возми его назадъ, мнѣ право онъ не надобенъ, да и я уже его не стою. Угодно было Создателю, чтобы еще въ бодрыхъ моихъ лѣтахъ, лишенъ я вождей моихъ. Терпеливо сношу его прещеніе; за грѣхи мои онъ меня посѣтилъ. Я былъ воинъ, на многихъ бывалъ битвахъ съ непріятелями отечества; стражался всегда не робко. Но воину всегда должно быть по нуждѣ. Ярость исполняла всегда мое сердце при начатіи сраженія, я нещадилъ никогда у ногъ моихъ лежащаго непріятеля, просящему безоруженному помилованія не да-

илъ. Вознесенный побѣдою оружія нашего, когда устремлялся на караніе и добычу, палъ я ницъ, лишенный зрѣнія и чувствъ, пролѣтевшимъ мимо очей въ силѣ своей пушечнымъ ядромъ. О! вы послѣдующіе мнѣ, будьте мужественны, но помните человѣчество. Возвратилъ онъ мнѣ мой рубль и сѣлъ опять на мѣсто свое покойно.

Прими свой праздничный пирогъ дѣдушка, говорила слѣпому подошедшая женщина лѣтъ 50-ти. Съ какимъ восторгомъ, онъ принялъ его обѣими руками. Вотъ истинное благодѣяніе, вотъ истинная милостыня. 30-ть лѣтъ сряду, ѣмъ я сей пирогъ, по праздникамъ и по воскресеньямъ. Незабыла ты своего обѣщанія, что ты сдѣлала во младенчествѣ своемъ. И стоитъ ли то, что я сдѣлалъ для покойнаго твоего отца, что бы ты до гроба моего меня не забывала? Я друзья мои избавилъ отца ея отъ обыкновенныхъ не рѣдко побой крестьянамъ, отъ проходящихъ солдатъ. Солдаты хотѣли что то у него отнять; онъ съ ними заспорилъ. Дѣло было за гумнами, солдаты начали мужика бить; я былъ сержантомъ той роты, которой были солдаты, прилучился тутъ; прибѣжалъ на крикъ мужика и его избавилъ отъ побой, можетъ чего и больше, но впередъ отгады-

вать нельзя. Вотъ что вспомнила кормилица моя нынѣшняя, когда увидѣла меня здѣсь въ нищенскомъ состояніи. Вотъ чего не позабываетъ она каждый день и каждой праздникъ. Дѣло мое было не великое но доброе, а доброе пріятно Господу; за нимъ никогда ни что не проподаетъ.

Неужели ты меня, столько предъ всѣми обидилъ старичекъ, сказалъ я ему, и одно мое отвергнешь подаяніе? Неужели моя милостыня, есть милостыня грѣшника. — Да и та бываетъ ему на пользу, если служитъ къ умягченію его ожесточеннаго сердца. Ты огорчаешь давно уже огорченное сердце естественною казнію, говорилъ старецъ; невѣдалъ я, что могъ тебя обидѣть, не пріемля на вредъ послужить могущаго подаянія; прости мнѣ мой грѣхъ, но дай мнѣ, коли хочешь мнѣ что дать, дай что можетъ мнѣ быть полезно.... Холодная у насъ была весна, у мена болѣло горло — платчишка не было чѣмъ повязать шеи Богъ помиловалъ болѣзнь миновалась. Нѣтъ ли старенькаго у тебя платка? Когда у меня заболитъ горло, я его повяжу, онъ мою согрѣетъ шею, горло болѣть перестанетъ; я тебя вспоминать буду, если тебѣ нужно воспоминаніе нищаго. Я снялъ платокъ съ моей

шеи, повязалъ на шею слѣпаго. И разстался съ нимъ.

Возвращаяся чрезъ Клинъ, я уже не нашелъ слѣпаго пѣвца. Онъ за три дни моего пріѣзда умеръ. Но платокъ мой сказывала мнѣ та, которая ему приносила пирогъ по праздникамъ, надѣлъ заболѣвъ передъ смертію на шею, и съ нимъ положили его во гробъ. О! Если кто чувствуетъ цѣну сего платка, тотъ чувствуетъ и то, что во мнѣ производило слушавъ сіе.

Пешки.

Сколь мнѣ не хотѣлось поспѣшать въ окончаніи моего путешествія, но по пословицѣ голодъ не свой братъ, принудилъ меня зайти въ избу; и доколѣ не доберуся до рагу, фрикасе, паштетовъ и протчаго французскаго кушанья, на отраву изобрѣтеннаго, принудилъ меня пообѣдать старымъ кускомъ жареной говядины, которая со мною ѣхала въ запасѣ. Пообѣдавъ сей разъ, гораздо хуже нежели иногда обѣдаютъ многіе, въ дальнихъ походахъ; я по похвальному общему обыкновенію, налилъ въ чашку приготовленнаго для меня кофію и усладилъ прихотливость мою, плодами пота несчастныхъ Африканскихъ невольниковъ.

Увидѣвъ предо мною сахаръ, мѣсившая квашню хозяйка, подослала ко мнѣ маленькаго мальчика, попросить кусочикъ сего боярскаго кушанья. —Почему боярское? сказалъ я ей, давая ребенку остатокъ моего сахара; неужели и ты его употреблять не можешь? —Потому и боярское, что намъ купить его не начто. Правда что и бурмистръ нашъ, когда ѣздитъ къ Москвѣ, то его покупаетъ, но на наши слезы. —Развѣ ты думаешь, что тотъ, кто употребляетъ сахаръ заставляетъ васъ плакать? — Не всѣ. Не слезы ли ты крестьянъ своихъ пьешь, когда они ѣдятъ такой же хлѣбъ какъ и мы? Говоря сіе показывала она мнѣ составъ своего хлѣба. Онъ состоялъ изъ трехъ четвертей мякины и одной части несѣянной муки. Да и то слава Богу, при нынѣшнихъ неурожаяхъ, у многихъ сосѣдей нашихъ и того хуже. Что жъ бояре въ томъ прибыли, что вы ѣдите сахаръ, а мы голодны? Ребята мрутъ, мрутъ и взрослые. Но какъ быть потужишь, потужишь, а дѣлай то, что господинъ велитъ. И начала сажать хлѣбы въ печь.

Сія укоризна, произнесенная не гнѣвомъ или негодованіемъ, но глубокимъ ощущеніемъ душевныя скорби, исполнила сердце

мое грустію. Я обозрѣлъ въ первый разъ внимательно, всю утварь крестьянскія избы. Первый разъ обратилъ сердце къ тому, что до селѣ на немъ скользило. Четыре стѣны до половины покрытыя, такъ какъ и весь потолокъ сажею полъ въ щеляхъ на вершокъ по крайнѣй мѣрѣ порозшей грязью: печь безъ трубы, но лучшая защита отъ холода, и дымъ всякое утро наполняющій избу; окончины въ коихъ натянутой пузырь смеркающійся въ полдень пропускаетъ свѣтъ. горшка два или три, (счастлива изба, коли въ одномъ изъ нихъ, всякой день есть пустыя шти!..) Деревянная чашка, и крушки тарелками называемые; столъ топоромъ срубленной, которой скоблятъ скребкомъ по праздникамъ. Корыто кормить свиней, или телятъ, буде есть, спать съ ними вмѣстѣ глотая воздухъ, въ коемъ горящая свѣча какъ будто въ туманѣ или за завѣсою кажется. Къ счастію кадка съ квасомъ, на уксусъ похожимъ, и на дворѣ баня, въ коей коли не парятся, то спитъ скотина. Посконная рубаха, обувь данная природою, онучки съ лаптями для выхода.

Жестокосердый помѣщикъ посмотри на дѣтей крестьянъ тебѣ подвластныхъ. Они почти наги. Отъ чего? Не ты ли родшихъ

ихъ въ болѣзни и горести, обложилъ всѣхъ полевыхъ работъ, оброкомъ? Не ты ли не сотканное еще полотно опредѣляешь себѣ въ пользу. На что тебѣ смрадное рубище, которое къ нѣгѣ привыкшая твоя рука, подъяти гнушается? Едва послужитъ оно на отираніе служащаго тебѣ скота. Ты собираешь и то, что тебѣ не надобно, не смотря на то, что не прикрытая нагота твоихъ крестьянъ, тебѣ въ обвиненіе будетъ. Если здѣсь нѣтъ на тебя суда; но предъ судіею невѣдующимъ лицепріятія, давшимъ нѣкогда и тебѣ путеводителя благого—совѣсть; но коего развратной твой разсудокъ, давно изгналъ изъ своего жилища, изъ сердца твоего. Но не ласкайся безвозмездіемъ. Неусыпный сей дѣяній твоихъ стражъ, уловитъ тебя на единѣ, и ты почувствуешь его кары. О! еслибы они были и подвластнымъ тебѣ на пользу... О! если бы человѣкъ входя по часту во внутренность свою, исповѣдалъ бы не укротимому судіи своему,—совѣсти, свои дѣянія. Претворенный въ столпъ неподвижный, громоподобнымъ ея гласомъ, не пускался бы онъ на тайныя злодѣянія; рѣдки бы тогда стали губительствы, опустошеніи... и проч. и проч.

Черная грязь.

Здѣсь я видѣлъ такъ же изрядный опытъ самовластія дворянскаго надъ крестьянами. Проѣзжала тутъ свадьба. Но вмѣсто радостнаго поѣзда и слезъ боязливой невѣсты скоро въ радость притворится опредѣленныхъ, зрѣлись на челѣ опредѣленныхъ вступать въ супружество печаль и уныніе. Они другъ друга ненавидятъ, и властію господина своего, влекутся на казнь, къ олтарю отца всѣхъ благъ, подателя нѣжныхъ чувствованій и веселій, зиждителя истиннаго блаженства.

Я тебѣ читатель позабылъ сказать, что парнаской судья въ которомъ я въ Твери обѣдалъ въ трактирѣ, мнѣ сдѣлалъ подарокъ. Голова его надъ многимъ чемъ испытывала свои силы. Сколь опыты его были удачны, коли хочешь, суди самъ, а мнѣ скажи на ушко какаво тебѣ покажется. Если читая, тебѣ захочется спать; то сложи книгу, и усни. Береги ее для безсонницы.

Слово о Ломоносовѣ.

Пріятность вечера послѣ жаркаго лѣтняго дня, выгнала меня изъ моей кельи. Стопы

мои направилъ я за Невскій Монастырь, и долго гулялъ въ рощѣ позади его лежащей [1]). Солнце лицо свое уже сокрыло, но легкая завѣса ночи, едва, едва лишъ на синемъ сводѣ была чувствительна [2]). Возвращаяся домой, я шелъ мимо Невскаго кладьбища. Ворота были отверсты. Я вошелъ... На семъ мѣстѣ вѣчнаго молчанія, гдѣ наитвердѣйшее чело поморщится не сомненно, помысливъ, что тутъ долженствуетъ быть конецъ блестящихъ подвиговъ; на мѣстѣ незыбляемаго спокойствія, и равнодушія непоколебимаго, могло ли бы, казалося, совмѣстно быть киченіе, тщеславіе и надмѣнность. Но гробницы великолѣпные? Суть знаки несомненные, человѣческія гордыни; но знаки желанія его жити вѣчно.

Но се ли вѣчность, которыя человѣкъ толико жаждущь?.. Но столпъ воздвигнутый надъ тлѣніемъ твоимъ, сохранитъ память твою, въ дальнѣйшее потомство. Не камень съ изсѣченіемъ имени твоего, пренесетъ славу твою въ будущія столѣтія. Слово твое живущее присно и во вѣки въ твореніяхъ твоихъ, слово Россійскаго племени, тобою

---

[1]) Озерки.

[2]) Іюнь. *Прим. Редакт.*

въ языкѣ нашемъ обновленное, прелѣтитъ въ устахъ народныхъ, за необозримый горизонтъ столѣтій. Пускай стихіи свирѣпствуя сплотенно, разверзнутъ земную хлябь, и поглотятъ великолѣпный сей градъ, откуда громкое твое пѣніе раздавалося во всѣ концы обширныя Россіи; доколѣ слово Россійское, ударять будетъ слухъ, ты живъ будешь и не умрешь. Если умолкнетъ оно, то и слава твоя угаснетъ. Лѣстно, лѣстно такъ умрети. Но если кто умѣетъ изчислить мѣру сего продолженія, если перстъ гаданія, назначитъ предѣлъ твоему имени, то не се ли вѣчность?.. Сіе изрекъ я въ восторгѣ, остоновясь предъ столпомъ надъ тлѣніемъ Ломоносова воздвигнутымъ. — Нѣтъ, не хладный камень сей повѣтствуетъ, что ты жилъ на славу имени Россійскаго, не можетъ онъ сказать, что ты былъ. Творенія твои, да повѣствуютъ намъ о томъ, житіе твое да скажетъ по что ты славенъ.

Гдѣ ты, о! возлюбленный мой! гдѣ ты? Пріиди бесѣдовати со мною о великомъ мужѣ. Пріиди да сплетемъ вѣнецъ насадителю Россійскаго слова. Мы воспоемъ пѣснь заслугъ къ обществу.

Михайло Васильевичъ Ломоносовъ родился въ Холмогорахъ... Рожденный отъ человѣ-

ка, который не могъ дать ему воспитанія, дабы посредствомъ онаго, понятія его изострилося и украсилося полезными и пріятными знаніями; опредѣленный по состоянію своему, препровождать дни свои между людей, коихъ окружность мысленныя области не далѣе ихъ ремесла простирается; сужденный дѣлить время свое, между рыбнымъ промысломъ и стараніемъ получить мзду своего труда; разумъ молодаго Ломоносова, не могъ бы достигнуть той обширности, которую онъ пріобрѣлъ трудясь въ испытаніи природы, ни гласъ ей той сладости, которую онъ имѣлъ отъ обхожденія чистыхъ муззъ. Отъ воспитанія въ родительскомъ домѣ, онъ пріялъ маловажное, но ключь ученія, знаніе читать и писать, а отъ природы любопытство. И се природа твое торжество. Алчное любопытство, вселенное тобою въ души наши, стремится къ познанію вещей; а кипящее сердце славолюбіемъ, не можетъ терпѣть путь его стѣсняющихъ. Реветъ оно, клокочетъ, стонетъ и махомъ прерывая узы, лѣтитъ стремглавъ, (нѣтъ преткновенія), къ предлогу своему; забыто все, одинъ предлогъ въ умѣ; имъ дышемъ, имъ живемъ.

Не выпуская изъ очей своихъ вожделеннаго предмѣта, юноша собираетъ познаніе

вещей, въ слабѣйшихъ ручьяхъ протекшаго наукъ источника, до нижайшихъ степеней общества. Чуждый руководства, столь нужнаго, для ускоренія въ познаніяхъ, онъ первую силу разума своего, память, остритъ и украшаетъ тѣмъ, чтобы разсудокъ его острить долженствовало. Сія тѣсная округа свѣдѣній, кои онъ могъ пріобрѣсть на мѣстѣ рожденія своего, не могла усладить жаждущаго духа, но паче возжгла въ юношѣ непреодолимое къ ученію стремленіе. Блаженъ! что въ возрастѣ, когда волненіе страстей изводитъ насъ въ первые изъ нечувствительности, когда приблежаемся степени возмужалости, стремленіе его обратилося къ познанію вещей.

Подстрекаемъ науки алябою, Ломоносовъ оставляетъ родительскій домъ; течетъ въ престольный градъ, приходитъ въ обитель иноческихъ муззъ, и вмѣщается въ число юношей посвятившихъ себя ученію свободныхъ наукъ и слову Божію.

Преддверіе учености, есть познаніе языковъ; но представляется яко поле терніемъ насажденное, и яко гора строгимъ каменемъ усѣянная. Глазъ не находитъ тутъ пріятности расположенія стопы путешественника, покойныя гладости на отдохновеніе, ни зеле-

нѣющагося убѣжища утомленному тутъ нѣтъ. Тако учащійся, приступивъ къ неизвѣстному языку, поражается разными звуками. Гортань его необыкновеннымъ журчаніемъ исходящаго изъ нея воздуха утомляется, и языкъ новообразно извиваться принужденный, изнемогаетъ. Разумъ тутъ цѣпенѣетъ, разсудокъ безъ дѣйствія ослабѣваетъ, воображеніе теряетъ свое крыліе: единая память бдитъ и острится, и всѣ излучины и отверстія свои, наполняетъ образами не извѣстныхъ доселѣ звуковъ. При ученіи языковъ все отвратительно и тягостно. Если бы не подкрѣпляла надежда, что пріучивъ слухъ свой къ необыкновенности звуковъ, и усвоивъ чуждыя произношенія, не откроются потомъ пріятнѣйшія предметы, то не уповательно восхотѣлъ ли бо кто вступить въ столь строгій путь. Но превзошедъ сіи трудности, коликократко награждается постоянство въ понесенныхъ трудахъ. Новые представляются тогда естества виды, новая цѣпь воображеній. Познаніемъ чуждаго языка становимся мы гражданами тоя области, гдѣ онъ употребляется, собѣсѣдуемъ съ жившими за многія тысячи вѣковъ, усвояемъ ихъ понятія, и всѣхъ народовъ и всѣхъ вѣ-

ковъ изобрѣтенія и мысли, сочетоваемъ и приводимъ въ единую связь.

Упорное прилѣжаніе въ ученіи языковъ сдѣлало Ломоносова согражданиномъ Аѳинъ и Рима. И се наградилося его постоянство. Яко слѣпецъ отъ чрева матерня свѣта не зрѣвшій, когда искусною глазоврачевателя рукою, возсіяетъ для него величество дневнаго свѣтила; быстрымъ взоромъ протекаетъ онъ, всѣ красоты природы, дивится ея разновидности и простотѣ. Все его плѣняетъ, все поражаетъ. Онъ живѣе обыкшихъ всегда возрѣни очей, чувствуетъ ея изящности, восхищается и приходитъ въ восторгъ. Тако Ломоносовъ получивши свѣдѣніе Латинскаго и Греческаго языковъ, пожиралъ красоты древнихъ витій и стихотворцевъ. Съ ними научался онъ чувствовать изящности природы; съ ними научался познавать всѣ уловки искуства кроющагося всегда въ одушевленныхъ стихотворствомъ видахъ съ ними научался изъявлять чувствія свои, давать тѣло мысли и душу бездыханному.

Если бы силы мои достаточны были представилъ бы я, какъ постепенно великій мужъ водворялъ въ понятіе свое, понятіи чуждыя, кои преобразовавшись въ душѣ его и разумѣ, въ новомъ видѣ явилися въ его тво-

реніяхъ, или родили совсѣмъ другіе, уму человѣческому до селѣ недовѣдомые. Представилъ бы его ищущаго знанія въ древнихъ рукописяхъ своего училища, и гоняющагося за видомъ ученія, вездѣ гдѣ казалося быть его хранилище. Часто обманутъ бывалъ въ ожиданіи своемъ, но частнымъ чтеніемъ Церковныхъ книгъ, онъ основаніе положилъ къ изящности своего слога; какое чтеніе онъ предлагаетъ всѣмъ желающимъ пріобрѣсти искуство Россійскаго слова.

Скоро любопытство его щедрое получило удовлетвореніе. Онъ ученикъ сталъ славнаго Вольфа. Отрясая правила схоластики или паче заблужденія, преподанныя ему въ монашескихъ училищахъ, онъ твердыя и ясныя полагалъ степени къ восхожденію во храмъ любомудрія. Логика научила его разсуждать; математика вѣрныя дѣлать заключеніи и убѣждаться единою очевидностію; метафизика преподала ему гадательныя истинны ведущія часто къ заблужденію: физика и химія, къ коимъ можетъ быть ради изящности силы воображенія прилѣжалъ отлично, ввели его въ жертвенникъ природы и открыли ему ея таинства; металургія и минералогія яко послѣдственницы предъидущихъ, привлекли на себя его вниманіе, и

дѣятельно хотѣлъ Ломоносовъ познать правила въ оныхъ наукахъ руководствующія.

Изобиліе плодовъ и произведеніи понудило людей мѣнять ихъ на таковыя, въ коихъ былъ недостатокъ. Сія произвело торговлю. Великія въ мѣновномъ торгу затрудненія, побудили мыслить о знакахъ всякое богатство и всякое имущество представляющихъ. Изобрѣтены деньги. Злото и сребро яко драгоцѣнѣйшія по совершенству своему металы и доселѣ украшеніемъ служившіе, преображены стали въ знаки всякое стяжаніе представляющіе. И тогда только поистинѣ, тогда возгорѣлась въ сердцѣ человѣческомъ, ненасытная сія и мерзительная страсть къ богатствамъ, которая яко пламень вся пожирающій усиливается получая пищу. Тогда оставивъ первобытную свою простоту, и природное свое упражненіе земледѣліе, человѣкъ предалъ животъ свой свирѣпымъ волнамъ, или призривъ гладъ и зной пустынный, претекалъ чрезъ оныя и невѣдомыя страны, для снисканія богатствъ и сокровищъ. Тогда презревъ свѣтъ солнечный, живый нисходилъ въ могилу, и разторгнувъ нѣдра земныя прорывалъ себѣ нору, подобенъ земному гаду, ищущему въ нощи свою пищу. Тако человѣкъ сокры-

ваясь въ пропостяхъ земныхъ искалъ блестящихъ металовъ, и сокращалъ предѣлы своея жизни на половину, питаяся ядовитымъ дыханіемъ паровъ изъ земли исходящихъ. Но какъ и самая отрава ставъ иногда привычкою, бываетъ необходимою человѣку въ употребленіи, такъ и добываніи металовъ сокращая дни ископателей, не отвергнуто ради своея смертоносности; а паче изысканы способы добывать легчайшимъ образомъ большее число металовъ по возможности.

Сего то хотѣлъ познать Ломоносовъ дѣятельно, и для исполненія своего намѣренія отправился въ Фрейбергъ. Мнѣ мнится, зрю его прошедшаго къ отверстію, чрезъ которое истекаетъ исторгнутый изъ нѣдръ земныхъ металовъ. Пріемлетъ томное свѣтилъ. опредѣленное освѣщать его въ ущелинахъ. куда солнечные лучи досязать не могутъ ни коли. Исполнилъ первый шагъ; что дѣлаешь. вопіетъ ему разсудокъ? Неужели отличила тебя природа своими дарованіями для того только, чтобы ты употреблялъ ихъ на пагубу своея собратіи. Что мыслишь низходя въ сію пропасть? Желаешь ли снискать вящшее искуство извлекати сребро и злато? Или невѣдаешь какое въ мирѣ сотворили они зло?

Или забылъ завоеваніе Америки?.. Но нѣтъ низходи, познай подземныя ухищренія человѣка, и, возвратясь въ отечество, имѣй довольно крѣпости духа, подать совѣтъ зарыть и заровнять сіи могилы, гдѣ тысящи въ животѣ сущіи погребаются.

Трепещущь нисходитъ въ отверстіе и скоро теряетъ изъ виду живоносное свѣтило. Желалъ бы я послѣдовать ему въ подземномъ его путешествіи, собрать его размышленіи, и представить ихъ въ той связи и тѣмъ порядкомъ, какими они въ разумѣ его возрождаются. Картина его мыслей была бы для насъ увеселительною и учебною.—Проходя первой слой земли, источникъ всякаго прозябенія, подземный путешественникъ, обрѣлъ его несходственнымъ съ послѣдующими; отличающимся отъ другихъ паче всею своею плодоностною силою. Заключалъ, можетъ быть, изъ того, что поверхность сія земная не изъ чего инаго составлена, какъ изъ тлѣнія животныхъ и прозябеній; что плодородіе ея, сила питательная и возобновительная, начало свое имѣетъ въ неразрушимыхъ и первенственныхъ частяхъ всяческаго бытія, которыя не перемѣняя своего существа, перемѣняютъ видъ только свой, изъ сложенія случайнаго рождающійся. Про-

ходя далѣе, подземный путешественникъ зрѣлъ землю всегда расположенную слоями. Въ слояхъ находилъ иногда остатки животныхъ въ моряхъ живущихъ, находилъ остатки растеній и заключать могъ, что слоистое расположеніе земли, начало свое имѣетъ въ наплавномъ положеніи водъ, и что воды переселяяся изъ одного края земнаго шара къ другому, давали землѣ тотъ видъ, какой она въ недрахъ своихъ представляетъ. Сіе единовидное слоевъ расположеніе, теряяся изъ его зрака представляло иногда ему смѣшеніе многихъ разнородныхъ слоевъ. Заключалъ изъ того, что свирѣпая стихія огнь, проникнувъ въ нѣдра земныя и встрѣтивъ противубодрствующую себѣ влагу, ярясь мутила, трясла, валила и метала все что ей упорствовать тщилося своимъ противодѣйствіемъ. Смутивъ и смѣшавъ разнородныя, знойнымъ своимъ дохновеніемъ возбудила въ первобытностяхъ металловъ силу притяжательную и ихъ соединила. Тамъ узрѣлъ Ломоносовъ сіи мертвыя по себѣ сокровища въ природномъ ихъ видѣ, воспомянулъ амбу и бѣдствіе человѣковъ, и съ сокрушеннымъ сердцемъ оставилъ сіе мрачное обиталищѣ людской ненасытности.

Упражняяся въ познаніи природы онъ не

оставилъ возлюбленнаго своего ученія стихотворства. Еще въ отечествѣ своемъ, случай показалъ ему, что природа назначила его къ величію, что въ обыкновенной стезѣ шествія человѣческаго онъ скитаться не будетъ. Псалтирь, Симіономъ Полоцкимъ въ стихи преложенная, ему открыла о немъ таинство природы, показала что и онъ стихотворецъ. Бѣсѣдуя съ Гораціемъ Виргильемъ и другими древними писателями, онъ давно уже удостовѣрился, что стихотвореніе Россійское, весьма было несродно благогласію и важности языка нашего, читая Немѣцкихъ стихотворцовъ, онъ находилъ, что слогъ ихъ былъ плавнѣе Россійскаго, что стопы въ стихахъ были расположены по свойству языка ихъ. И такъ онъ вознамѣрился сдѣлать опытъ сочиненія новообразными стихами, поставивъ сперва Россійскому стихотворенію правила, на благогласіи нашего языка основанныя. Сіе исполнилъ онъ одою, на побѣду одержанную Россійскими войсками надъ Турками и Татарами и на взятіе Хотина, которую изъ Марбурга онъ прислалъ въ Академію Наукъ. Необыкновенность слога, сила выраженія, изображенія едва не дышущія, изъумили читающихъ сіе новое произведеніе. И сіе

первородное чадо стремящагося воображенія по не преложенному пути, въ доказательство съ другими купно послужило, что когда народъ направленъ единожды къ усовершенствованію, онъ ко славѣ идетъ не одною тропинкою, но многими стезями вдругъ.

Сила воображенія и живое чувствованіе не отвергаютъ розысканія подробностей. Ломоносовъ давая примѣры благогласія, зналъ, что изящность слова основана на правилахъ языку свойственныхъ. Восхотѣлъ ихъ извлечь изъ самаго слога, не забывая однакоже, что обычай первой всегда падаетъ въ сочетаніи словъ примѣръ, и рѣченіи, изъ правила изходящія, обычаемъ становятся правильными. Раздробляя всѣ части рѣчи, и сообразуя ихъ съ употребленіемъ ихъ, Ломоносовъ составилъ свою Граматику. Но недовольствуяся преподавать правила Россійскаго слова, онъ даетъ понятіе о человѣческомъ словѣ вообще, яко благороднѣйшемъ по разумѣ — дарованіи, данномъ человѣку для сообщенія своихъ мыслей. Се сокращеніе общей его граматики. Слово представляетъ мысли, орудіе слова есть голосъ; голосъ измѣняется образованіемъ или выговоромъ; различное измѣненіе голоса изобрѣтаетъ различіе мыслей; и такъ слово есть

изображеніе нашихъ мыслей, посредствомъ образованія голоса чрезъ органы на то устроенные. Поступая далѣе отъ сего основанія Ломоносовъ опредѣляетъ нераздѣлимые части слова, коихъ изображенія называютъ буквами. Сложеніе не раздѣльныхъ частей слова производитъ склады, кои опричь образовательнаго различія голоса, различаются еще такъ называемыми удареніями, на чемъ основывается стихосложеніе. Сопряженіе складовъ производитъ рѣченія, или знаменательныя части слова. Сіи изображаютъ или вещь, или ея дѣяніе. Изображеніе словестное вещи называется имя, изображенія дѣянія гласомъ. Для изображенія же сношенія вещей между собою и для сокращенія ихъ въ рѣчи, служатъ другія части слова. Но первыя суть необходимы и называться могутъ главными частями слова, Ломоносовъ находитъ, что нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ въ себѣ отмѣны. Вещь можетъ находится въ разныхъ, въ разсужденіи другихъ вещей, положеніяхъ. Изображеніе таковыхъ положеній и отношеній именуется падежами. Дѣяніе всякое располагается по времени, оттуда и глаголы расположены по временамъ, для изображенія дѣянія въ какое время оное происходитъ. Наконецъ Ломоносовъ

говоритъ о сложеніи знаменательныхъ частей слова, что производитъ рѣчи.

Предпославъ такое философическое разсужденіе о словѣ вообще, на самомъ естествѣ тѣлеснаго нашего сложенія основанномъ, Ломоносовъ преподаетъ правила Россійскаго слова. И могутъ ли быть они посредственны, когда начертавшій ихъ разумъ, водимъ былъ въ граматическихъ терніяхъ свѣтильникомъ остроумія! Не гнушайся, великій мужъ, сія хвалы. Между согражданами твоими не грамматика твоя одна соорудила тебѣ славу. Заслуги твои о Россійскомъ словѣ суть многообразны, и ты почитаешися въ малопритяжательномъ семъ своемъ трудѣ, яко первымъ основателемъ истинныхъ правилъ языка нашаго, и яко розыскателемъ естественнаго расположенія всяческаго слова. Твоя грамматика есть преддверіе чтенія твоея риторики, а та и другая — руководительницы, для осязанія красотъ изрѣченія твореній твоихъ. Поступая въ преподаваніи правилъ, Ломоносовъ вознамѣрился руководствовать согражданамъ своимъ, въ стезяхъ тернистыхъ Гелликона, показавъ имъ путь къ краснорѣчію, начертывая правила риторики и поэзіи. Но краткость его

жизни допустила его изъ подъятаго труда совершить одну только половину.

Человѣкъ рожденный съ нѣжными чувствами, одаренный сильнымъ воображеніемъ, побуждаемый любочестіемъ исторгается изъ среды народныя.

Восходитъ на лобное мѣсто. Всѣ взоры на него стремяться, всѣ ожидаютъ съ нетерпеніемъ его произреченія. Его же ожидаетъ плесканіе рукъ, или посмѣяніе горшѣе самыя смерти. Какъ можно быть ему посредственнымъ? Таковъ былъ Демосѳенъ таковъ былъ Цицеронъ; таковъ былъ Питъ; таковы нынѣ Буркъ, Фоксъ, Мирабо, и другіе. Правила ихъ рѣчи почерпаемы въ обстоятельствахъ, сладость изрѣченія въ ихъ чувствахъ, сила доводовъ въ ихъ остроуміи. Удивляяся толико отмѣннымъ въ словѣ мужамъ и раздробляя ихъ рѣчи, хладнокровныя критики думали, что можно начертать правила остроумію и воображенію, думали, что путь къ прелѣстямъ проложить можно томными предписаніями. Сіе есть начало риторики. Ломоносовъ слѣдуя, не замѣчая того, своему соображенію исправившемуся бѣседою съ древними писателями, думалъ такъ же, что можетъ сообщить согражданамъ своимъ, жаръ, душу его испол-

нявшій. И хотя онъ тщетный въ семъ предпріялъ трудъ, но примѣры, приводимые имъ для подкрѣпленія и объясненія его правилъ, могутъ несомнѣнно руководствовать, пускающемуся во слѣдъ славы, словесными науками стяжаемой.

Но если тщетный его былъ трудъ въ преподованіи правилъ тому, что болѣе чувствовать должно нежели твердить, Ломоносовъ надѣжнійшія любящимъ Россійское слово оставилъ примѣры въ своихъ твореніяхъ. Въ нихъ сосавшія уста сладости Цицероновы и Демосѳеновы, растворяются на велерѣчіе. Въ нихъ на каждой строкѣ, на каждомъ препинаніи, на каждомъ слогѣ,—почто не могу сказать — при каждой буквѣ, слышенъ стройный и согласный звонъ столь рѣдкаго, столь мало подражаемаго, столь свойственнаго ему благогласія рѣчи. Пріявъ отъ природы право неоцѣненное дѣйствовать на своихъ современниковъ, пріявъ отъ него силу творенія, поверженный въ среду народныя стези, великій мужъ дѣйствуетъ на оную, но и не въ одинаковомъ всегда направленіи. Подобенъ силамъ естественнымъ дѣйствующимъ отъ средоточія, которыя простирая дѣйствіе свое во всѣ точки окружности, дѣятельность свою присно вездѣ

содѣловаютъ. Тако и Ломоносовъ дѣйствуя на согражданъ своихъ разнообразно, разнообразныя отверзалъ общему уму стези на познаніи. Повлекши его за собою въ слѣдъ, разплѣтая запутанный языкъ на велерѣчіе и благогласіе, неоставилъ его при тощемъ, безъ мыслей источникѣ словесности. Воображенію вѣщалъ: лѣти въ безпредѣльность мечтаній и возможности, собери яркіе цвѣты одушевленнаго, и вощдаяся вкусомъ украшей оными самую не осязательность. И се таки гремѣвшая на Олимпическихъ играхъ Пиндарова труба, возграсила

Всехвышняго во слѣдъ псалмопѣвца.

На ней возвѣшилъ Ломоносовъ вѣличіе предвѣчнаго возсѣдающаго на крылѣ вѣтренней, предшествуемаго громомъ и молніею, и въ солнцѣ являя смертнымъ, своею существенностью, жизнь. Умѣряя гласъ трубы Пиндаровой, на ней же онъ воспѣлъ бренность человѣка и близкій предѣлъ его понятій. Въ безднѣ міровъ безпредѣльной, какъ въ морскихъ волнахъ малѣйшая песчинка; какъ во льдѣ нетающемъ николи искра едва блестящая, въ самолютѣйшемъ вихрѣ какъ прахъ тончайшій, — что есть разумъ человѣческій? Но позавидуетъ, немогущій въ слѣдъ тебѣ идти, писатель одъ позавидуетъ прелѣстной

картинѣ народнаго спокойствія и тишины, сей сильной ограды градовъ и селъ, царствъ и царей утѣшенія; позавидуетъ безчисленнымъ красотамъ твоего слова, и, если удастся когда либо достигнутъ непрерывнаго твоего въ стихахъ благогласія, но доселѣ не удалося еще никому. И пускай удастся всякому превзойти тебя своимъ сладкопѣніемъ, пускай потомкамъ нашимъ покажешся ты нестроенъ въ мысляхъ, неизбыточенъ въ существенности твоихъ стиховъ!..... Но воззри: въ пространномъ ристалищѣ, коею конца око не досязаетъ среди толпящейся многочисленности, на возглавіи, впереди всѣхъ, се врата отверзающихъ къ ристалищу, се ты. Прославиться всякъ можетъ подвигами, но ты былъ первый. Родилъ онъ тебя прежде другихъ, родилъ тебя въ вожди, и слава твоя есть слава вождя. Да! вы доселѣ безплодно трудившіеся надъ познаніемъ существенности души и какъ сія дѣйствуетъ на тѣлесность нашу, се трудная вамъ предлежитъ задача на испытаніе. Вѣщайте, какъ душа, дѣйствуетъ на душу, какая есть связь между умами? Если знаемъ какъ тѣло дѣйствуетъ на тѣло прикосновеніемъ, повѣдайте, какъ неосязаемое дѣйствуетъ на неосязаемое, производя вещест-

венность; или какое между безвещественной есть прикосновеніе. Что оно существуетъ, то знаете. Но если вѣдаете, какое дѣйствіе разумъ великаго мужа имѣетъ надъ общимъ разумомъ по вѣдайте еще, что великій мужъ можетъ родить великаго мужа; се вѣнецъ твой побѣдоносный. О, Ломоносовъ, ты произвелъ Сумарокова. Но если дѣйствіе стиховъ Ломоносова, могло размашистой сдѣлать шагъ въ образованіи стихотворческаго понятія его современникомъ, краснорѣчіе его чувствительнаго или явнаго ударенія не сдѣлало. Цвѣты, собранные имъ въ Афинахъ и въ Римѣ и столь удачно въ словахъ его пресажденные, сила выраженія Демосфенова, сладкорѣчіе Цицероново. И кто? онъ же, пресытившися обильнымъ велерѣчіемъ похвальныхъ твоихъ словъ, возгремитъ нетвоимъ хотя слогомъ, но будетъ твой воспитанникъ. Далеко ли время сіе, или близко, блудящій взоръ, скитаяся въ неизвѣстности грядущаго, не находитъ подножія остановиться. Но если мы непосредственнаго отъ витійства Ломоносова ненаходимъ отродія, дѣйствія его благогласія и звонкаго препинанія безстопной рѣчи, было однакоже всеоб-

щее: Если не было ему послѣдователя въ витійствѣ гражданскомъ, но на общій образъ письма оно распространилося. Сравни то, что писано до Ломоносова и то что писано послѣ его, дѣйствіе его прозы будетъ всѣмъ внятно. Но не заблуждаемъ ли мы въ нашемъ заключеніи? За долго до Ломоносова находимъ въ Россіи краснорѣчивыхъ пастырей церкви, которые возвѣщая слово Божіе пастьбѣ своей, ее учили и сами словомъ своимъ славилися. Правда они были; но слогъ ихъ не былъ слогъ Россійской. Они писали какъ можно было писать до нашествія татаръ; до сообщенія Россіянъ съ народами Европейскими. Они писали языкокомъ Славенскимъ. Но ты, зрѣвшій самаго Ломоносова и въ твореніяхъ его поучаяся, можетъ быть, велерѣчію, забвенъ мною не будешъ. Когда Россійское воинство порожая, гордыхъ отомановъ, превысило чаяніе всѣхъ, на подвиги его взирающихъ окомъ равнодушнымъ или завистливымъ, ты, призванный на торжественное благодареніе Богу браней, Богу силъ, о! ты въ восторгѣ души твоей, къ Петру взывавшій надъ гробницею его, да приидетъ зрѣти плода своего насажденія, — возстани, Петръ, возстани» когда очарованное тобою ухо, очаровало по

чредѣ око, когда казалося всѣмъ, что приспѣвый ко граду Петрову, воздвигнути его желаешь, силою вышнею одаренный: тогда бы и я вещалъ къ Ломоносову, зри зри и здѣсь твое насажденіе. Но если онъ слову могъ тебя научить..... Въ Платонѣ душа Платона, и да восхититъ и удивитъ насъ, то, чему учило его сердцѣ. Чуждый раболѣбствованія нетокмо въ томъ, что благоговѣніе наше возбуждать можетъ, но даже и въ любленіи нашемъ, мы, отдавая справедливость великому мужу, невозмнимъ быти ему Богомъ всезиждущимъ, не посвятимъ его истуканомъ на поклоненіе обществу, и небудемъ пособниками въ укореніи кого либо, предразсужденія, или ложнаго заключенія. Истина есть высшее для насъ божество, и если бы Онъ восхотѣлъ измѣнить ея образъ являялся не въ ней, лицѣ наше будетъ, отъ него отвращено. Слѣдуя истиннѣ, небудемъ въ Ломоносовѣ искать великаго дѣяписателя, несравнимъ его съ Тацитомъ, Реналемъ, или Робертсономъ; не поставимъ его на степени Марграфа или Ридигера, зане упражнялся въ химіи. Если сія наука была ему любезна, если многія дни житія своего провѣлъ онъ въ изслѣдованіи истинъ естественности, то шествіе его, было шес

послѣдователя. Онъ скитался путями проложенными, и въ неизчисленномъ богатствѣ природы, не нашелъ онъ ни малѣйшія былинки, которой бы не зрѣли лучшіе его очи, не соглядалъ онъ ниже грубѣйшія пружины въ вѣщественности, которую бы не обнаружили его предшественники.

Ужели поставимъ его близъ удостоившагося наилѣстнѣйшія надписи, которую человѣкъ близъ изображенія своего зрѣть можетъ? За то ли Ломоносова близь его поставимъ, что преслѣдовалъ електрической силѣ въ ея дѣйствіяхъ, что не отвращенъ былъ отъ изслѣдованія о ней, видя силою ея, учителя своего, пораженнаго смертію. Ломоносовъ умѣлъ производить електрическую силу, умѣлъ отвращать удары грома, но Фланклинъ въ сей наукѣ есть зодчій, а Ломоносовъ рукодѣлъ. Но если Ломоносовъ недостигъ великости въ испытаніяхъ природы, онъ дѣйствія ея великолѣпныя описалъ намъ слогомъ чистымъ и внятнымъ. И хотя мы не находимъ въ твореніяхъ его, до естественныя науки касающихся, изящнаго учителя естественности, найдемъ однакоже учителя въ словѣ и всегда достойный примѣръ на послѣдованіе. И такъ отдавая справедливость великому мужу, поставляя имя

ова въ достойную его лучезарность,
щемъ здѣсь вмѣнить ему и то въ
тво, чего онъ не сдѣлалъ или на
дѣйствовалъ; разпложая неистовое
ождаемся изступленіемъ и пристра-
Цѣль наша не сія. Мы желаемъ по-
нто въ отношеніи Россійской сло-
, тотъ, кто путь ко храму славы
лъ, есть первый виновникъ въ при-
и славы, хотя бы онъ войти во
е могъ. Баконъ Верумамскій недо-
развѣ напоминовенія, что могъ ток-
ть, какъ можно размножить науки?
почтемъ Ломоносова, для того, что
влъ правилъ позорищнаго стихотво-
омился въ Епопеи, что чуждъ былъ
ихъ чувствительности, что невсег-
ицателенъ въ сужденіяхъ, и что
ь своихъ, вмѣщалъ иногда болѣе
нежели мыслей. Но внемли: пре-
атія временъ, когда небыло бытію
и все терялося въ вѣчности и не-
ости; все источнику силъ возможно
я красота вселенныя существовала
ысли, но дѣйствія небыло, небыло
И се рука всемощная, толкнувъ ве-
ость въ пространство, дала ей дви-
олнце возсіяло, луна пріяла свѣтъ и

тѣлеса крутящіеся горѣ образовалися? Первый махъ въ твореніи всесиленъ былъ; вся чудесность міра, вся его красота суть только слѣдствія. Вотъ какъ понимаю я дѣйствіе великія души надъ душами современниковъ или потомковъ; вотъ какъ понимаю дѣйствіе разума надъ разумомъ. Въ стезѣ Россійской словесности Ломоносовъ есть первый. Бѣги толпа завистливая, се потомство о немъ судитъ, — оно не лицемѣрно.

Ну, любезный читатель я, съ тобою закалякался... Вотъ уже Всесвятское... Если я тебѣ не наскучилъ, то подожди меня у околицы, мы повидаемся на возвратномъ пути. Теперь прости. — Ямщикъ, погоняй! —

Москва! Москва!!...

ПЕЧАТНЯ В. ГОЛОВИНА,
у Владимірской церкви, домъ № 15,
кв. № 3.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

HN 525 .R336 1868 C.1
Radishchev i ego kniga:
Stanford University Libraries
3 6105 039 970 525